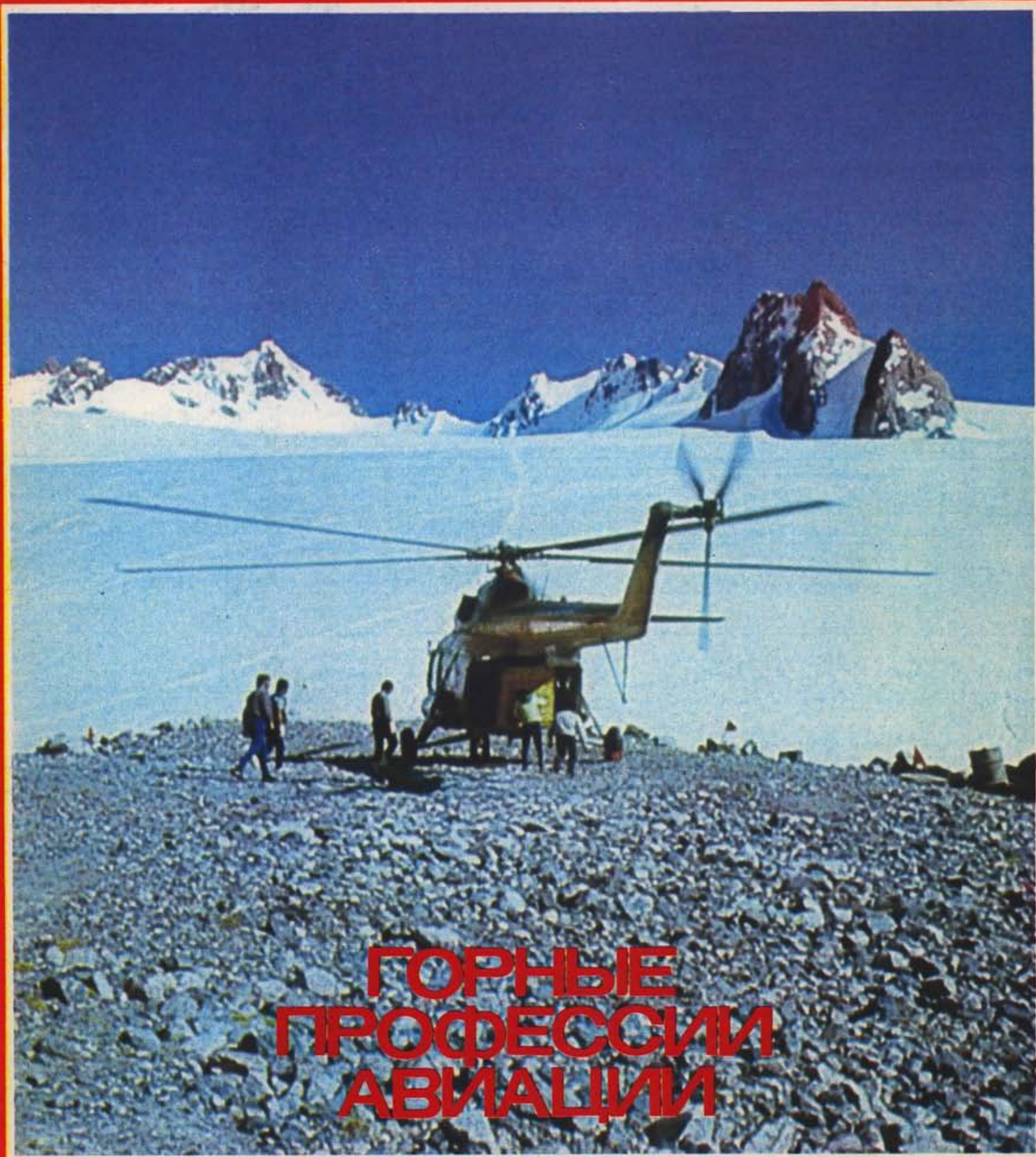

СМЕНА

№ 23 ДЕКАБРЬ 1979

**ГОРНЫЕ
ПРОФЕССИИ
АВИАЦИИ**

Владимир КИРИЛЛИН,
заместитель Председателя Совета Министров СССР,
председатель Государственного комитета
Совета Министров СССР по науке и технике,
академик.

полностью создана на основе научных открытий, позволяет совершенно определенно отнести эти открытия к крупнейшим научным достижениям нашего века, нашедшим практическое применение.

Еще большим станет их значение в ближайшем будущем. Несмотря на то, что запасы нефти, газа, угля на земле велики, их ресурсы все же исчерпаемы. Поэтому уже сейчас людям приходится искать другие источники энергии. Одним из них является ядерная реакция.

В нашей стране разрабатывается широкая программа строительства в ближайшем десятилетии ряда крупных атомных электростанций, суммарная мощность которых к 1990 году должна быть доведена до многих десятков миллионов киловатт. Осуществление этой программы имеет для нашего народного хозяйства огромное значение. Дело в том, что, хотя наше государство располагает большими

УСКОРИТЕЛЬ

Беседу ведет специальный корреспондент «Смены» Леонид ПЛЕШАКОВ.

О примерном круге проблем, которые необходимо затронуть в этом интервью, мы договорились заранее. Для надежности я отпечатал вопросы на машинке, но при изложении, видимо, допустил некоторый крен в пользу науки. И когда Владимир Алексеевич прочел их, он сказал:

— Прежде всего я хотел бы отметить следующее. В последние годы действительно наука приобрела особенно большое значение во всех областях человеческой деятельности. И сам тот факт, что мы живем в период научно-технической революции, является лучшим тому доказательством.

Чем обусловлена сама возможность научно-технической революции? Думаю, главным образом двумя обстоятельствами: тем, что уровень науки стал очень высоким, и тем, что промышленность достигла небывалого развития.

Именно сочетание высокоразвитой науки и высокоразвитой промышленности — чего никогда раньше не было — и породило современную, первую научно-техническую революцию. Прежде бывало, что научные предложения не всегда могли найти практическое применение. Например, проект газотурбинной установки был предложен еще в XIX веке. Но промышленность не была подготовлена к этому, и газовые турбины вошли в действие только в начале XX столетия, а широкое применение нашли еще позже — во время второй мировой войны и после нее. Так было раньше. Сейчас же наука может многое дать производству, а производство в силу своего высокого уровня может реализовать то, что предлагает наука. Кроме того, наука получает от производства много таких приборов и оборудования, которые чрезвычайно важны для развития самой науки и которых раньше она получить не могла.

Это, так сказать, некоторые общие замечания по вопросу о соотношении «наука и технический прогресс». Нет слов, революционизирующее значение науки для технического прогресса огромно. Но в то же время и сам технический прогресс зачастую становится двигателем и стимулятором развития

той или иной отрасли знания. Это двуединство и лежит в основе нынешней научно-технической революции.

Ну, а теперь, — сказал Владимир Алексеевич, — перейдем непосредственно к вашим вопросам.

— Своим вступлением вы упредили меня: именно о соотношении науки и техники в период НТР я и хотел спросить в самом начале. И уж если так случилось, что вы ответили на вопрос, то я хочу как бы продолжить его.

Думаю, вы согласитесь, что наука развивается не ради науки и техники — не ради техники. Новые открытия, их внедрение в производство преследуют чаще всего сугубо практические цели: повышение производительности труда, получение новых, более современных или менее дорогостоящих материалов, освоение новых процессов, которые опять же дают материальный выигрыш. Разумеется, мы не касаемся сейчас тех разделов науки, которые просто повышают уровень человеческих знаний. Сейчас очень модно подчеркивать, что наука стала непосредственно производительной силой. Приводятся даже подсчеты: средства, затраченные на научные исследования, позже возвращаются в десятикратном размере. Причем это соотношение — один к десяти — приводят как наши, так и зарубежные ученые.

Не могли бы вы, Владимир Алексеевич, на примере наиболее выдающегося научного открытия последних лет или десятилетий показать, как оно повлияло на технический прогресс, способствовало рождению и развитию новых отраслей науки и техники, ускорило развитие смежных или даже отдаленных областей, нашло также применение в нашей повседневной жизни?

— Пожалуй, никто не скажет о каком-либо научном открытии: оно самое крупное. Таких открытий много. Поэтому единственное, что я могу сделать, это сказать о некоторых достижениях науки, которые мне лично кажутся наиболее значительными. Хотя, должен сразу оговориться, они

относительно не исчерпывают весь тот перечень, который я сам отнес бы к наиболее крупным научным достижениям.

Я начал бы с атомной энергии.

Известно, что исследования о строении вещества ведутся уже много столетий. Эта наука пережила много различных этапов. И только тогда дело пошло значительно успешнее, когда оказалось возможным наблюдать протекающие ядерные реакции.

А для этого нужно было использовать электроны или протоны высоких энергий. Разогнанный до весьма больших скоростей в специальных установках, попадая на так называемую мишень, протон высокой энергии порождает новую ядерную реакцию, в результате которой образуются ядерные частицы, неизвестные ранее.

Сейчас таких элементарных частиц открыто уже более двухсот. Одни из них живут чрезвычайно короткое время, измеряемое ничтожными долями секунды. Другие — гораздо дольше. Некоторые — просто долго.

Оказалось, что изучение ядерной реакции, проникновение в глубь вещества представило не только большой научный интерес в смысле познания материи, но и нашло огромное практическое применение. Открытие того, что ядерная реакция деления с большим выделением энергии может протекать самопроизвольно, сразу же натолкнуло на мысль о создании техники, использующей это явление. Речь шла о том, чтобы построить реактор, в котором в результате ядерной реакции образовывались бы некоторые новые вещества — своего рода современная алхимия — и выделялось большое количество энергии.

Пока веществ, которые могут быть источником ядерной реакции деления, известно очень немного. В природе их всего два: уран и торий. Кроме них, могут использоваться и искусственно полученные элементы, такие, как плутоний. Они-то и являются ныне «топливом» для атомной энергетики и по своей «теплотворности» во много раз превосходят самое лучшее химическое топливо.

Сейчас атомная техника и энергетика переживает период своего бурного развития. То, что эта важнейшая отрасль промышленности целиком и

ресурсами химического топлива — прежде всего угля, а также нефти и газа, — его главные месторождения расположены на востоке Союза, а основная часть нашего населения и промышленности размещается на европейской территории страны, где энергетические ресурсы ограничены. Доставка топлива с востока на запад, к потребителю, резко повышает стоимость вырабатываемой энергии, что порождает серьезную экономическую проблему. Для ядерного же топлива вопрос доставки практически не играет роли, ибо это горючее имеет несравнимо более высокое выделение энергии.

Так что дальнейшее развитие энергетики на европейской территории Советского Союза уже сегодня рассматривается в основном как развитие атомной энергетики. Причем не только для снабжения промышленности, сельского хозяйства и населения электрической энергией, но также и тепловой, путем строительства атомных ТЭЦ и атомных котельных, которые будут снабжать потребителя либо электроэнергией и теплом, либо только теплом. Это будет новым, экономически очень важным шагом в использовании ядерного горючего.

— Почему мы только теперь, а не десять — двадцать лет назад перешли к широкому строительству атомных станций?

— Мы могли бы сделать это и раньше. Но технико-экономические показатели атомных электростанций десять — двадцать лет назад были ниже, чем теперь. Ныне себестоимость киловатт-часа электроэнергии, выработанной на АЭС, ниже, во всяком случае не выше, себестоимости киловатт-часа тепловой электростанции, если последняя расположена относительно далеко от дешевых источников химического топлива.

— Видимо, вы учитываете при этом и то, что в последнее время сильно поднялась в цене традиционное топливо?

— Сильно вздорожали нефть и газ, а цена на уголь поднялась незначи-

тельно. Суть тут в другом. Если себестоимость условной тонны угля (семь тысяч калорий), добытой в Канско-Ачинском угольном бассейне, равна на месте добычи примерно двум-трем рублям, то перевезенная в европейскую часть страны та же тонна будет стоить уже гораздо дороже. Не говоря уже о больших сложностях, связанных с транспортировкой.

— А если строить тепловые электростанции на месте, вблизи разработок канско-ачинских месторождений?

— Выработанная на них электроэнергия будет стоить дешево. Но для ее передачи на запад придется построить дальние линии мощных электропередач. Лично я считаю, что этот вариант имеет большую перспективу. Однако нужно учесть, что строительство ЛЭП обходится дорого, а потому дешевая сибирская электроэнергия, придя к

страны! А ведь речь шла только об использовании одного из направлений науки о строении вещества. И чтобы быть справедливым, надо было бы сказать и о других, нашедших применение в металлургии, строительстве, медицине, сельском хозяйстве и многих иных областях деятельности человека.

— Какие другие научные открытия, на ваш взгляд, привели или приведут в ближайшее время к значительным практическим результатам?

— Очень большое значение имеют исследования, ставящие целью создание новых материалов. Для любого направления техники очень важно иметь хорошие материалы: достаточно прочные, применимые для различных условий работы, обладающие высокой коррозионной, эрозионной, термической стойкостью. Это новые, по-

мы достигли высокого уровня производства искусственных алмазов, которые позволяют ускорить обработку металлических и других изделий. Мы также организовали производство очень твердых материалов, типа баразона, которые в некоторых условиях даже более эффективны, чем искусственные алмазы.

Очень интересно и другое открытие, которое нам еще предстоит широко реализовать. Я имею в виду явление сверхпроводимости. Речь идет о материалах, электросопротивление которых равно нулю. К сожалению, материалы с такими свойствами, которыми мы располагаем в настоящее время, обладают одним «дефектом»: у них очень низка критическая температура. Свои сверхпроводимые качества они проявляют при температуре жидкого гелия, то есть при плюс пяти градусах абсолютной шкалы Кельвина, или минус 268 градусов по Цельсию. Разумеется, с таким материалом неудобно

материалов, которые имели бы более высокую критическую температуру, то есть сохраняли свое нулевое сопротивление хотя бы при температуре жидкого азота—минус 147,1 градуса по Цельсию. Это было бы уже очень хорошо, но еще лучше, если бы они оставались сверхпроводящими при комнатной температуре.

Это важное направление в случае успешного решения может дать очень большие выгоды при строительстве электрических машин, приборов, в частности трансформаторов и создании линий электропередач.

Если говорить о химии, то здесь очень большое значение имеет производство пластических материалов. Мы выплавляем много металла, больше, чем любая другая страна, но, к сожалению, недостаточно производим пластмасс. В результате нам приходится расходовать металл даже там, где его с успехом могли бы заменить пластмассы.

ПРОГРЕССА

потребителю в европейскую часть страны, значительно вырастет в цене.

— В свое время велись разговоры о передаче на запад сибирской электроэнергии с помощью лазеров через искусственные спутники Земли...

— На этот счет выдвигается немало различных идей. Но сейчас я хотел бы говорить о тех, которые выглядят более или менее определенно. Вот что касается ядерной энергетики—тут не возникает никаких сомнений: в одиннадцатой и двенадцатой пятилетках, да и в последующие годы, ей будет предоставлена «зеленая улица».

Кстати, тут есть и свои перспективные направления, прежде всего реакторы на быстрых нейтронах. В свое время, как вы знаете, в городе Шевченко на берегу Каспийского моря был построен такой реактор на 350 мегаватт, который успешно работает. В этом году на Белоярской электростанции намечено закончить строительство атомного реактора мощностью в 600 мегаватт. Имеется программа по разработке реакторов на быстрых нейтронах на 800 и даже тысячу шестьсот мегаватт. После этого, я думаю, мы перейдем к широкому строительству таких реакторов. Одновременно надо будет поработать и над так называемым топливным циклом.

Что же касается «обычных» атомных электростанций, то и здесь идет непрерывный прогресс. В частности, он выражается в том, что реакторы становятся все более мощными. Сейчас мы имеем в эксплуатации реакторы канального типа по одному миллиону киловатт каждый. Но их мощность будет в дальнейшем расти и в ближайшем пятилетии достигнет полутора миллионов киловатт, а позже, возможно, и двух с половиной миллионов киловатт. Станут мощнее и реакторы корпусного типа. Скоро один из них на миллион киловатт будет пущен, а потом они войдут в серию.

Видите, каким широким спектром различного по устройству сложнейшего оборудования уже сейчас располагает атомная техника? Представляете, как она разовьется в будущем и сколь существенным окажется влияние атомной энергетики на экономику

лупроводниковые материалы, строительные, сверхпроводящие и другие. Наука сделала здесь значительный вклад, но немало проблем еще предстоит решить.

Если говорить о достижениях, то прежде всего нужно вспомнить о производстве твердых и сверхтвердых материалов, которые нужны в первую очередь как средства обработки других материалов.

работать, потому что его нужно все время держать в сверххолодной среде, для чего необходимы жидкие гелиевые установки.

Но даже при таких условиях сверхпроводящие материалы особенно находят применение, особенно при создании мощных магнитных систем.

Сейчас центральной задачей является получение таких сверхпроводящих

Поэтому перед нами стоит большая не только техническая, но и научная задача: нужно и качество пластмасс повышать, и технические процессы их получения совершенствовать, и развивать соответствующую промышленность.

Все это, конечно, требует времени, средств, но в конечном счете расходы окупятся. Правда, не нужно думать, что пластмассы всюду смогут заме-

ТЫСЯЧА ПЕРВЫЙ ОПЫТ.

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Наша обложка:
В ГОРАХ
КИРГИЗИИ.

Фото
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ

Репортаж «...Если работа — полет» на 12-й странице.

БЕСЕДЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ.

1 Владимир КИРИЛЛИН, заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике, академик. «УСКОРИТЕЛЬ ПРОГРЕССА».

4 МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГОД РЕБЕНКА.
КОНКУРС ИНТЕРЕСНОГО ПИСЬМА.

6 Юрий РЮРИКОВ. «ЛЮБОВЬ: БОЛЕЗНИ И ЛЕКАРСТВА».

8 Рассказ Валентины ДОРОШЕНКО «КАПЕЛЬКА».

10 ИНИЦИАТИВА И ЖИЗНЬ.
Роберт ПОЛИС, заместитель министра машиностроения для животноводства и кормопроизводства СССР. «КОМИССИЯ».

11 Борис ОЛЕЙНИК, лауреат Государственной премии СССР. «НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ВЕКА И СУДЬБЫ».

12 «...ЕСЛИ РАБОТА — ПОЛЕТ».
Фоторепортаж Михаила ПОЛЯЧЕКА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

14 ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».

16 РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ. «СЖАТАЯ ЭВОЛЮЦИЯ».

18 ПРОШУ СЛОВА! «ИСПОВЕДЬ».

19 Стихи Виктора ШИРОКОВА.

20 АВТОБИОГРАФИИ.
Сергей ГЕРАСИМОВ, Герой Социалистического Труда, народный артист СССР. «МОЯ ЖИЗНЬ — МОИ ФИЛЬМЫ».

24 Тамара ПОНОМАРЕВА.
«ДЕВОЧКА, ЗАЖИГАЮЩАЯ ЗВЕЗДЫ».

25 ЛИТЕРАТУРНЫЕ УРОКИ.
Геннадий МАШКИН. «ПЕРВОТРОП».

28 Повесть Генриха БОРОВИКА «МОМЕНТ ИСТИНЫ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрусев. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

нить используемые до сих пор материалы, и прежде всего металл. Вовсе нет. Недавно мы обсуждали с рядом видных ученых эту проблему, и они высказали твердое убеждение, что до конца двадцатого века главным конструкционным материалом останется металл. Но пластмассы могут и должны найти более широкое применение в нашем народном хозяйстве.

Хотел бы сказать о сельскохозяйственной химии. Мы развили производство различных удобрений: азотных, фосфорных, калийных. Правда, их все еще недостаточно, село требует больше.

Что касается выпуска различного рода пестицидов, столь необходимых для борьбы с сорняками сельскому хозяйству, то это направление по сравнению с выпуском удобрений развивается недостаточно. А оно очень важно. Необходимы и средства борьбы с вредителями полей. Все это повысит урожай. Дефолианты позволяют уничтожить листья хлопчатника и некоторых других растений перед уборкой. Это увеличит производительность оборочных машин.

И таких примеров можно было бы привести очень много.

— Я хотел бы вернуться к затронутой вами проблеме сверхпроводников и сверхнизкой температуры. Можно ли на основе этого примера утверждать, что часто в науке и технике соседние, параллельно развивающиеся области не могут достаточно успешно развиваться сами по себе. Только взаимное, если можно так выразиться, «подталкивание», обогащение друг друга может ускорить движение вперед. В частности, я имею в виду атомную энергетику и явление сверхпроводимости, которое непосредственно связано с глубокими температурами. То, что мы никак не осилили сверхнизкие температуры, не является ли это определенным тормозом для передачи энергии, выработкой на АЭС, и не заставляет ли это располагать ядерные реакторы в густонаселенных районах страны, а не где-нибудь в безжизненных пустынях? Можно ли утверждать, что коренной успех в области проводимости поможет совершить переворот, предположим, и в атомной энергетике?

— И да, и нет! Во-первых, для развития самой атомной энергетики мощные ЛЭП нужны в меньшей мере, чем для обычных станций, так как транспортировка топлива к АЭС практически ничего не стоит, и атомную станцию можно строить там, где вам нужно, был бы водный источник, а его в конце концов не так сложно найти. Нынешняя система защиты гарантирует высокую степень безопасности АЭС от нежелательных выбросов.

Однако, если речь пойдет о термоядерных реакторах, то тут достижения в области сверхпроводимости могут сыграть определяющую роль. Что особенно привлекает в термоядерных реакциях? То, что топливом там служат изотопы водорода — дейтерий и тритий. — запасы которых в природе практически не ограничены. Но для того, чтобы построить надежный термоядерный реактор, желательно иметь магнитную систему, ибо температура плазмы внутри реактора так велика, что нельзя допускать ее соприкосновения со стенками, а удерживать ее можно только магнитным полем. Поэтому для термоядерных реакторов сверхпроводящие магнитные системы чрезвычайно важны.

Но они могут найти применение в другой области.

Сейчас самым мощным нашим ускорителем элементарных частиц является ускоритель, расположенный около Серпухова. Он позволяет получать протоны с энергией 70 миллиардов электрон-вольт. Но этого уже недоста-

точно. Сейчас обсуждается вопрос о строительстве ускорителя, где можно было бы получать элементарные частицы особо высоких энергий, значительно превосходящих нынешний уровень. И при создании таких ускорителей наиболее выгодным является использование сверхпроводящих магнитных систем.

Так что в конце концов вы правы: явление сверхпроводимости важно не только для термоядерных систем, но и для «обычной» атомной энергетики и, что особенно важно, для ядерной науки вообще.

— В наше время понятия «наука» и «техника» стали неразделимыми и очень популярными. Если мы хотим сделать комментарию какому-то производству, говорим, что оно создано на научной основе. Если, наоборот, хотим похвалить научные достижения, обязательно подчеркиваем, что они нашли широкое применение в практике: промышленности, сельском хозяйстве, транспорте и так далее.

Короче, формально за науку и ее широкое вторжение в различные сферы никого агитировать не надо. Но на деле очень часто случается, что новые научные открытия, разработки, предложения с большим трудом пробивают дорогу к практическому своему применению. И наоборот, в нашем производстве есть немало «узких» мест, которые нуждаются в научной помощи. Но, увы, соотнести интересы двух этих сфер человеческой деятельности бывает совсем непросто.

Почему это происходит?

— Для дальнейшего развития советской экономики особое значение имеет технический прогресс. А чтобы он протекал быстро, важны по крайней мере два обстоятельства. Первое: сами научные учреждения должны работать с высокой эффективностью. Второе: их предложения нужно быстро использовать в практике, или, как мы говорим, необходимо хорошо поставленное внедрение.

Что касается первой стороны дела, то тут идет большая работа. Не скажу, что достигнуто все, чего мы хотели бы, но движение вперед есть, и внимания этому уделяется много. Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР, принятое 12 июля 1979 года, направленное на улучшение планирования и усиление воздействия хозяйственного механизма на эффективность производства и качество работы, в большей мере касается повышения эффективности деятельности научно-исследовательских и проектно-конструкторских учреждений. Если рассматривать их работу в свете высказанных в постановлении положений, то нетрудно будет заметить, что наши научные и проектные организации имеют немалые резервы для улучшения своей деятельности.

— Не могли бы вы назвать хотя бы некоторые из этих резервов?

— Представьте себе такую ситуацию. Вы просите директора какого-либо института, чтобы он выполнил очень важную научную работу. Какой стандартный ответ вы очень часто услышите в этом случае? Он вам скажет:

— Да, мы эту работу можем выполнить. Но нам надо увеличить штатное расписание на сто человек, построить десять тысяч квадратных метров новых помещений для лабораторий, выделить несколько сотен тысяч или миллионов рублей для приобретения нового исследовательского оборудования.

Другими словами, любое новое задание, как правило (за редким исключением), влечет за собой ответную просьбу об увеличении ассигнований и улуч-

шении материально-технической базы научного учреждения.

Думаю, что такое положение неправомерно, поскольку наука не стоит на месте: какие-то ее направления развиваются, интерес к другим, напротив, теряется, и это должно находить отражение в структуре самих институтов. Если тема потеряла свою актуальность, расходы на нее должны сокращаться, а сэкономленные средства необходимо направлять на более перспективные исследования. Если бы было так, то многие встречные просьбы о выделении дополнительных штатных единиц, денег, оборудования, возникающие при изменении тематики институтов, отпали бы вовсе или были бы резко сокращены.

— А такие просьбы являются тормозом для научных исследований?

— Конечно! Государство наше имеет средства на развитие науки, но они не безграничны. Мы не можем дать всем столько, сколько они хотят, а лишь столько, сколько необходимо, или сколько мы можем. Тем более, что эти просьбы, с моей точки зрения, далеко не всегда обоснованы. Например, у нас много научных учреждений, которые как были созданы в тридцатые годы—тогда их много создавалось,—так по своей структуре и не изменились. Но жизнь идет вперед, и возникают задачи новые, для их решения создаются новые лаборатории, институты, а то, что было учреждено ранее, к сожалению, часто остается неизменным и не всегда эффективным. И у руководителей институтов нет никаких препятствий, чтобы это положение изменить. Более того, в наших законоположениях все это предусмотрено. Каждый институт должен один раз в четыре-пять лет отчитываться о своей работе на коллегии соответствующего министерства или Президиуме Академии наук СССР. Причем этим научным институтам разрешено в силу необходимости менять свою структуру. Но таким правом пользуются недостаточно. А такая перегруппировка сил на более важные направления поиска могла бы дать большой эффект, так как позволила бы ускорить решение наиболее важных проблем.

— Какие еще резервы могла бы использовать наука?

— Мне кажется, много может дать правильный выбор тематики. У нас часто случается, что одно исследовательское учреждение работает сразу над очень многими научными темами. Пользы от такого распыления сил мало. Это все равно, что небольшой строительной организации поручить возведение сразу нескольких объектов. И времени уйдет много, и качество окажется невысоким.

Короче, мы должны научиться концентрировать силы и средства при организации научных исследований.

Нужно улучшить и подготовку научных кадров. Хотя они у нас в целом квалифицированы, но в этом важном деле никогда не будет предела. С каждым годом усложняются оборудование и приборы, с помощью которых ведутся исследования, и это объективно требует повышения квалификации сотрудников НИИ. Техника без людей, овладевших ею, мертва.

— А какая стадия в продвижении новых научных и технических идей в практику является, на ваш взгляд, самой трудной?

— Я думаю, внедрение. То, что уже сделано, часто очень медленно пробивает дорогу в производство. Почему это происходит? Нельзя дать один исчерпывающий ответ. Тут много причин. От разных людей и от разных организаций это зависит.

Часто сами научно-исследовательские и проектно-конструкторские организации дают для внедрения предложения в недостаточно доработанном виде. И для того, чтобы их можно было использовать, предприятия, промышленные объединения или научно-производственные объединения вынуждены эти предложения самостоятельно дорабатывать. А это—время, дополнительные расходы.

Но есть и другая сторона проблемы. Наши предприятия недостаточно заинтересованы в переходе на новую технику. Если предприятие выполнит план по выпуску продукции, но не выполнит план по вводу новой техники, то оно все равно окажется в более выгодном положении по сравнению со своим соседом, который успешно проводит модернизацию, но не полностью выполняет программу. Поэтому у хозяйственников на первом месте всегда стоит выполнение материально-финансового плана. Я вовсе не хочу сказать, что этот показатель является мало важным. Он должен и впредь оставаться главным. Но нам следует найти новые стимулы для внедрения новой техники.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля с. г., которое я уже упоминал, этому вопросу уделено большое внимание. Вводятся, например, специальные премии в области машиностроения—той отрасли, которая имеет особое значение в создании новой техники.

Есть и другой экономический аспект этой проблемы. Для того, чтобы новые машины и оборудование стали выгодными по сравнению со старой техникой, должно пройти какое-то время. Первый период—пока идет наладка, освоение процесса—новинка может не только не приносить прибыли, но даже оказаться убыточной. Это надо пережить. И предприятия, где проходит модернизация, должны получать соответствующую компенсацию, чтобы объективно возникающие финансовые трудности первого этапа внедрения не отбили всякую охоту к новой технике.

Во всяком случае, дело внедрения новой техники должно быть поставлено так, чтобы сами предприятия, как говорил Генеральный секретарь ЦК нашей партии товарищ Леонид Ильич Брежнев, старались бы эту новую технику получить, а не бегали бы от нее, по его выражению, как черт от ладана.

Я думаю, что в этом заключена одна из основных задач, определенных постановлением от 12 июля этого года.

— В последнее время большую роль в ускорении научно-технического прогресса стали играть отрасли знания, не связанные напрямую с техникой. Прежде всего политэкономия. Не могли бы вы, Владимир Алексеевич, привести наиболее характерный пример из этой области?

— Отвечая на ваш вопрос, я хотел бы прежде всего сказать, что все наши современные инженеры и ученые технического профиля являются не только специалистами в своей области, но и экономистами, потому что для создания чего-то нового и эффективного необходимо знать не только технические параметры этого изобретения, но и его экономические показатели.

Но можно взглянуть и шире.

Сама идея концентрации производства и создание для этих целей промышленных, а также научно-производственных объединений—это значительные шаги, которые не только способствуют концентрации производства и повышению его эффективности, но одновременно стимулируют технический прогресс. Сращивание научных подразделений с производственными ускоряет внедрение исследовательских результатов в жизнь.

Такая форма производственных и научно-производственных объедине-

ний—а она разработана с участием экономистов—весьма эффективна.

Или взять, например, освоение природных ресурсов в отдаленных и малодоступных районах страны. Стратегия и тактика создания там нового производства—это сложная научная задача: меньшими средствами и за возможно меньший срок ввести в народнохозяйственный оборот до сей поры не использованные богатства, которые будут способствовать укреплению экономики страны, повышению благосостояния народа и научно-техническому прогрессу.

Разумеется, решение таких крупномасштабных задач распадается на ряд частных, более конкретных. Для иллюстрации расскажу об одной из них несколько подробнее. Представьте себе, что необходимо передать какое-то количество электрической энергии от пункта «А» до пункта «Б», расстояние между которыми, предположим, тысяча, две тысячи или даже больше километров. Возникает вопрос: какого сечения нужно брать провод? Тут действуют два фактора: если взять провод малого сечения, мы затратим мало металла и получим экономии на капитальных вложениях. В то же время будут большие потери электрической энергии за счет большого сопротивления провода, и эксплуатационные расходы возрастут. Если же использовать провод большего сечения, то все получится наоборот: возрастут капитальные затраты и снизятся эксплуатационные. Нужно найти оптимум. И вот наши экономисты совместно с инженерами дали ответ на этот вопрос в виде формулы, с помощью которой подсчитываются так называемые приведенные затраты. Определение этой формулы было не так уж просто. Она обсуждалась не только в научных кругах, но и в Госплане СССР, прежде чем была принята на вооружение. Сейчас она широко применяется для сравнения разных вариантов при строительстве, например, линий электропередач.

И таких примеров можно привести немало.

— Я заметил, что в своих примерах вы все время возвращаетесь к энергетике. Почему?

— Это моя специальность, а каждый человек—простим эту слабость—считает свою область деятельности наиболее важной. Но и объективно энергетика—важнейшая отрасль народного хозяйства страны, так как является одной из основ развития промышленности, транспорта, сельского хозяйства. Успешное развитие любой из отраслей хозяйства невозможно без соответствующей «энергетической поддержки».

Я уверен, что никогда не придет время, когда из-за недостатка энергии наступит снижение развития цивилизации, как об этом порой говорят. Думаю, всегда будут впереди новые возможности для получения энергии. Многие из них мы и сейчас ясно видим: ядерная и термоядерная реакции, огромные запасы угля, которого хватит еще и на многое другое. К тому же человеческая мысль развивается быстрее, чем экономика. С годами мы будем использовать новые источники, которые до сих пор по разным причинам не нашли применения.

— Какие, например?

— Солнечная энергия, глубинное тепло Земли... Конечно, и сейчас делаются попытки поставить их на службу человека. Правда, это идет в настоящее время в основном по линии получения тепла. А же говорю о выработке электричества в промышленных масштабах, когда солнечная или геотермальная энергия станет дешевле той, что мы получаем на тепловых и атомных станциях. Пока это не удастся. Но

я убежден, что и эту задачу человек решит. Например, если бы мы сумели резко снизить цену на полупроводниковые фотоэлементы—они пока еще очень дороги,—то могли бы с высокой степенью эффективности строить электростанции на основе использования солнечной энергии.

— А использование энергии приливов?

— К приливным станциям я отношусь с сомнением. Может быть, со временем наука и техника скажут что-нибудь новое в этой области, но пока что опыты по использованию энергии морского прилива ничего особо хорошего не дали. Я был на такой станции во Франции, подробно осматрел ее. Сооружение любопытное, много технической выдумки. Турбины, например, работают во время протекания воды в обоих направлениях: и во время прилива и во время отлива. Но сами авторы все-таки говорят, что они никогда больше такую станцию строить не будут, ибо ее экономические показатели гораздо ниже, чем у обычных гидростанций. К тому же есть ряд чисто технических трудноразрешимых задач. В частности, поверхность металла постоянно соприкасается то с воздухом, то с соленой водой, а это ускоряет его разрушение.

— Статистика утверждает, что каждое десятилетие объем научной информации удваивается. На простой язык это, наверное, можно перевести так: каждое десятилетие удваивается количество научных открытий, результатов исследований и так далее. И если бы, Владимир Алексеевич, мы встретились с вами через десять лет, то, возможно, и ответы на мои вопросы вы дали бы иные и примеры привели другие: за это время было бы открыто что-то новое, а старое отвергнуто. И все бы это сделали, выражаясь официально слогом, научные и технические кадры. Наш молодой читатель хочет быть причастным к главным свершениям научно-технической революции и хочет внести свою лепту в копилку знаний, которая с завидным постоянством удваивается. Скажите, Владимир Алексеевич, в какой из областей науки и техники молодые люди, только определяющие жизненный путь, могли бы использовать свои силы с наибольшим эффектом? Где их творческие порывы могут найти наиболее удобное творчество, а талант—применение? Назовите, пожалуйста, самые «горячие» точки, где они нужны в первую очередь.

— Талантливые люди нужны везде. Эта мысль, конечно, не новая. Но я бы сказал, что, помимо развития самой науки и помимо техники, развивающейся на основе науки, талантливые люди сейчас очень нужны для лучшей организации всех работ, определяющих научно-технический прогресс: для лучшей организации самих научных исследований, для лучшей организации использования научных разработок в практике...

Я бы сказал так: оркестр тогда работает хорошо, когда, помимо отличных исполнителей, в нем есть еще и прекрасный дирижер.

Директор каждого института, каждого завода, помимо того, что он обязан быть хорошим специалистом, должен быть также отличным «дирижером». Вот тут нам очень нужны талантливые люди.

Сейчас в этом направлении делается немало шагов. В прошлом году была открыта Академия народного хозяйства при Совете Министров СССР. Назначение этой академии двояко. Во-первых, она готовит будущих руководителей нашего народного хозяйства; во-вторых, повышает квалификацию

уже работающих в нашей экономике руководителей высшего звена. Подобное повышение квалификации работников проводят и министерства.

— Но, задавая свой вопрос «о горячих точках», я все-таки имел в виду конкретные области науки. Какие из них наиболее перспективны? Какие стоят у порога больших открытий?

— Если не возражаете, я отвечу несколько иначе.

Советские ученые составили Комплексную программу научно-технического развития и его социальных последствий на период до 2000 года. За основу взяты только те направления науки и техники, которые на сегодняшний день в значительной мере можно считать апробированными. Все, что вызвало сомнения, в этих расчетах не учитывалось.

— То есть бралась не фантастика, а строгие реалии?

— Даже более того. Это не только не фантастика—в ряде случаев ученые отказались включить в программу некоторые идеи, которые лишь предположительно—пусть даже в скором времени—могут дать реальный результат: составители считали, что мы могли бы ошибиться, уже сейчас гарантируя их практическое применение.

Думаю, эта осторожность оправдана, ибо назначение Комплексной программы не позволяет отрываться от земли. Вся она—26 томов по основным направлениям науки и техники, где даны не только качественные, но и количественные оценки, расчеты и прогнозы,—является предплановым материалом, и Госплан СССР, разрабатывая очередную пятилетку или ведя прикидку на более отдаленную перспективу, должен учитывать данные этой программы, опираясь на них. А в таком деле фантазия ненадежная основа.

С другой стороны, такой подход позволяет все время иметь резерв идей. Ведь не вошедшие в программу «фантазии» вовсе не опровергаются окончательно и бесповоротно. В этом кроется одна из главных особенностей документа: если можно так выразиться, «скользящий график» программы. Она все время будет рассчитана на 20 лет, все время будет развиваться на последующий период, впитывая в себя «созревшие» идеи, проекты, новые открытия.

Так вот в ряде тем и направлений, перечисленных в этих двадцати шести томах, любой молодой исследователь может найти дело, отвечающее его интересам, знаниям, способностям.

— А может быть, стоит поискать среди проблем, не вошедших в Комплексную программу? Какие направления, на ваш взгляд, будут здесь наиболее перспективными?

— Прежде всего я назвал бы создание сверхпроводящих материалов при относительно высоких критических температурах, о чем мы с вами уже говорили. Решение этой задачи стало бы технической революцией.

Чрезвычайно перспективным мне представляется и более широкое использование достижений генетики для целей селекции. Это позволит вести селекционную работу с большей целенаправленностью и большим эффектом. На этой научной базе можно было бы создавать животных и растения с заранее запрограммированными качествами. Справедливости ради скажу, что наши биологи уже стоят на этом пути, но только в самом его начале.

Или вернемся к физике. Как мы говорили, сейчас открыто более двух-

сот элементарных частиц. Существует новый взгляд—правда, пока не подтвержденный достаточно экспериментами,—что все частицы состоят из так называемых кварков, так сказать, еще более элементарных частиц. Так вот, если проводить атомную реакцию с кварками (если они действительно существуют), то, вероятно, можно было бы освободить еще большее количество энергии, чем при «обычной» ядерной и даже термоядерной реакциях.

Это важнейшее направление требует расширения теоретических и экспериментальных работ, создания новых, еще более мощных ускорителей. Исследования в этой области, несомненно, будут иметь огромное познавательное значение—и в чисто научном и, если хотите, даже в философском плане. Надеюсь, они приведут и к важным практическим результатам.

— А каким наукам—фундаментальным или прикладным—следовало бы отдать предпочтение?

— Я бы не стал противопоставлять одно направление другому не только потому, что невозможно провести четкую грань между ними, но и оттого, что само такое противопоставление мне кажется неправомерным. Что важнее: теория или практика, естественные или гуманитарные науки? Если ученый-историк находит новые интересные факты, человечество становится умнее, образованнее. Разве этого мало?

Что же касается естественных наук, то фундаментальные открытия в большинстве случаев влияют на прикладные разделы, развитие практики.

— В заключение мне хотелось бы вернуться к своему первому вопросу. Скажите, пожалуйста, насколько точны утверждения о том, что рубль, затраченный на развитие науки, позже оборачивается десятью рублями прибыли? Или все эти подсчеты эффективности условны?

— Думаю, что эти цифры близки к действительности, но, как вы понимаете, экономическую эффективность часто очень сложно подсчитать. В некоторых случаях вообще невозможно. Вот мы с вами говорили о термоядерной реакции. Сейчас над этой проблемой работают высококвалифицированные люди, расходуются большие средства. Пока никто и не считает, какой конкретно, с точностью до рубля, от этого получится практический результат. Всем ясно только одно: если результат будет, он будет очень весомым. Ну, а что сейчас можно считать? Целесообразно ли тратить силы, заранее зная, что точный ответ все равно не получишь?

Вот в тех случаях, когда результат практически вырисовывается, когда становится ясно, что это—дело нашего завтрашнего дня или послезавтрашнего,—тогда, конечно, надо считать. Во всех прикладных науках это, во всяком случае, надо делать, я уж не говорю о проектно-конструкторских работах. А в фундаментальных науках?.. Я, может быть, крамольную мысль выскажу, но я считаю, что это вообще лишнее—подсчитывать, какой получился экономический эффект от той или иной фундаментальной науки. Вряд ли можно надеяться хоть на что-нибудь похожее на истину.

Одно бесспорно: внедрение достижений науки в производство дает огромный экономический эффект, ускоряет технический прогресс, служит дальнейшему подъему хозяйства страны, росту благосостояния советского народа. И молодые люди, для которых наука и техника стали делом жизни, могут внести свой вклад в решение этой задачи.

Конкурс интересного письма

ТАЛАНТ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Все мы, кому сейчас по семнадцать, кто стоит перед выбором своего жизненного пути, много думаем о месте человека в обществе, о долге и призвании, о жизненной позиции.

Об этом много говорят, пишут, размышляют и наши близкие, и учителя, и наставники. Мне кажется, что в пылу споров ускользает от внимания один очень важный вопрос: о личных качествах человека. Точнее—не ускользает, а отодвигается на второй план.

А я думаю, именно этот момент должен быть во всех дискуссиях главным: ведь сегодня, во второй половине XX века, когда человеческая жизнь с каждым днем убыстряется, остается все меньше времени для «строительства души». Слово «интеллект» мы слышим чаще, чем слова «характер», «нрав», «натура», «душа».

Мне хочется рассказать о том, какие качества ценю я в людях, каким вижу настоящего человека.

Когда мне было 15 лет, умерла моя бабушка Мария Романовна. Ее смерть научила меня по-настоящему ценить людей. Оказывается, правду говорят взрослые: только потеряв человека, мы начинаем понимать его по-настоящему. Я поняла, какими бесценными качествами была наделена бабушка: трудолюбием и самоотверженностью, чуткостью, вниманием к окружающим, деликатностью и простодушием, честностью во всем и постоянным стремлением оградить человека от несчастий, скромностью и дружелюбием. И еще: пунктуальностью, обязательностью, надежностью. Может быть, покажется нескромным мой разговор о человеке, мне очень близком, но я только потому решила поделиться своими мыслями, что убеждена в незаурядности ее, в том, что такой характер достоин подражания.

Жизнь ее была не из легких: война, полевой госпиталь, боль за каждую жизнь, которую не удалось спасти врачам и ей—сестре милосердия. Погубленная войной мечта о профессии художника. Трудные послевоенные годы, семья, ребенок, большие родители, скудный быт. Но бабушка моя не отказалась от своего призвания: в тридцать лет поступила на художественно-графический факультет. И потянулись годы напряженной работы: утром учеба, вечером дом, семья, ночью подготовка к занятиям, в выходные дни творческая работа, в праздники помощь родителям, которые живут в дальнем селе. И все это с такой неутомимостью, какая не всегда бывает даже в юности.

Прошли годы. Так получилось, что моя мама должна была уехать учиться в другой город. Мне было всего четыре года, я осталась на попечении бабушки, фактически заменившей мне маму. И снова ей было трудно: большой муж, работа, творчество, помощь дочери-студентке и родителям, маленькая внучка на руках. При этом все многочисленные родственники из разных концов страны не забывали наш дом, где им всегда, в любое время суток был обеспечен радушный прием.

Бабушка была человеком удивительной энергии. Я не знаю, когда она спала. После трудной работы, придя домой, вместо того чтобы отдохнуть, она садилась что-нибудь вязать, шить, мастерить. Ее поделки приносили нашей семье настоящую радость. Отговорить ее от трудов было невозможно.

И никому никогда ни одного упрека, ни одной жалобы. Со всеми добра и внимательно, всем своим существом она излучала тепло. Успевала она и творчеством заниматься: почти к каждой выставке у нее была готова работа. А как она пела, как заражала весельем гостей в праздник! Но что абсолютно ясно—самым главным ее талантом был талант человечности. Можно быть прекрасным музыкантом, актером, сталеваром или ткачом, но все же не каждому одаренному профессионалу дано быть Человеком.

Весной, когда в природе пробуждается жизнь, она умерла. Но даже сейчас, спустя год, трудно поверить, что ее нет: она во всем, она остается с нами в каждом нашем дне.

Сейчас все стараются в чем-то преуспеть, погружены подчас в мелкие заботы. С огорчением я замечаю, что гармоничная личность не такое уж частое явление вокруг нас. Поэтому нам очень нужно почаще задумываться: много ли пользы приношу я людям, вспоминают ли потом обо мне с теплотой и благодарностью? Завет Павки Корчагина по-прежнему актуален для нас. Каждый должен взглянуть в себя и спросить: а так ли я жил все это время? Особенно важно не уходить от этого вопроса нам, подросткам, которым все в жизни еще предстоит. И особенно, мне кажется, надо задать себе этот вопрос тем, чья жизнь сложилась безоблачно, благополучно, кого она пока не заставила, как меня, через призму беды увидеть главные ценности нашей жизни.

Марина СИЛАКОВА,
Москва

В Международный год ребенка редакция нашего журнала получила большое количество писем от подростков—школьников, учеников профтехучилищ, техникумов. В письмах раскрывается сложный мир подростка—человека начинающегося, стоящего на пороге большой взрослой жизни; раскрывается мир его светлых раздумий и поисков. При этом он очень внимательно и требовательно всматривается в окружающих людей: хорошие они или плохие, чуткие или черствые, веселые или злые. Первым и главным примером ему, конечно, служат родители, старшие братья и сестры, бабушки и дедушки, учителя, вожатые, просто знакомые. Именно с них он начинает «делать жизнь». Часть писем из «подростковой почты» мы напечатали в № 15, а теперь публикуем еще одну подборку писем, в которых подростки рассказывают о дорогих им людях. Было бы интересно продолжить разговор, получить письма не только от подростков, но и от взрослых, которые рассказали бы о своих детях, заглянув в их сложный и счастливый мир.

НЕИЗГЛАДИМЫЙ СЛЕД

Так уж случилось, что в августе, на каникулах, я осталась в городе. По утрам ходила в городской парк — полюбоваться цветами. Там я часто встречала немолодого человека, удивительно располагающего к себе. Так я познакомилась с замечательным человеком — Анатолием Федоровичем Крашаницей.

Однажды мы подошли к клумбе, поражающей обилием красок. «Мои любимые — георгины», — сказал Анатолий Федорович. С них, с цветов, и начался наш разговор о жизни, о смысле подвига, о том, какой след человек должен оставить на земле.

Моему собеседнику — за семьдесят. Передо мной живая история...

Год его рождения — 1905-й. Год, когда началась трудовая, боевая, комсомольская и общественная работа, — 20-й. Быстро делаю нехитрые вычисления: ему было пятнадцать лет. Мне сейчас столько же.

Я часто слышу, что у человека должна быть активная жизненная позиция. Спрашиваю Анатолия Федоровича, стоял ли перед ним этот вопрос в его пятнадцать.

— Нет, — улыбается Анатолий Федорович, — нам было не до теорий. Жизнь сама заставляла нас определять свою позицию.

Мой собеседник в комсомоле столько же лет, сколько лет самому комсомолу. В металле всех шести орденов комсомола есть частица и его труда.

В годы становления Советской власти на родной Харьковщине в труде и классовых боях определял Анатолий Федорович свою жизненную позицию — в них закалялся и обогащался опыт молодого комсомольского вожака. Именно этот опыт пригодился Анатолию Крашанице, когда его выдвинули на работу в обком комсомола, а затем в ЦК ЛКСМУ.

Есть еще одна грань жизни Анатолия Федоровича Крашаницы — его увлечение поэзией, литературой, журналистикой. Уже в первых его стихах звучала романтика революции, устремленность в будущее. Без колебаний, без сомнений, без всякой половинчатости. Он был организатором первого объединения комсомольских писателей на Украине, редактором газеты «Грядущая смена», журнала «Молодая кузница».

Да, счастливый случай свел меня с этим незаурядным человеком. Смотрю на него и не перестаю радоваться своей удаче. Ведь передо мной — один из первых комсомольцев, один из первых комсомольских поэтов и журналистов.

Цветы и поэзия в жизни всегда рядом! Ушел на пенсию ветеран комсомола и партии, и захотелось ему красоту жизни своего поколения выразить так, чтобы она стала зримой.

Цветы он любил всегда. Особенно георгины. Поздние их сорта, октябрьские, всегда напоминали ему дни молодости — день рождения нового государства, день рождения комсомола. Он создал восемьдесят новых сортов георгинов.

Мы идем к памятнику Николаю Кузнецову. У его подножия растут георгины сорта «Николай Кузнецов». Они необычные — алые, цвета знамени и цвета крови, и белые — цвета нежности.

— Как хорошо было бы посадить эти цветы на родине Николая Кузнецова, — думаю я вслух.

— Они уже растут там, — говорит Анатолий Федорович. — Будешь в музее героя в Ровно, обрати внимание на фотографию дома в Зырянке...

Двадцать лет назад ровенчане впервые пришли на выставку цветов, организованную Анатолием Федоровичем Крашаницей. Сейчас такая выставка проводится ежегодно. Может, отчасти поэтому цветами одарили, буквально осыпали ветерана партии и комсомола в день пятидесятилетия его вступления в Коммунистическую партию.

Да, удивительное это поколение — первые комсомольцы. Я не сентиментальна, но в горле застревают комки, когда смотрю, как Анатолий Федорович заботливо снимает засохший листок со «своего георгина».

Утром 29 октября, в день рождения комсомола, я приду в городской парк имени Шевченко. И дожусь Вас, Анатолий Федорович. Не может быть, чтобы Вы в этот день не пришли в парк, одетый в «багрец и золото». Я подойду к Вам с цветами и скажу... Но что же скажу? Как передать словами чувство восторга перед Вашим поколением, из которого вышли и Павка Корчагин, и Альберт Лагин, и Люсик Лисинова? Вы для меня история, но Вы и тот эталон, которым измеряет свою жизнь моя молодость, мое поколение.

Светлана МОЗОЛЬ,
г. Ровно

ГОРОД У МОРЯ

Осень! Деревья стоят золотые, багряный куст полыхает, а если встать на ступеньки Дома пионеров, то и вовсе увидишь чудо: пожар листьев и синь моря. Белый город у моря — наш город Шевченко, а еще по-другому — город в пустыне. Человек — творец всего и прелести этой осени тоже. А к осенним краскам, радующим глаз, к шелесту листьев причастна моя

мама. Она приехала сюда почти двадцать лет назад, будучи еще комсомолкой.

В 1959 году был заложен городской парк. Молоденькие деревца были привезены сюда издалека. Они требовали ухода и не могли сразу приспособиться к суровым условиям пустыни, они не прижились.

В 1963 году открылся производственный участок, занимающийся посадкой и выращиванием растений для озеленения города. Работники сталкивались со множеством трудностей. Озеленение города началось с маленького участка, буквально с «пяточка». Здесь были высажены абрикосы, и несколько лет стояли белоснежные красавцы, но они погибли, так как корни их достигли скальных пород. На их место посадили ивы.

Много труда надо приложить, чтобы посадить деревце. У нас в школьном дворе, например, надо сначала отбойным молотком выдолбить скальную породу, в чашу привезти грунт и только потом посадить деревце.

Много интересного может рассказать моя мама о битве за озеленение города.

История первая. Городская газета «Дружные ребята» обратилась ко всем школьникам с просьбой прислать семена для озеленения молодого города Шевченко. И пошли посылки. Семена присылали разные, но не все, к сожалению, могут вырасти в наших условиях. Каштан, орех, береза, бук — эти растения не будут расти у нас, так как у них большая листовая поверхность, и они сгорают от палящего солнца. А вот саженцы ясеня, присланные в тот памятный год, сейчас украшают наш город.

Или еще одна история — Шевченковский сад. Наш город сначала назывался по-другому: Актау, а уж потом Шевченко, в честь великого Кобзаря. И вот вырос сад в Форте-Шевченко, а другой сад, посаженный ребятами двух республик — Казахстана и Украины, — зеленеет у моря. Мы считаем, что Шевченковский сад — это сад пионеров. К сожалению, он не может буйно расти из-за близкого залегания соленых вод. Но мы ухаживали за ним, когда еще были пионерами, приходим к нему и комсомольцами.

А знаете, сколько сейчас в нашем городе растет деревьев и кустарников? 62 тысячи деревьев, 902 тысячи кустарников, пятнадцать гектаров газонов и один гектар цветников.

История третья. Красота всегда нужна человеку. Вот и хотелось людям видеть ели в городе. Ели в пустыне. Это же сказка! А наш город и есть сказочный. Большой труд — вырастить елочку: она любит влагу и солнце. Вот люди и поливают ее через каждые два дня и рыхлят после поливов для создания влажности.

Наш город молодой, но, несмотря на это, он очень зеленый. В этом большая заслуга и моей мамы, дорогого моего человека. Пусть она долго живет, пусть сажает деревья. И пусть весной цветут абрикосы, пусть осенью шуршат под ногами листья деревьев, посаженных мамой. Недавно я прочитала письмо М. Горького к сыну, где нашла прекрасную мысль: «Ты уехал, а цветы, посаженные тобой, остались и растут. Я смотрю на них, и мне приятно думать, что мой сынишка оставил после себя на Капри нечто хорошее — цветы».

Вот если бы ты всегда и везде, всю свою жизнь оставлял для людей только хорошее — цветы, мысли, славные воспоминания о тебе, — легка и приятна была бы твоя жизнь.

Тогда ты чувствовал бы себя всем людям нужным, и это чувство сделало бы тебя богатым душой. Знай, что всегда приятнее отдать, чем взять».

Мне кажется, главное в жизни человека — честно выполнять свой долг. Перед собой, перед совестью, перед людьми.

Новый город в пустыне, и цветы, и деревья на скалах — все это сделано руками комсомольцев 50-х годов. И нам продолжать их дело.

Ирина ПРЕСНЯКОВА,
г. Шевченко, Мангышлакской обл.

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ ОБО МНЕ...

Я хочу рассказать о дорогом для меня человеке, о моем дедушке, ставшем одним из первых комсомольцев Киргизии.

Керим Соронбаевич Соронбаев родился в мае 1910 года в городе Пишпеке, в семье крестьянина-бедняка. После смерти отца жили трудно — на скудный заработок матери-поденщицы. С 1918 по 1921 год Керим учился в начальной школе. А с одиннадцати лет пришлось работать в жестяной мастерской: сначала

учеником, потом рабочим... Поступил было в начальную русскую школу — желание учиться было огромным, — однако вскоре школу пришлось оставить: мать была не в состоянии платить за обучение...

Когда по всей республике свирепствовало басмачество, он вступил в комсомол. Шестнадцатилетним командовал он комсомольским отрядом добровольцев.

Я часто смотрю фотографии в семейном альбоме; в них оживает сама История. ...Они глядят на нас со старых, выцветших фотографий — скромные герои революции, мальчики и девочки в истрепанных, пыльных гимнастерках. Юные, не по годам серьезные лица.

Это было тяжелое, жестокое время... Однажды, отбиваясь от банды басмачей, Керим и два его товарища забежали в дом бывшего русского чиновника. Особняк с высоким забором и железными воротами они превратили в маленькую осажденную крепость. Один маузер да три буйные мальчишеские головы, три горячих сердца против лютой банды... И хмельная отвага боя. Обманывая врага, изображали отряд, топтали ногами, громыли железом, перебежали с места на место. «Отряд! К бою!» — разрывает темноту звенящий мальчишеский голос. Они и стояли целого отряда, эти отчаянные парни, чудом оставшиеся живыми...

В 1925 году Керим поступает в институт народного просвещения, открытый в городе Фрунзе. После окончания был оставлен там работать — преподавать историю. Дедушка часто любил вспоминать о жизни пединститута, о молодежи, которую учил и воспитывал.

Атмосфера влюбленности в свое дело, искренности, правдивости, царившая среди педагогов, находила живой отклик в сердцах студентов. В часы досуга — занятия в самодеятельных кружках, которым принадлежала особая роль, — из них вышли основоположники киргизского искусства. Первые наши драматурги Джонтошев и Шукурбеков ставили свои первые пьесы на институтской сцене. Из стен института вышли известные писатели, артисты: Мар Байджиев, Касымалы Джонтошев, Анвар Куттубаева, Бабисара Бейшеналиева и многие другие.

В эти трудные для республики годы пришла к дедушке первая любовь. Русоголовая русская девочка, «комсомольская богиня», вошла в его жизнь однажды и навсегда.

Моя бабушка, Нина Всеволодовна Шамахова, написала об этом воспоминания в стихах. Они не претендуют на поэзию — эти детские, наивные, неумелые еще рифмованные строки. И все-таки невозможно без волнения перелистывать пожелтевшие от времени листки, ибо они — часть дорогого для всех нас прошлого.

Любовь моих дедушки и бабушки всегда будет для меня высоким образцом прекрасных, чистых отношений.

В 1940 году, в апреле, Керим Соронбаев вступает в ряды КПСС. В двадцать девять лет он был избран секретарем ЦК ЛКСМ Киргизии. Многие до сих пор с благодарностью вспоминают о помощи, оказанной им в грозные военные годы. Комсомольцы Киргизии, оставшиеся в тылу, помогали фронту, много работали на полях, на заводах, ходили по дворам. Помогая голодающим семьям фронтовиков и эвакуированных, ездили по колхозам, собирали продукты для детдомов и для школ.

Через два года Соронбаев становится первым секретарем ЦК ЛКСМ Киргизии. Два года учебы в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в Москве, а затем — пост заместителя министра иностранных дел Киргизской ССР. Трудовая и общественная деятельность дедушки отмечена высокими правительственными наградами.

Он всегда выглядел моложе своих лет, мой дедушка, может быть, и потому, что сам часто находился среди молодых, переживал, как свои собственные, их горести и радости; вспоминая свою юность, снова чувствовал себя молодым.

Прожив не очень долгую жизнь, шестьдесят семь лет, он внес огромный вклад в развитие культуры Киргизии.

Незадолго до смерти он сказал мне: «Эрика, мне бы еще год дали, я бы совершил что-нибудь необыкновенное для людей... Чтобы помнили обо мне... Сколько еще не сделано...»

На таких комсомольцев, людей с вечно молодыми сердцами, будет равняться не одно поколение, о них будут помнить...

Факел, зажженный первыми комсомольцами, — в наших руках. И в его светлом и яростном пламени горит искорка, принадлежащая и моему дорогому человеку — дедушке.

Эрика АРСТАНОВА,
г. Фрунзе

ЛЮБОВЬ: БОЛЕЗНИ И ЛЕКАРСТВА

СХВАТКА ВЗГЛЯДОВ

Любовь, семья, личная жизнь — самые, пожалуй, взрывчатые темы для разговоров, и поэтому такой взлет споров вызвали статьи о психологической и сексологической культуре любви («Смена» №№ 1 и 3). Авторы большинства откликов одобряют их, примерно десятая часть откликнувшихся резко возражает. «За» выступает в основном молодежь и люди зрелые, «против» — больше пожилых и зрелых, чем молодых. И у тех и у других есть интересные мысли, важные предложения, те и другие увлеченно отстаивают свои взгляды — самые разные, часто противоположные.

«Не там корень зла, где его пытаются найти Ю. Рюриков, — пишет двадцатилетний Николай Никишин из Ворошиловграда. — Любовь перестала совмещаться с супружеской жизнью. Сейчас для девушки важно не найти свой идеал любви, а найти человека, способного приобрести для нее золото, хрусталь, квартиру, машину. Мещанство — вот главная черта... Культ вещей победил любовь».

Девушки не остаются в долгу у такого «женоненавистничества». «Сейчас, мне кажется, нет настоящих парней, — пишет двадцатитрехлетняя Лариса Обухова из Карпинска Свердловской области, — все какие-то наглые и пошлые. Сколько я видела пьяных парней, да притом еще и обросших, — как тряпки какие, а не люди. И девушки не лучше, — продолжает она, — редко сейчас встретишь скромную и имеющую собственное достоинство девушку. Многие стали уподобляться парням, курят, матерятся и даже совсем молоденькие, по 15—16 лет!»

Мне кажется, и Николай и Лариса «перехлестывают»: и среди ребят и среди девушек есть хорошие, душевные, интересные люди, и их, разумеется, не меньше, чем людей с вывихнутой или пустоватой душой, просто крайности больше бросаются в глаза, иногда даже заслоняют людей нормальных. Никогда не надо принимать часть за целое. Но, наверно, главное в этих письмах то, что их авторы ищут корни нынешних болезней любви, ищут требовательно, выскатательно. Несколько авторов писем говорят о тех переменах в нашей психологии, о которых шла речь в первой статье. Д. И. Бурлюк из Сумской области пишет: «Что бы то ни было, природа человека, человеческое сердце всегда останется прежним».

Ветеран войны и труда из Белгорода В. Д. Некрасов уверен, что я исхожу «из принципиально неправильных посылок», считая «полюсы психологических сдвигов», перегрузки от ритма жизни, минусы урбанизации основными причинами семейных бед. В. Д. Некрасов вообще, по-моему, с маху отзывается о статье: «Она еще более запутывает и так недостаточно ясную тему», у автора «мещанское,

мелкобуржуазное понятие о любви и семье», он «представления не имеет о настоящей большой любви», слишком «индивидуализирует» и в то же время «стандартизирует» какие-то слои души «вместо того, чтобы воспитывать у молодежи уважение и бережное отношение к любви». И многое в том же тоне... К сожалению, избыток резкости в этом письме сопровождается нехваткой вескости: ни одно свое обвинение В. Д. Некрасов не подкрепляет доказательствами.

Однако большая часть авторов писем согласна с тем, что нынешний век НТР и урбанизации действительно во многом изменил нашу жизнь и, следовательно, характер отношений между людьми, в частности, в семейном быту. Ритм жизни ускорился, вызвав «взрыв перемен», «взрыв контактов», «взрыв информации». Наша психика старается сэкономить нервную энергию, вырабатывая эмоциональные стандарты, отчего чувства теряют в своей индивидуальности. Зато у некоторых натур идут прямо противоположные явления: усиливается своеобразие интересов, привычек, поведения, чувства утончаются: наряду со стандартизацией идет индивидуализация человека.

Э. Малахова из Волгограда считает, что 70 процентов теперешних семей созданы не по любви, а раз так, «нечего и говорить о любви, а надо писать лишь о том, как сохранить семью». О любви у нас говорят слишком много, считает она, и как раз поэтому смертность ее стала рекордной. «Ее, сердешную, до того разобрали и раскрутили по винтикам и пружинкам, что тем самым и убили! Все, что можно сознательно построить, сберечь, сохранить, — все это, конечно, хорошо, но к любви не имеет ни малейшего отношения, — говорит Э. Малахова. — Потому что чувство это слишком непосредственное, оно лишено всякого расчета и умничанья...»

У М. Резина из Свердловска позиция кое в чем похожая. «Чувства, о которых идет речь в статье, — пишет он, — это не любовь. Можно говорить о симпатиях, привязанностях, взаимовыяжении, очарованности, наконец. Всем этим чувствам так хочется притвориться любовью в статье нашего автора, но все это лишь составляющие любви, и заменить любовь они никогда не смогут».

Вот еще несколько мнений о любви и о ее болезнях. «Любовь бывает самая разная, — пишет В. Сескутов из Вольска. — У многих из нас любовь материальная, идущая в выгоду, всегда требующая «дай»! И когда начинается жестокий отбор — или возвышенное без материального, или материальное без возвышенного, — любовь пасует, улечивается». В. Сескутов верит и в другую любовь — «в самую прекрасную, возвышенную, свободную от предрассудков страсть. Она ничего не просит, не требует у нас и не дает нам «наполненного златом» сундука счастья, но дает неизмеримо больше: воз-

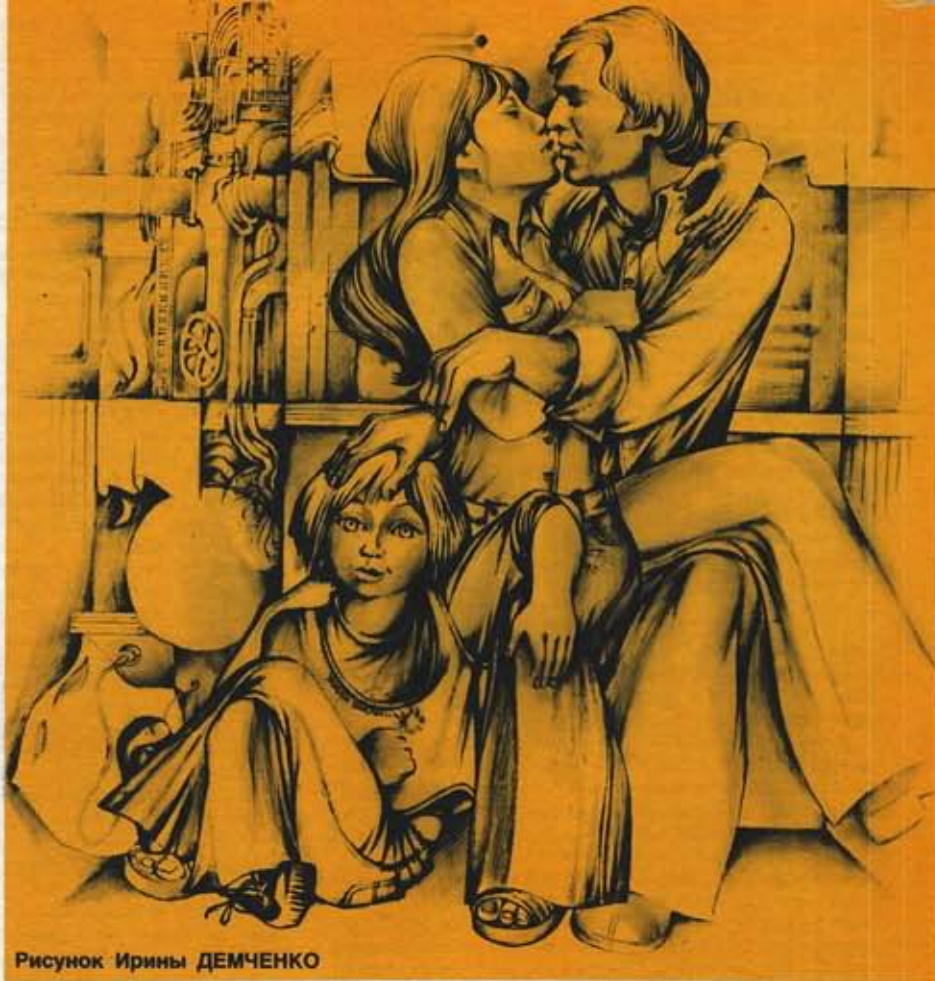

Рисунок Ирины ДЕМЧЕНКО

можность чувствовать, что мир прекрасен, что есть на свете человек, одна мысль о котором вызывает наслаждение».

У девятнадцатилетнего С. Кулаева, ефрейтора-пограничника, взгляды резко отличаются от взглядов других читателей. Он полон романтической и максималистской веры в смертельный накал любви, он думает, что она бывает только одного рода. «Любовь должна быть сильной и жестокой, — говорит он, — во всем своем естестве. Любить может только сильный человек, готовый отдать за любимую жизнь, а при утрате любимой — покончить с жизнью, а не искать ей замену».

По-моему, это сужение любви до острья бритвы. По-моему, любовь — как бы внутренняя тень человека, ее характер повторяет его характер, и разные люди любят по-разному. Есть и такая любовь, о которой говорит С. Кулаев: любовь-самосожжение, любовь-мина, готовая взорваться в душе и испепелить человека. Но какая же это любовь, если она «должна быть жестокой»? Любовь — это антижестокость, это самое туго сгущение доброты, человечности; жестокой может быть только больная, вывихнутая любовь или подделка под любовь. По-моему, прав М. Резин: «Не верю в разговоры о любви, если любовь к одному сочетается с жестокостью и подлостью к другому. И подонки склонны к сильным чувствам, настолько сильным, что могут поступиться жизнью. Пусть это будет испепеляющее чувство, но это оборотень любви». Влечение мужчины и женщины только тогда любовь, говорит М. Резин, если это любовь к Человеку в любимом человеке. «А к этому есть единственный путь — воспитание человеколюбия. Не образование, не психологическая грамотность, не половая осведомленность... Совершенно пустое — говорить о культуре любви, не беря во внимание культуру человеческих отношений».

Он прав: любовь — не просто тяготение к человеку, пусть самое страстное, полыхающее. Любовь — по самой сути своих чувств, по всей своей психологии — это отношение к другому человеку как к себе самому; это такая настроенность всего подсознания, всей души, когда все в другом человеке

дорого тебе не меньше, чем ты сам, а то и больше...

Любовь — в принципе не эгоистическое чувство, не чувство для себя; она подспудно тяготеет к равновесию двух «я», это чувство для себя и для другого сразу. И человеколюбие — стержень любви; пожалуй, именно здесь лежит ее главная эмоциональная сердцевина и главное отличие от других влечений. И это не моралистика, не проповедничество: просто у любви такая вот психологическая суть и плоть.

ПАРУСА ЧУВСТВ И МОТОРЫ СОЗНАНИЯ

А теперь вернемся к мысли Э. Малаховой: «Все, что можно сознательно построить, сберечь, сохранить, — все это, конечно, хорошо, но к любви не имеет ни малейшего отношения». Это очень ходовое мнение, в него верят, наверно, многие миллионы людей. И в самом деле, любовь — чувство, состоящее прежде всего из бессознательных или полусознанных тяготений, и главная резиденция любви — это наше подсознание, а не сознание, глубокие эмоциональные зоны души. Это касается, кстати, и влюбленности, и симпатии, и любого эмоционального влечения.

Но у любви есть как бы два измерения — внутреннее: любовь-чувство, жизнь наших эмоций — и внешнее: любовь-отношение, поведение любящих, то, как они относятся друг к другу. Оба эти измерения влияют друг на друга, усиливают или разрушают друг друга. От любви-чувства зависит, какими станут будничные отношения у двух людей, но еще больше судьба их чувства зависит от повседневных отношений людей, от их поведения. И то, что здесь можно сознательно построить и сохранить, имеет самое прямое отношение к чувству (к любви или к симпатии, привязанности). Любовь-отношение может быть сторожем, а может быть убийцей любви-чувства. Любовь — именно потому, что это чувство безотчетное, — требует от нас постоянного охранения и бережности. Наша психология сейчас так изменилась и усложнилась, что на одних парусах чувств далеко не уплынешь: им в подмогу нужны моторы созна-

тельно создаваемой душевной близости, совместимости. Другого пути сохранить любовь для нынешнего человека нет, и тут приходится выбирать: или сознательная — и очень трудная — помощь своим чувствам, или их крушение, гибель.

Те, кто отстаивает независимость любви от сознания, не поняли, наверное, одной чрезвычайно важной вещи, которая перевернула почти все в психологическом обиходе семьи. У нынешнего супружества новый и небывало сложный психологический фундамент: не просто влечение чувств, как раньше, а многозвенная личная совместимость двух людей: совместимость их чувств, характеров, темпераментов, интересов, идеалов, совместимость привычек, поведения... И сохранение симпатии, привязанности, любовь — значит изменить их, свить с другими нитями близости — душевными и духовными. Безотчетные чувства сегодня могут выжить — или отдалить свое угасание — только как часть этого многослойного сплава.

Но личная жизнь — это частенько путь по узкому мостику над ямами и капканами повседневности. И оступиться с этого мостика можно в обе стороны — и в слепую, закусив удила, эмоциональность и в холодную, все взвешивающую рациональность... **Л. Абрамович** из Амурска говорит: «Предположим, мы научимся управлять своими чувствами. Но не будет ли это палкой о двух концах, которая опять нас ударит? Не выхолостим ли мы себя? Многие желают «спокойных чувств», чтобы не рваться, не путаться, не бороться, не испытывать нравственных страданий. Но Лев Толстой назвал это состояние «душевной подлостью». «Надо учить людей быть людьми. Надо поставить людей в такие условия, чтобы у них дух преобладал, а не «матерьялизм»...»

Наверное, любой перевес — чувств над разумом, разума над чувствами — может повредить нашей человечности, которая всегда — сплав, равновесие: умное сердце или сердечный ум. И, конечно, утеря равновесия, попадание чувств в рабство к разуму грозят не меньшими бедами, чем порабощение разума чувствами.

МОЖНО ЛИ БЕЗ ЛЮБВИ?

Молодая женщина **Н. Осенева** (фамилия по ее просьбе изменена) мучается острым и вечным вопросом: «Можно ли жить без любви? И если можно, то за что такое мучение? А если расстаться, то как быть с детьми?» Она вышла замуж, не любя, потому, что ее любимый женился на другой. С мужем они разные люди, но она не дает разгореться ссорам, на его грубость не отвечает резкостью. И все время помнит о том, кого любила: «Знаю, что вообразила, приуравила, но продолжай со сладкой болью в душе тосковать о нем». Тем не менее она делает вывод: «Надо жить с мужем ради ребенка и искать — как улучшить характер мужа, как улучшить свою жизнь». Но после этого решительного вывода она задает нерешительный вопрос: «Может быть, не совсем обязательно любовь в семье, были бы общие интересы, уважение друг к другу и хорошие отношения?»

Ей как бы отвечает **Г. Некрасова** из Комсомольска: «Недаром говорят, что любовь, как и талант, дается немногим... Живите, милые женщины, и радуйте своих детей — разве это не радость! Надо уметь видеть, находить радость во всем!»

По-моему, одного рецепта на все случаи жизни быть не может. Многим, возможно, подойдет совет **Г. Некрасовой**, а многим он, наверно, не понравится. Скажу свое мнение. Да, любовь — это талант чувств, и он есть

далеко не у каждого. Нужна, наверное, душа достаточной глубины, чтобы вместить это чувство. Те, кто не смог вырастить в себе такую душу, или те, в ком чересчур силен эгоизм, остаются на ступени влюбленности, симпатии, влечения. Судя по данным социологов, около 70 процентов женихов и невест женятся по сердечному тяготению, а скольких из них связывает любовь, скольких — влюбленность или просто влечение?

Вторая группа молодых людей — процентов 20—25 — женится без сердечного влечения: они не могут встретить человека по сердцу, а время жениться пришло, вот и выбирают такого, который подходит разуму. Больше половины таких супругов довольны своей жизнью и считают свой брак удачным. Значит, можно в общем-то жить и без любви, без влюбленности, когда есть хорошие отношения, близкие интересы, забота друг о друге. В такой жизни бывает и счастье, но чаще от детей, а не друг от друга. Тем, кто живет без бурных чувств, пожалуй, доступнее душевное спокойствие, чем счастье. Да и спокойствие это нередко бывает частичным, и взлеты счастья от детей могут заглушаться провалами горя — от обделенности любовью, от щемящей боли одиночества, если близкий человек душевно далек...

В личных отношениях, в семейной жизни не часто встречаются пути, на которых все было бы хорошо; чаще, пожалуй, бывает сплав удач с неудачами. Потому-то и не стоит искать здесь жесткие каноны, всеобщие советы: каждому приходится решать, какой именно путь больше подходит для него.

О «ТРЕХ НЕВЕЖЕСТВАХ»

Другая часть читательской почты группируется вокруг вопросов о роли знания в любви. Почти все читатели согласны, что у нас есть «три невежества»: психологическая, половая и воспитательная неграмотность. Об этом пишет **В. Белоконов**, курсант из Камышина, **Е. Г.**, молодая преподавательница из Ульяновска. **Михаил Анохин** из Новоалтайска утверждает: «Область семейных отношений — это, пожалуй, единственная область человеческого знания, где каждый считает себя специалистом. Однако повседневная жизнь требует от нас знаний. Глупо думать, что в 30—40 лет кто-то захочет переучиваться, часто для этого нужно перечеркнуть всю жизнь».

Пожалуй, **М. Анохин** прав: в 30—40 лет не все найдут силы переучиваться. Ну, а те, кому 20—25? Или 16? А главное же, переучиваться куда труднее, чем учиться, и поэтому лучше начинать учиться и учить пораньше. Без знаний нет культуры, знание — такое же слагаемое культуры, как и душа, чувство. Подавляющее большинство читателей согласны с этим. «Лес начинается с дерева, человек — с детства», — пишет учитель **М. Замкратдзе** из Боржоми. — Мы преподаем детям азы наук, учим профессии. Но почему-то не учим быть настоящими отцами, матерями, семьянинами». **Михаил Колесников** из Киева задает справедливый вопрос: «Где же взять знания о любви и семейной жизни? В газетах, в журналах их мизер, просветительские книги о любви и семье почти нет». **А. Маринин**, моряк с рыболовного сейнера, согласен, что наука о семейной жизни важнее любого школьного предмета. **Елена Г.** из Ульяновска, как и множество других, недоумевает: уже десять лет идут разговоры, что надо готовить к семейной жизни со школы, все — за, а Министерство просвещения молчит. «Почему, — возмущается она, — мы должны учиться только на своих ошибках? Почему одно из самых главных знаний — как

добиться хорошей личной жизни — нигде не преподают?»

Что ответит на этот тысячеуслый вопрос Министерство просвещения, а также Министерство здравоохранения?

Статья о сексологической культуре супружества, напечатанная в № 3 журнала, вызвала много откликов. Читатели в письмах единодушно благодарят редакцию за то, что она опубликовала такую статью. Даже самый резкий противник первой статьи, **А. Д. Некрасов**, пишет: «Думаю, что молодежь, прочитав статью, многое подметит в вопросах интимной жизни вообще и в сексуальных в частности».

Н. Лисаев из Углича находит верные слова. Это очень важная проблема человеческой жизни, считает он: «Это буря положительных эмоций, дефицит которых огромен и все растет, это ликвидация половины женских болезней...» «Половое невежество несет массу бед и опасностей», — пишет алмашинец **В. М. Захаренко**. Молодая женщина из Перми **Ира** пишет, что только после пяти лет супружества, прочитав книгу ленинградского сексолога **А. Свядоца**, она и ее муж поняли, как достичь счастья в физической любви. **Ира** со страхом думает, что было бы, если бы эта книга не попала им в руки. Надо, предлагает она, чтобы такая просветительная книга вручалась новобрачным в загсе. За то же самое выступает и киевлянин **М. Колесников**. Думаю, что это исключительно важное предложение, оно доступнее других и может стать первым шагом в ликвидации полового невежества, скорой помощью для множества молодых семей. Пока еще напишут, согласуют, выпустят просветительно-воспитательные книги для школьников и молодежи, — небольшие брошюры для новобрачных написать и выпустить куда проще. Это, кстати, делается в некоторых городах Украины и России, но, к сожалению, мало.

Готовы ли издательства печатать каждый год 2 или 2,5 миллиона брошюр для новобрачных? Не пора ли выпустить нечто вроде «азбуки любви»?

А пока суд да дело, молодые из Днепропетровска **Тая** и **Гена Кузьминовы** просят почаще помещать в «Смене» статьи на эту тему. О том же просит молодой муж, инженер **Сергей М.** из Казани. **Оля Чуйкина** и **Оля Маринина** из Белореченска советуют открыть в «Смене» постоянную рубрику о психологической и сексологической культуре супружества. **Николай М.** из Абинска, Краснодарского края, тоже за такую рубрику: «Хотелось бы, чтобы именно в вашем журнале: ведь он издается для нас, для молодежи. Думаю, что читатели «Смены» меня поддержат».

Двадцатилетний одесит **Евдокимов**, студент-москвич **Вадим М.** предлагают рассказать в журнале, как идет сексологическое просвещение молодежи в ГДР, Польше, Чехословакии, Венгрии и других странах. Читатели убеждены: сексуальный ликбез необходим, сексологическое просвещение-воспитание надо поскорее вводить в школах, ПТУ, вузах, техникумах, вести его с помощью средств массовой информации.

Еще один вопрос из этого звена разговора задают школьница из Новосибирска **Лена Чухно**, жительница Ленинградского Краснодарского края **И. Карась** и многие другие: какие просветительно-сексологические книги у нас есть и как их достать. К сожалению, таких книг очень мало, и достать их можно только в библиотеках, да и то в крупных. Вот лучшие из таких книг:

Н. М. Ходаков. Молодые супругам, изд. 2. М., 1974; **А. Г. Станков**. Что надо знать до брака и в браке. Ташкент, 1975; **Л. Н. Гудкович**. О тебе и для тебя. Ставрополь, 1977; **Переводные: Р. Нойберт**. Новая книга о супружестве. М., 1967; **К. И. Ме-**

линский. Психогигиена половой жизни. М., 1973; Сборник «Пол, брак, семья». София, 1977. **Научные книги:** **А. М. Свядоц**. Женская сексопатология. М. 1974; **Общая сексопатология**. Под редакцией **Г. С. Васильченко**. М. 1977.

Краткость этого списка печальна. И в то же время эта краткость — призыв к действию: переиздать лучшие из этих книг массовым тиражом; подготовить программу широкого выпуска просветительской литературы, умной, глубокой, и как можно скорее начать выпускать ее.

ПРИНЦЕССЫ И ЗОЛУШКИ

Горячие отклики читателей вызвал раздел «Яд перегрузок» — о том, как качает судьбы семей домашнее неравенство женщин. Причем отклики необычные: мужчины выступают против хозяйственного порабощения женщин, а женщины... Впрочем, не стоит торопиться. «Мы, мужчины, — пишет **А. Орлов** из Балакова Саратовской области, — терпим, что женщина почти одна занимается домашним трудом, воспитывает детей, и в результате у нее пятнадцатичасовой рабочий день».

Несколько лет назад минские социологи решили проверить, зависит ли судьба брака от деления домашних нагрузок. Результаты оказались потрясающими: там, где нагрузка делится более или менее справедливо, 60% браков удачны и 5,6% неудачны. Там, где женам достается львиная доля нагрузок, а мужьям — воробьиная, удачных браков всего 21% (втрое меньше!), зато неудачных — 40% (в семь раз больше). Как видим, домашнее неравенство крадет счастье, убивает хорошие отношения. У друзей равенства добрые чувства меньше засасываются в тину быта, а их домашняя жизнь — теплее и светлее. Разница тут разительная, и над ней стоило бы как следует задуматься...

Машинист крана **А. Урванцев** из Нижнего Тагила — из счастливой семьи, у него есть правило: «Ни в коем случае не сидеть, когда жена в работе, в домашних делах, — искать себе тоже дело или заниматься с детьми. Создавать жене время для отдыха, чтения: например, она гладит — забрать у нее утюг, дать ей журнал, газету. На мой взгляд, мужу надо брать на себя и мелкие, порой нудные и отнимающие время заботы: заявки в домоуправление, квартплату да и домашний бюджет не спихивать на одну жену».

Есть старая поговорка: «Все невесты принцессы, почему же среди жен нет королей?» У семейных женщин как бы двойной рабочий день: по подсчетам социологов, женщины тратят на домашнее хозяйство 35—40 часов в неделю, мужчины — в 2—3 раза меньше. Многие думают, что для домашнего труда не нужна сила. Но вот английские ученые измерили недавно, какую энергию тратит домохозяйка, и поразились. Оказалось, что стирка белья берет столько же сил, сколько работа тракториста, глаженье — сколько работа каменщика, а мытье окон — сколько шоферская работа. Наверное, беря в расчет все это, и стоило бы делить хозяйственные нагрузки между мужем и женой.

В 1950 году у нас среди рабочих и служащих было 19 миллионов женщин. Сейчас их 54—55 миллионов — почти в три раза больше; домохозяйек почти не осталось. Десятки миллионов женщин, пришедшие на работу, взяли на свои плечи многие виды мужского труда — куда больше, чем сняли с себя домашнего, «женского». И, наверное, будет только справедливо, если мужчины отдадут женщинам этот свой долг: золушек станет тогда поменьше, королей — побольше...

Впрочем, у женщин иногда встречается свой взгляд. Вот педагог **К. А. Никитина** из Ставрополя говорит: «Меня поражает бунт современных женщин против домашнего закрепощения. Мы, представительницы старшего поколения, не привыкли считать великим трудом приготовление обеда для семьи, стирку белья и уборку квартиры». У **К. А. Никитиной** есть важные мысли о женской роли в семье — роли хозяйки дома. «Нет оправдания, матерям, — пишет она, — которые, жалев дочерей, не только не приучают их с детства к домашнему хозяйству, но и всячески стараются избавить их от этих забот. И хотя, выйдя замуж, никто не получит в приданое скатерть-самобранку, среди взрослых дочерей появилась своего рода мода — не уметь готовить еду». Очень верно, по-моему, сказано все это. Можно только добавить, что и мальчиков стоило бы приучать к домашнему хозяйству. **К. А. Никитина** справедливо рассуждает и о вреде женской строптивости, о том, что женщина часто выступает не хранительницей, а разрушительницей домашнего очага. «Может быть, и число алкоголиков, — предполагает она (и это сходится с мнением ученых), — растет из-за домашних ссор и конфликтов. Чересчур требовательные женщины, — говорит **К. А. Никитина**, — играют роль старухи из сказки о рыбаке и рыбке и потому часто оказываются у разбитого корыта». Ее позицию поддерживает и 80-летняя **М. С. Иванникова** из г. Фрунзе. «В привраивании женщины к мужчине у нас есть перегибы», — пишет **Л. Н. Новикова** из Саратова. Она считает, что многим женщинам — прежде всего в тех семьях, где нет бабушек, — стоило бы оставить работу и заниматься только детьми, семьей. «Пусть бюджет семьи будет меньше, зато дети будут более воспитанными, не беспризорными, как сейчас, когда, уходя на работу, родители оставляют первоклассника одного».

Экономисты и социологи в последние годы спорят, не слишком ли много женщины участвуют у нас в производстве, не лучше ли было бы для семьи, если бы домохозяйка была чуть больше. У нас да и в других странах проходили не так давно опросы, во время которых женщины спрашивали: «Оставили бы вы работу, если бы ваш муж получал столько, сколько вы сейчас получаете оба?» Большинство женщин ответило: «Нет». Чем выше квалификация и интереснее труд, тем больше было таких, кто не хотел оставлять работу. Даже среди женщин-чернорабочих больше половины не согласились на роль домохозяйки. Наверное, выход не совсем там, где его ищет **Л. Н. Новикова**. Демографы и социологи давно предлагают увеличить помощь семье: расширить службы быта, сеть садов и яслей, чтобы сократить женские перегрузки. Предлагают они и перенять тот хороший опыт помощи семье и особенно женщинам, который есть в Чехословакии, Венгрии, ГДР, Польше и других социалистических странах.

Людмила Ульянова из Ленинграда, **Люда Э.** из Вильноса, **Виктор Швецов** из Новосибирска и многие другие пишут о жилищных и материальных трудностях, которые мешают молодой семье, просят «Смену» рассказать, что делается у нас и что собираются делать государственные учреждения в помощь молодой семье. Интересный опыт такой помощи есть в Киеве, Москве, Ленинграде, в Эстонии, Литве и во многих других местах.

ЧАСТЛИВЫЕ — О СЕБЕ

Несколько интересных откликов пришло от счастливых мужей с большим семейным стажем. Жаль, что от счастливых жен писем почему-то нет:

может быть, некогда писать? **А. К. Гусев**, персональный пенсионер из Ленинграда, пишет: «Я женился по любви, прожил с женой 54 года, и первоначальная любовь не только не ослабла, а, наоборот, в старости стала нежнее, трогательнее». Инженер **Г. Т. Дудко** из Риги женат тридцать второй год, и его опыт убеждает его, что «любовь может быть сохранена на всю жизнь — независимо от ускорения ритма жизни и минусов урбанизации». Что именно, по его мнению, помогает сохранить счастье? Это проверенная временем любовь, потому что в успешных браках чувство чаще всего быстро гаснет; верность друг другу; домашнее трудолюбие: «Трудолюбивая жена, — хорошая хозяйка и заботливая подруга; трудолюбивый муж — радость и гордость семьи». Это и общие интересы, и интерес к работе друг друга, постоянное участие в чужих радостях и огорчениях, это умение руководить своими вспышками и настроениями.

Похожие взгляды у офицера в отставке **О. В. Заболотного** из Йошкар-Олы. **Д. Карасев** из Казани, у которого приближается золотая свадьба, говорит об исключительно важном секрете хороших отношений: «Главное, чтобы один другого жалел, как самого себя». **А. А. Колесников** из Острогжского Ворошиловградской области седьмой десяток и тоже не очень далеко до золотого юбилея. «Но мы с супругой не можем даже сейчас сказать, что наша любовь умерла. Конечно, нет уже пылких влечений друг к другу, нет того огня, что раньше. Но все равно сохранилась духовная близость, мы так же дорожим друг другом, живем друг для друга. Я забочусь о ней, она — обо мне... Мне всегда приносит радость то, что я сделал для нее. Купил подарок, испек ее любимым пирог, связал носки — да мало ли что можно сделать для близкого человека...» И о других своих секретах семейного счастья рассказывает **А. А. Колесников**: «Во-первых, не пресыщаться ничем: ни отдыхом, ни трудом, ни сексом, ни духовной, ни физической пищей. Надо стараться, чтобы потребность во всем этом сегодня была больше, чем вчера, а завтра больше, чем сегодня. Во-вторых, не отставать друг от друга, стараться дополнить друг друга. Пример: я любитель спорта, до сих пор играю в волейбол, а вот музыкального слуха не имею. Жена, наоборот, музыкальная, имеет прекрасный голос, но к спорту была равнодушна. Когда наши сыновья учились в музыкальной школе, мы вместе с ними учились играть на баяне. Теперь у нас в семье квартет баянистов — не для сцены, а для себя. Что касается спорта, тут я «заразил волейболом» всех, особенно жену. У нас образовалась семейная волейбольная команда: я, жена и двое сыновей со своими женами».

У всех этих счастливых людей была трудная жизнь: работа, война, послевоенные тяготы, жилищные и денежные нехватки. В трудных условиях живет и сейчас еще один счастливый мужчина, машинист крана **А. Урванцев** из Нижнего Тагила (его мнение о домашнем труде тоже приводилось).

К сожалению, счастливых семей меньше, чем просто удачных. Зависит это во многом от условий жизни, но еще больше — от наших душевных качеств, от характера, от умения и знаний. Наверно, личная судьба — это равнодействующая условий жизни и наших личных свойств. Чем лучше эти личные свойства, чем закаленнее мы нравственно, тем легче мы можем противостоят житейским тяготам, тем душевнее может быть наша семейная жизнь.

Дорогие читатели! Редакция продолжит разговор о проблемах психологической и сексологической культуры в молодой семье. Приглашаем вас принять участие в этом обсуждении.

Дом стоял на юру, на крутом зеленом холме, в самом начале села Заречного. Даль открывалась отсюда на все четыре стороны. Впереди — река в невысоких берегах, поросших кудрявыми ветлами. Дальше — заливные дуга с яркой изумрудной зеленью по весне, сочной, душистой поленикой летом и необъятной, ослепительной белизной зимой. Сзади — еловый лес, густой и темный, с редкой проседью берез по опушке. Слева — поле, когда-то сеянное и паханное, теперь заброшенное, заросшее сурепкой и васильками. Справа — дорога: светлый, золотистый песок, спрессованный до блеска. Когда-то по ней ездил груженые пшеницей и лесом телеги, пролетали легкие двужолки. Потом появились огромные грохочущие грузовики. Наведывались даже изысканные, щеголеватые «эмки». Тяжелые гусеницы тракторов вспахивали ее нежно-желтый песок.

В первые послевоенные годы длинные цепочки грузовиков и повозок тянулись по дороге, поднимая стойкое мутновато-золотистое облако пыли. В Заречное шли порожняком. Из Заречного — до краев груженные мясом, хлебом, лесом.

Но со временем вырос неподалеку шумный, беспокойный город-работник. Потянул зазывно к себе людей. И к нему устремился поток машин из села Заречного. Прогрохотали колеса в сторону города, и больше не слышала дорога их шума, опустела совсем, стала зарастать травой.

Жителей в селе становилось все меньше: кто, внимая уговорам ныне городских родственников, в конце концов уезжал, кто умирал. Заколачивались окна. Пустели подворья. Скоро здесь осталось лишь несколько древних старух и стариков.

Дома медленно ветшали, заваливались набок, уходили в землю...

Этот оказался самым крепким. Срубленный из могучих сосновых бревен, он простоял уже добрую сотню лет и спокойно мог простоять еще столько же.

Когда-то в этом доме жило семейство Речных: мать Василия — Мария Речкина, мать его матери — Евдокия, бабка его матери — Василиса и бабка бабки его матери — Пелагея. Все они родились и выросли в этом селе, в этом доме. Все, кроме Василия. Он был первым «городским». Мария вышла замуж за уездного лекаря и укатила из родного села. Поселились молодые в уездном центре — Солнечнодаре. Там, в Солнечнодаре, и появился на свет их первенец. По просьбе бабки Евдокии его назвали Василием.

Родился Василий в городе, но рос здесь, в деревне. Здесь же поступил в начальную школу. Десятилетку заканчивал в Солнечнодаре, но все праздники, не говоря уже о каникулах, проводил в Заречном — вместе с бабушкой Евдокией и двоюродной сестренкой Нютой.

В студенческие годы приезжал сюда лишь однажды — на похороны бабушки. Теперь Василий геолог, колесит по всей стране, а все же нет-нет да и заглянет в родные края. Тянет его к тихой речке с кудрявыми ветлами, клонящимися к воде, к темному лесу с целыми полянами несобранных боровиков, к васильковому буйству, которому теперь уже не мешают всходы злаков. Тянет к той памяти солнечного детства, когда еще не было никаких обязанностей, не было прошлого, а было только одно будущее — прекрасное, полное удач и необыкновенных открытий. Когда профессия геолога рисовалась ему необъятной россыпью удивительных находок...

Во все времена дом славился своим гостеприимством. Пеклись пышные, пахучие караваи хлеба, сбивалось из сливок масло, настаивался березовый квас.

Валентина
Дорошенко

РАССКАЗ

КАШ

При жизни бабушки здесь было полно всякого люда: старики и старухи, знакомые и незнакомые, просто «захожие». Особенно запомнился Василию один старик. Ходил он всегда в широкой, из белого холста, рубашке навыпуск, подпоясанной веревочкой, в светлых парусиновых брюках. Борода — до пояса, белая, как молоко. Седые, до искрящейся белизны, волосы, густые седые брови, седые усы — лица почти не видно, только нос торчит. Весь он был такой белоснежный, что Василию казалось: снеговик по дому двигается. И длинный красный нос усиливал это сходство. На селе звали его «Дед Форей». Бабушка называла «Божьим старцем». Прожил божий старец у них целую зиму, а летом пошел дальше.

Бабушка тогда поставила свечку под образа, рядом с букетиком ивана-дамари... Был в семье у них такой обычай — не помнит Василий, кем и заведенный: то ли матерью его бабки, то ли бабкой его бабки, то ли еще более древними поколениями. Обычай был такой: за каждым членом их семьи был закреплен свой цветок. У Василия это был василек, у Анюты — анютины глазки, у матери их, Марии — иван-да-марья. Когда же она вышла замуж за Ивана, цветок приобрел полную силу, став символом нерушимости их счастливого союза. Чаще всего цвет соответствовал имени, подбирался по сходству. Букетик из таких цветов — свежих или засушенных, в зависимости от сезона, — ставился каждому у изголовья, а когда он (или она) уезжал, — в светелку под образа. После благополучного возвращения «блудного сына» (или дочери) букетик возвращался к изголовью...

Бывала в доме публика и помоложе, в основном знакомые родителей из Солнечнодара. Но долго они не задерживались. Правда, одна учительница с маленькой дочкой приезжала почти каждое лето, а иногда и зимой. У девочки было слабое горло, она постоянно болела ангинами, и мать возлагала большие надежды на целебный деревенский воздух. Девочку звали, как и его сестру, Анютой. Прозвали эту Анюту «Капелькой» — за малый рост и за ее любимое словечко («Дай капельку молока», «Замерзла?» «Капельку»). Была она действительно очень маленькой и хиленькой. Тихо играла в каком-нибудь уголке со своей куклой Моргушей (кукла была с закрывающимися глазами). Василий, наверное, и не запомнил бы Нюту-капельку, если бы не один случай.

Лето было необычно солнечным, необычно ярким и вообще необычным.

Необычным уже потому, что Василию исполнилось шестнадцать лет. Он перешел в десятый класс, и родители купили ему по этому случаю велосипед. Велосипед и для городских ребят был в те времена штучкой довольно редкой. А для сельских—невидаль вроде слона индийского.

Зареченские мальчишки выстраивались в длинные очереди у их дома: «Вась, прокати!» Василий катал, давал даже самим пробовать и чувствовал себя необыкновенно счастливым от собственной щедрости. Когда катание заканчивалось, ставил велосипед в сених, тщательно обтерев с него тряпкой пыль и грязь.

И вот однажды, когда бабушка кормила его на кухне вкусной душистой поленикой, из сеней донесся грохот, а затем громкий детский плач. Они выскочили в сени и увидели Нютку-капельку лежащей на полу, а на ней—его велосипед. Лицо залито кровью. Перепуганная бабка начала причитать, почему-то хлопая себя руками по бокам: «Ой, дите убилося!» А Василий не растерялся, схватил малютку в охапку и бегом в сельскую больницу. Оказалось, рассечена бровь. Ранка была небольшой, но глубокой. Нюте наложили один шов. Зажила ранка довольно скоро, но небольшой шрам под правой бровью остался на всю жизнь. От этого правая бровь казалась чуть приподнятой: словно на лице Нюты застыл немой вопрос. Вечный вопрос, на который она никак не могла получить ответа...

После смерти бабушки в доме поселялись разные родственники: близкие и дальние, знакомые родственники, знакомые знакомых и вовсе не знакомые—все те, кому негде было найти пристанища. Но большей частью дом пустовал. Постепенно он зарастал грязью и мусором, приходил в упадок. Первое время, когда здесь жил его двоюродный брат Игорь с женой, в доме был относительный порядок—Гая следила: полы всегда были чистыми, посуда помыта, печь натоплена. Она и деревья в саду окучит, и грядки вспашет, петрушку, редиску посеет. Но через два года Гая от Игоря ушла, и все у него пошло кривь и вкось—и в доме и в жизни. Правда, поначалу он старался поддерживать завещанный Галей порядок. Но печь у него дымила, посуда билась, грядки выходили кривыми, как тропинки в лесу. Ничего на них не родилось. Вскоре огород зарос лопухами, сад одичал, а Игорь куда-то исчез.

Бабушка

Последующие жильцы не заботились о порядке ни в доме, ни тем более в огороде. Потому что это были и не жильцы даже, а всего лишь кратковременные постояльцы. На полу во всех комнатах лежали кучи всякого хлама, в которые каждый новый обитатель вносил и свой «вклад». Чего тут только не встретишь! От лошадиной сбруи и казачьих седел до гаечных ключей и сапожных колодок. В одной из комнат из кучи рваной одежды и старой обуви торчал сломанный мольберт. Среди осколков битого стекла и посуды—кусочек горного хрусталя. Спальный круг, разбитый радиоприемник, искалеченная Нютина кукла Моргуша, овечья шкура, изъеденная молью, засушенная морская звезда, замасленные отвертки... Много всякого люда перебивало в этом доме...

Василий вышел из переполненной электрички на станции Яблоневка, сел в маленький, с длинным носом автобус, какие ходили еще до войны, доехал до конечной остановки. Разбитая, в колдобинах, асфальтовая дорога—«саша», как уважительно величали ее местные жители, тут кончалась, и дальше шла узкая песчаная тропка. По ней предстояло шагать добрых четыре версты пешком. Однако путь этот никогда не казался ему утомительным. Тропинка шла лугом. Не кошенные десятилетиями травы поднимались чуть ли не в человеческий рост. В этом году они были особенно буйными и сочными, наверное, от обилия дождей, которых, как говорили в автобусе, выпало нынешним летом столько, сколько не видели с самого сорок пятого.

Солнце пекло так сильно, словно это была не середина сентября, а самый разгар лета. Разомлевшая трава источала нежный дурманящий аромат. Василий полной грудью вдохнул знакомый с детства запах разнотравья, такой неповторимо родной, их, зареченский, и сердце его сладко заныло. Он лег в пахучую зелень, подложил под голову рюкзак и стал смотреть в небо. Кучи мошкары вились в прозрачном воздухе. Слабый ветерок волнами гнал траву. Все вокруг шевелилось и звенело. И этот звон все нарастающим протяжным звуком отдавался в его груди. Словно кто-то шарманку раскручивал...

Он встал и пошел вниз по тропинке. Вскоре дорога пошла круто под уклон, и он вышел к речке. За эти годы она еще сильнее усохла, еще дальше отошла от ивняковых зарослей. Да и от зарослей-то одно название осталось.

Вот и мост... Сгнившие доски прогибаются и трещат под его ногами. Замшелые бревенчатые сваи того и гляди рухнут. Василий остановился, перегнулся через

шаткие, сохранившиеся лишь с одной стороны перила. Вода у деревянных столбов делала небольшие завихрения и вспенивалась. Здорово рыба здесь когда-то клевала. Водоросли, поднимающиеся к самой поверхности воды, серебрились маленькими пузырьками воздуха—длинные трепещущие нити, изогнутые по течению.

И вдруг, вынесенная какой-то глубинной струей памяти, перед ним четко встала картина: русская печь в их старом доме, бабушка и он с Нютой. Бабушка склонилась у загнета и сгребает длинной кочергой догорающие поленья. Ее раздумявшееся лицо, освещаемое зыбким голубоватым пламенем, кажется совсем молодым. Василий сидит на лавке вместе с сестренкой Нютой—спиной к теплой печке. На кухонном столе—огромная миска с мочеными яблоками-антоновкой. Сверху, над столом, с потолочной балки свешиваются снизу сушеных боровиков.

Бабушка достает из печки сковороду и насыпает из нее ему и Нюте горячих, только что с жару, семечек.

На дворе непогода: ветер гнет яблони до земли, швыряет в окно мокрой снежной крупой. Там холодно и уныло. А они с Нютой сидят у натопленной печки, болтают ногами и щелкают жареные семечки. Им хорошо...

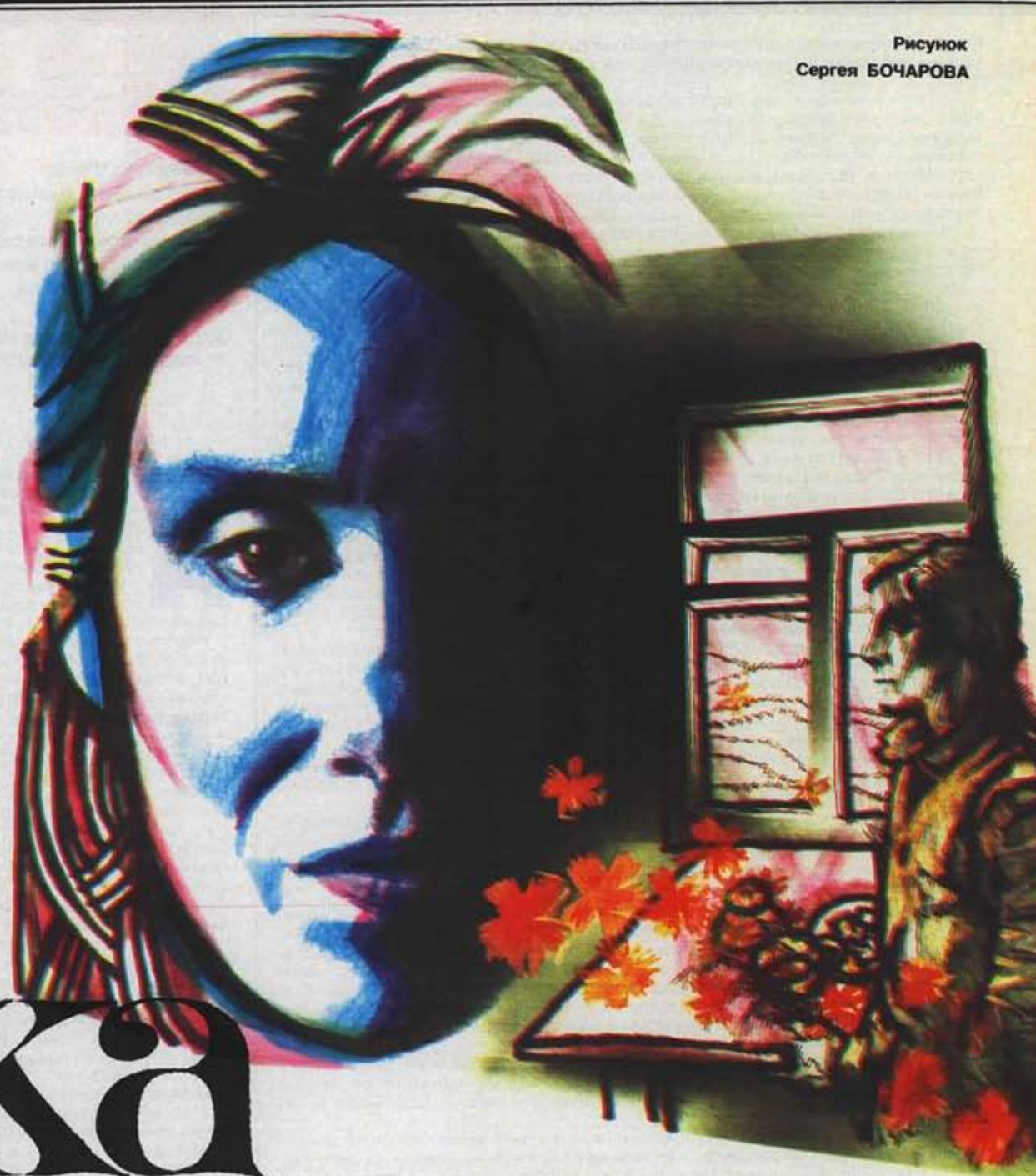
Василий прикрыл глаза, втянул в себя теплый осенний воздух и вдруг остро—так, что засосало под ложечкой,—ощутил этот маслянистый, ни с чем не сравнимый запах жареных семечек.

Он выпрямился и быстро зашагал по косогору.

По мере того как он приближался к дому, Василий все явственней ощущал какое-то непонятное беспокойство. И даже не беспокойство—ничего тревожного в этом ощущении не было—просто легкое волнение. Едва уловимое, будто подрагивание водорослей в темной воде. Словно в ожидании чего-то...

Шаг сам собой ускорялся. Последние метры Василий почти бежал. Хоть и понимал, что ждать ему нечего и некого. Толкнул калитку. Она поддалась, но не сразу: влажные, набухшие от дождей доски ее плотно прилегали к столбам. От толчка слетело и закружилось несколько листьев сирени. Колыхнулся и сыпанул серебряной порошей поздний жасмин. Старый орешник тоже задрожал. Все заколыхалось, пришло в движение...

Когда-то дом запирался огромным железным ключом с узорчатой головкой. Ключ вешали на длинный ржавый гвоздь тут же, на крыльчке. Но позже в этом

КОММУНИЗМ

отпала необходимость, и дверь стояла открытой: заходи любой прохожий. Однако прохожие не заходили, потому как их в этих местах просто-напросто не было.

Вот и сейчас она была открыта настежь. Василий по привычке тщательно обтер ноги на ступеньках, вошел. В сенях его обдало знакомым тепловатым запахом прели. Он постоял, прислушался. В доме стояла глухая, какая-то вязкая тишина. Он переступил с ноги на ногу. Заскрипели, запели половицы — долгий, тягучий звук. Шагнул к двери в комнату, взялся за ручку и вдруг остановился. Ему расхотелось входить, он вспомнил, какой разгром и беспорядок видел тут в последний раз, и возбуждение его спало. Но он пересилил себя и толкнул дверь. То, что предстало его взору, поразило Василия настолько, что он остановился в нерешительности: в доме была идеальная чистота. Василий был готов ко всему, только не к этому.

Мусор исчез. Пол помыт и выскоблен. От порога, по диагонали через всю комнату, чистый половик расстелен. На комод, как при бабушке, — белая скатерка в мерещку. На столе, в вазе, — букет из огненных листьев клена. На окнах — чистые занавески, герань в горшках стоит. Нигде ни пылинки. А в углу — у Василия аж дух захватило — выцветший букетик васильков. Его цвет! Кто же положил их сюда? Кто ждал его в этом доме? Василий подошел, взял хрупкий букетик. Понохал, повертел в руках. Положил на место. Пошел дальше. В других комнатах тот же идеальный порядок. И нигде ни души. Пришел на кухню — пусто. Но здесь, чувствовалось, кто-то был совсем недавно. На столе чашка с недопитым чаем. На тарелке — печенье, сахар. Заглянул в чайник — заварка еще свежая. Пахнет земляничным цветом (только в их семье знали этот рецепт). Сверху над столом свешиваются низки белых грибов: так их когда-то бабушка подвешивала — к балке под потолком.

Он подошел к печи — она еще хранила слабое тепло. Печь тщательно побелена, но надписи не замазаны: видно, их старательно обходили. Надписи эти сделаны разными людьми, в разное время. В основном автографы многочисленных обитателей старого дома. «Кораблев, 1957», «Олег-1969»... Были и безымянные авторы: «Здесь ночевал я. 1 апрель XX века». Есть надписи и другого сорта: несколько горячих призывов на манер «Люби, хотя и зла любовь!».

Василий перечитал все эти надписи, несколько потерявшие от времени свою первоначальную яркость, снова прошелся по комнатам. Вернулся в кухню. Из нее была дверь в крытый двор. Это было холодное помещение необъятных размеров, с протекающей крышей, с огромными, теперь уже не раскрывающимися воротами, в которые, по словам бабушки, свободно могла заехать повозка, запряженная парой и даже тройкою лошадей.

Вот куда переместился весь хлам: лошадиные седла, мольберт, отвертки, гаечные ключи... А вот, чуть в стороне, и его старый велосипед! Ржавый, искореженный, без руля и почти без спиц.

Начало темнеть. Василий вернулся в дом. Взял с кухонного стола печенье, сжевал. Сел на лавку возле печки. Блаженно вытянул ноги, закрыл глаза. Вот сейчас придут, как всегда, нахлынут воспоминания.

Однако они почему-то не приходили. Какое-то постороннее, неосознанное желание отлекало его мысли, уводило в сторону. Какое же?

Он встал, прошелся по кухне. Механически положил в рот еще одно печенье. Снова остановился перед печкой, бездумно глядя на потускневшие надписи. И вдруг понял. Ему нужно залезть наверх, взять старую, пахнущую детством овчину и растянуть там. Почувствовать всей спиной, всем телом нежное тепло твердого камня. Да, это именно то желание, которое он подспознательно чувствовал все это время. Которое все это время тревожило его.

Он встал на лавку, отдернул цветастую занавеску (отметил, что она постирана и даже накрахмалена), влез на полаты.

Овчина была на месте. Василий медленно, с удовольствием втянул в себя ее особый, кислотный запах, распрямил спину, смежил набухшие от многих бессонных ночей веки. В наступившей тишине он слышал, как бьется в его висках кровь.

Вдруг послышался какой-то неясный шорох и что-то вроде слабого позвякивания, доносившегося из сеней. Василий приподнялся на локте — снова тихо. Потом опять — слабый шорох. Он спрыгнул с полатей и пошел на шум. Толкнул дверь, вышел в сени. Сделал в темноте несколько шагов, за что-то зацепился, не удержал равновесия и грохнулся на пол.

Он чертыхнулся, потирая ушибленное колено. «Велосипед! — определил он. — Как он сюда попал?» Василий был уверен, что, когда он входил в дом, никакого велосипеда здесь не было.

В это время послышался скрип ступенек на крыльце, и в светлом дверном проеме появилась девичья фигура.

Девушка подняла руку, пошарила у косяка двери — щелкнул выключатель. Василий зажмурился от неожиданно яркого света.

— Медицинская помощь не понадобится?
Он подумал, как все это, должно быть, смешно выглядит: девушка, которую, казалось, насколько не смутила эта неожиданная встреча, и распростертый у ног растерянный мужчина в обнимку с велосипедом. Он поспешно встал, поставил велосипед к стенке, повернулся к девушке и онемел: он увидел над правой бровью девушки небольшой шрам. От этого бровь казалась чуть приподнятой, словно на лице ее застыл вопрос. Немой вопрос, на который никак не находилось ответа. Перед ним стояла Капелька!

— Вот уж не ждал... Откуда ты, Нюта?
— А мне удобно здесь жить: работаю-то рядом — на стройке под Глуховом.

«Ничего себе «рядом», — подумал Василий. Глухово было в десяти—двенадцати верстах от Заречного.

— И ты каждый день накручиваешь больше двадцати километров туда и обратно? — неожиданно спросил Василий. — Неужели ваша стройка не может выделить жилье поближе?

— Может, — ответила девушка. — Но я не прошу, у меня же есть дом. Василию послышался укор в ее словах, и, вероятно, справедливый: он-то в свое детство загородные прогулки совершает.

Они вошли в дом: дедовский стол, уверенно упирающийся всеми четырьмя ногами в до блеска выскобленный пол, букетик анютиных глазок в незатейливой вазочке; и везде чистота, как при бабушке. И кажется, и сама она, бабушка, появится сейчас с лукошком душистой поленики...

Вот он, дом родной. Такой близкий...

Роберт ПОЛИС, заместитель министра, председатель постоянной комиссии по делам молодежи при Министерстве машиностроения для животноводства и кормопроизводства СССР

Доводилось ли вам бывать на крупном современном предприятии, где средний возраст работающих 24 года? И это включая руководство, начальников цехов, смен.

Именно таков средний возраст трех с половиной тысяч работников завода «Ковельсельмаш».

Исключительный случай? В какой-то степени. И все-таки я бы не стал прибегать к этому определению, потому что случай этот в то же самое время и очень характерен для нашей отрасли.

Министерство машиностроения для животноводства и кормопроизводства создано около шести лет назад. Предприятия отрасли за это время стали выпускать машин в 1,6 раза больше. За счет чего? Стремительно меняется характер труда на наших заводах. Он обязан меняться, потому что должен соответствовать уровню выпускаемой ныне продукции. Было время, когда о наших механизмах можно было позволить себе не слишком уважительное: «Что там у вас — поилки и косилки!» Сейчас наши машины зачастую сложнее даже тяжелых автомобилей.

Возьмите самоходный кормоуборочный комбайн КСК-100 Гомельского завода. Эта мощная машина сама и собирает, и измельчает, и загружает в транспортные средства зеленую массу — 25 кубометров за три минуты. 20 тысяч этих машин — такими станут масштабы завода. Здесь будет самая современная технология сборки, а главный конвейер можно будет кое в чем сравнить и с КамАЗовским.

Если раньше мы выпускали разрозненные машины и механизмы или неполные комплекты, то теперь должны делать 108 полноценных комплексов и комплектов, которые приведут затраты ручного труда в животноводстве к минимальным.

Все эти перемены затрагивают не только новые предприятия, но и те, что переживают сейчас реконструкцию и техническое перевооружение, то есть, по сути дела, всю отрасль. Вот почему нам особенно нужна молодежь, не скованная привычкой работы на техническом уровне прошлого, не меряющая свою работу отжившими масштабами. Молодежь, для которой современная технология доступнее и потому, что она ей учится, а не переучивается. И уже сейчас на наших предприятиях более 60 процентов работающих — молодые люди. Их будет еще больше. Ведь именно ими пополняются и новые и реконструируемые предприятия.

Конечно, перед нашей молодежью возникают и проблемы, что, естественно, требует от нас особого внимания. Чтобы в них разобраться, а тем более выработать какие-то реальные рекомендации, способные принести действительную пользу молодым, а значит, и всей отрасли, заниматься ими нужно серьезно и методично. Вот, собственно, почему и была создана наша комиссия. Подчеркну — постоянная. Вошли в ее

состав ответственные работники министерства, руководители ряда предприятий, партийных, профсоюзных и комсомольских организаций, ветераны труда и передовики производства. Замечу, что предложения комиссии после их утверждения коллегией министерства становятся обязательными для исполнения всеми руководителями предприятий отрасли. Но не нужно понимать это так, что у нас создан еще один распорядительный орган. Комиссия наша — общественная. Стиль ее работы не «указать на недостатки», не «схватить за руку», а стремление вместе со всеми найти пути их устранения. Принимаясь за разработку комплексной программы отрасли по коммунистическому воспитанию молодежи, мы обратились за помощью непосредственно в рабочие коллективы. И очень многие предложения были в программу внесены, что позволило учесть в ней всю широту запросов и интересов современных молодых людей.

Действенное социалистическое соревнование было и остается важнейшим фактором воспитания молодежи. По предложению комиссии в отрасли организовано соревнование за звание «Лучший молодой рабочий» и «Лучший молодой мастер». Его ход широко освещается. Принято решение о ежегодном проведении Дня молодого рабочего. Но предварительно мы изучили опыт по подготовке и проведению этого дня на заводе «Ригасельмаш» и распространили его по всем предприятиям. Налажено и соревнование среди бригад, участков, смен за переходящие Красные знамена «Герои пятилеток, ветераны труда — лучшему комсомольско-молодежному коллективу».

По инициативе комиссии в прошлом году прошла первая отраслевая выставка научно-технического творчества молодежи. После нее было принято решение проводить такие выставки регулярно. Техническое творчество молодых — один из важнейших наших производственных резервов. Теперь перед комиссией стоит задача связать творческую энергию молодежи с конкретными задачами отрасли. Это совпадение позволит добиться многого.

И конечно, совершенно естественным направлением деятельности комиссии стала целенаправленная работа по подготовке молодых рабочих, повышению их профессионального мастерства, потому что наши предприятия все еще испытывают постоянную нужду в квалифицированных рабочих.

Разумеется, авторитет комиссии во многом зависит от того, как выполняются разработанные ею рекомендации. Как можно было заметить, состав комиссии достаточно авторитетен и есть кому спросить с тех, от кого зависит выполнение принятых предложений. И если возникает необходимость «власть употребить», то и эта возможность имеется. Ведь проблемы, решаемые комиссией, входят в компетенцию ее членов не только тогда, когда они принимают участие в ее заседаниях, но и когда они выполняют свои прямые должностные обязанности.

Один из наиболее сложных вопросов — диспропорция между промышленным и социально-культурным строительством. Диспропорция, которая очень мешает созданию стабильных трудовых коллективов на предприятиях отрасли. Потому что без нормальных условий быта и отдыха такие коллективы попросту невозможны. Необходимость такой работы еще раз со всей серьезностью подчеркнута в принятом ЦК КПСС и Советом Министров СССР постановлении «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эф-

На перекрестках века и судьбы

1. ЗНАКОМСТВО

Сырой бетон аэропорта Кеннеди.
И так внезапно взвизгнули шасси.
Все. По-нью-йоркски —
девятнадцать десять.
...Давайте познакомимся, Америка...

Туман.

И, как сивушным перегаром,
бензином здешний воздух напоен.
Огни мигают вдоль полос прямых
зелено-красные. Потусторонне.
Зловеще клювы хищные возде,
тяжеловесно в небо выползают,
подобно допотопным петрозаврам,
сверхсовременных лайнеров стада.
Эт цетэра... Эт цетэра.¹
(Набор джентльменский сведений вокзальных
недолгосрочных визитеров.)
Не здесь ты начинаешься, Америка.
Не с этого нам начинать знакомство...

Ты начни для знакомства

придирчивый тест

Не с надменных гербов

президентской кареты,

Не с пустых Деклараций —

мы ведаем текст!

Век двадцатый подтекст изучает в анкете.

Не с начала —

с финала начни изучать.

И начало откроется,

как на ладони.

...Вот квадрат тишины.

Он способен вмещать

Всю Америку

в тесный масштаб Арлингтона.

Все доподлинно.

Улица. Площадь. Проспект.

Все как в жизни.

И даже реальной, ей-богу...

Так себя намечала.

Осмотрим проект

В идеале.

И то, что осталось в итоге.

Все здесь —

замыслы гордые юных времен,

И — зола по тем замыслам,

как от напалма.

Вот — борцы за свободу

(священен их сон),

Вот — наследники их,

«миротворцы» Вьетнама.

Как игрушки,

над павшими —

мини-кресты,

Словно плюсы к могилам

президентским,

помпезным.

...Вот и первый подтекст.

И — крути ни крути —

Он, злосчастный, не вяжется с текстом известным!

2. В РАМКЕ ПРИЦЕЛА

Во всем — порядок: трудится конгресс.

Чтит бизнес деловитость и доходы.

Несет в небытие новейший крест

Безропотная статуя Свободы.

Все — в должной норме: гомонит сенат.

На перекрестке громко кроет власти,

Наркотиков набравшись, демократ...

Зевает полицейский безучастно.

Функционально все... до тьмы в глазах,

Расписано до точки, как на карте,

И только в лицах

мертвенность асфальта

Изобличает леденящий страх.

Я тоже ощутил тот холодок.

Искал, как только мог, его причину,

И понял:

так на ствол садится иней,

Когда ложится палец на курок.

Не приведи такую жизнь прожить:

Всегда в прицельной, с оптикою, раме

¹ И так дальше (лат.).

И знать, что девять нормативных граммов
Готовы сердце в каждый миг прошить.

А так — парад!

От пяток до чела —

Во всем гордыни светится избыток...

Но вдруг пригнется кто-нибудь, забывшись,

Как перед выстрелом из-за угла.

Тот вечный ужас!

В каждом он сидит:

В той, что призывно подпирает двери,

В сутяге, в клерке. Даже в миллиардере.

Да что там — в президенте он не спит.

Вот мелким маком сеются слова:

«Права» и «правда» — густо, многократно.

А ты копни поглубже — в них упрятан

Извечный страх, ползучий, как молва.

Прервав на миг велеречивый лад,

Скосит оратор глаз за микрофоном:

Пред ним убитых президентов ряд

В тиши благоговейной Арлингтона.

Греми и славь свободу, упоен!..

Но — знай границы.

Бог тебя избави

Вступить в тот круг, где безраздельно правит

Всесильный бог по имени «мое»!

И он играет четко:

«от» и «до»,

Порой — на грани фола,

но не дале, —

Ведь чувствует, как некто

глазом стали

За ним сквозь линзу

пристально ведет.

3. ПРОМЕТЕЙ ПРИРУЧЕННЫЙ

Однажды по Нью-Йорку

в смрадных ветрах

Я брел, как Дант, в сернистых облаках,

И вдруг крутой утес Рокфеллер-центра¹

И Прометей,

казнящийся века.

Уже хотел я богоборцу в ноги

В священном страхе повалиться ниц,

Но, поражен, застыл на полдороге —

Исчез мираж, как пыль от колесниц.

Ни камня, ни орла.

Очнулся: где я?

Стена напротив — зеркалом кривым,

На ней блаженный с ликом Прометей,

Позолоченный томный херувим.

От банка страж косится плутовато:

За деньги мы... и не таких... Ого!..

...И крикнул я отступнику:

— Предатель!

Пусть — сам...

Но как ты мог продать огонь?!

Ты нам в борнях вечным был примером.

Но сам Иуда пред тобой померк:

Тот продал одного...

А ты ведь продал веру

Мою

и всех былых веков и эр! —

И камень взял я, острый и ребристый,

И замахнулся...

Но безбрежный мир

Качнулся, и со скрежетом и свистом

Тень на меня поверглась в тот же миг:

Над небоскребом, что навис отвесно,

Когтями впившись в страждущую плоть,

Летел орел

угрюмо и железно

Творить расправу

за Эвксинский понт.

И стон веков от вздыбленного края,

Прорезав небо,

материк разверз:

— Мужайтесь, люди!

Я за вас караюсь,

Но не умру,

...пока вы люди есмь.

¹ Одно из самых больших средоточий бизнеса и развлечений. Там я увидел фигуру прирученного Прометей, упитанного, сытого, под стать хозяевам.

Михаил ПОЛЯЧЕК.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные
корреспонденты
«Смены»

— От винта!..

И дрогнула земля. Растопырив четыре крылышка, элеронами шевеля, самолет побежал вприпрыжку и, гудя все громче, мажорней, будто пробуя бас моторный, привстает, привстает на цыпочки... Оторвался... И в небо выскочил. Вот—взлетел. Заложил вираж. И легко вознес на качели пассажиров, почту, багаж... Полетели.

Полетный день в горах длится точно по календарю: от восхода до заката. Но моторы просыпаются раньше солнца, и как только первые лучи касаются зем-

КРУГЛЫЕ СУТКИ РАБОТАЕТ ФРУНЗЕНСКИЙ АЭРОПОРТ.

ли, машины взмывают в небо. Гудят моторы над равнинами и над горами—эхо заполняет ущелья. Без авиации не представить сегодня жизнь горной республики. Сельхозработы, санрейсы, пассажирские и грузовые перевозки, патрулирование горных дорог—обычные дела. В несколько необычных условиях.

Летом вертолет МИ-8 постоянно дежурит у подножия пика Ленина, обслуживает высотный лагерь альпинистов. «Красота удивительная,—рассказывали вертолетчики.—Но, честно говоря, красоты все-таки меньше, чем опасности: базируемся на высоте 3600 метров, приходится садиться на четырех тысячах и даже чуть повыше. Воздух разреженный, не держит машину, при посадке нужно место для пробегки, а площадки козлиные. И подбирать их приходится с воздуха, пролетом. Метеообеспечения тоже нет, сюда ж, кроме нас, никто не летает...»

30 июня, как обычно, МИ-8 взлетел с основной своей площадки, развернулся и пошел вдоль хребта. Командир экипажа Владимир Петрович Сергиенко перевел двигатели с взлетного режима на номинальный. Вдруг—хлопок, машину слегка трянуло: остановился правый двигатель. Для вертолетов МИ-8 это случай редчайший, и сама машина и двигатели надежны. Правда, вертолетчики все равно тренируются, садятся с одним двигателем, но не на такой же высоте, где и с двумя—не зависнуть...

Спрашивать, что чувствовал, о чем

думал экипаж в те минуты, бесполезно. Не вспомнят. Не до того было: они работали. Вертолет не планер. Но мощности одного двигателя все-таки хватило, чтобы, теряя высоту, удерживать машину в повиновении. Они высмотрели площадку, уступ на склоне, на высоте 3150 метров. И вертолет Сергиенко сел, как влитой. Ни царапинки!

Едва ли в истории вертолетной авиации есть примеры вынужденных посадок,—благополучных, разумеется,—на таких высотах.

Эта часть аэропорта всегда остается как бы на периферии нашего пассажирского восприятия. Пока самолет совершает мощный разбег по ВПП—взлетно-посадочной полосе—или когда он умиротворенно катится к стоянке, мы заняты: пристраиваемся в креслах, озираемся в поисках стюардессы, соображаем, встретят ли нас и велика ли очередь на такси... Лишь мельком, глянув в иллюминатор, замечаем стрекотинные силуэты безотказных тружеников АН-2 и вертолеты, приземистой посадкой и провисшими усами винтов похожие на жуков неземного происхождения.

Промелькнули—и мимо.

А сегодня у меня появилась возможность наглядеться на них всласть: за

...ЕСЛИ РАБОТА—П

тем и приехал. Можно было даже фамильярно похлопать их по плоскостям.

Бипланы легки, изящны своей старомодностью. Вертолеты выглядят строго—мысль приходит не о красоте и изяществе форм, а скорее о силе, о мощи, скрытой в коренастом металлическом теле. Не случайно АН-2 зовут Аннушками, Антонами,—с несколько покровительственной любовью. А вертолеты не располагают к фамильярности, если их иногда и называют «курносыми», то как бы за глаза. Серьезные мужики. Так и тянет их величать по имени-отчеству, скажем: Михаил Иванович-Восьмой...

Над аэропортом разгоралось утро, и все чаще мимо стоянок малой авиации пронеслись по взлетно-посадочной полосе стрелоподобные лайнеры, нарастал басовитый рык прогреваемых моторов, один за другим поднимались на столбах пыли вертолеты, и АН-2 деловито вырливались на ВПП.

— Все, что выше трех тысяч,—наше,—гордо заявил Юрий Васильевич Панибратец, когда нас познакомили.

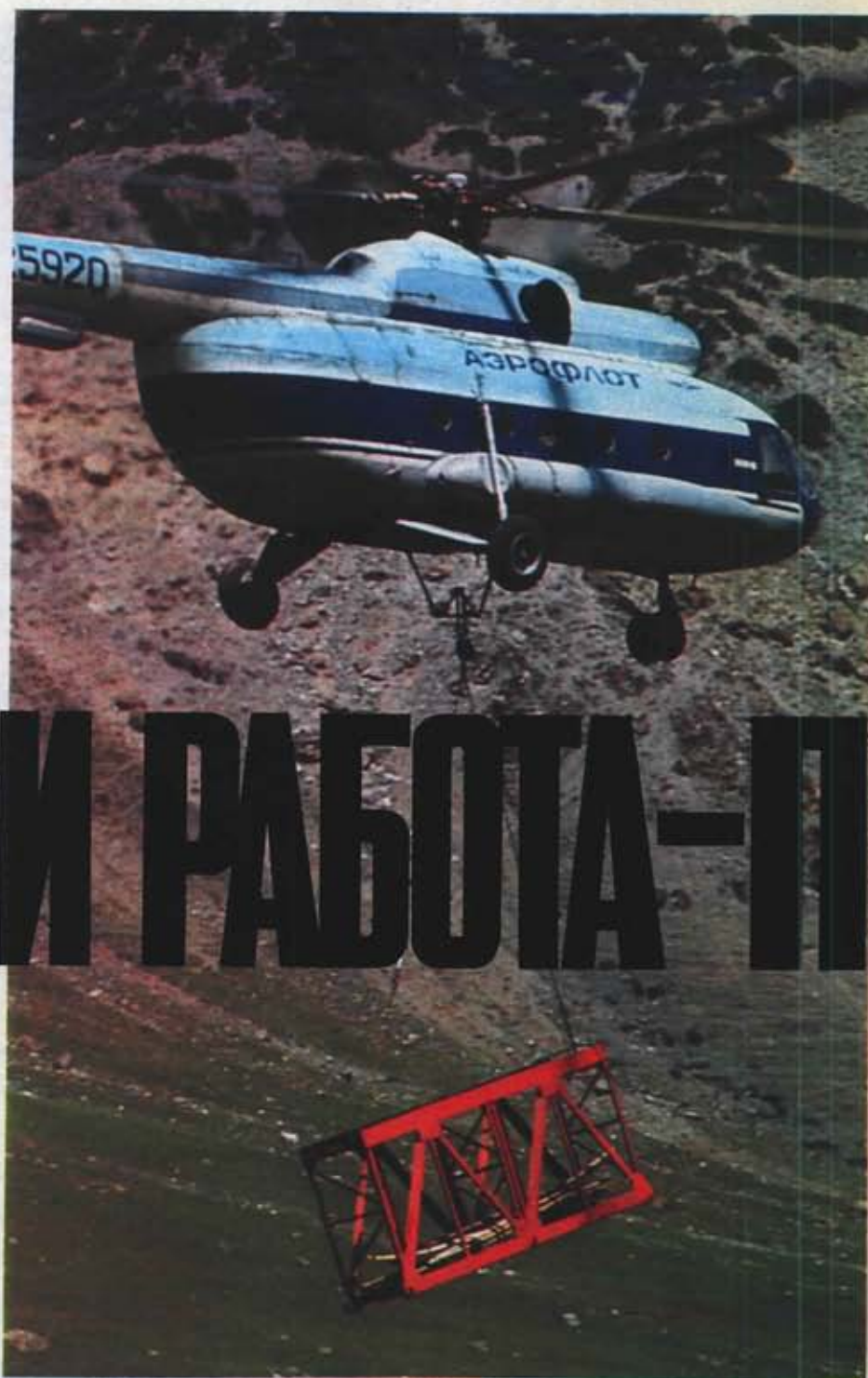
Но сначала его не было, утром сообщили, что он сидит в Целинограде и его держит погода, потом—что вылетел, еще потом—что вот-вот приземлится. И, пока его не было, начальник штаба Борис Иванович Калганов вводил меня в курс дела, так сказать, предваритель-

но. В Киргизии МИ-8—это гидрометеорологическая, противолавиная и горноспасательная службы, обслуживание автоматических и релейных радиостанций. Транспортировка на внешних подвесках деталей опор для ЛЭП-500. Гравиметрические съемки. Грузовые рейсы на отгонные пастбища... Всего не перечислишь.

Тут Борис Иванович прислушался и с облегчением сообщил:

— Вон уже командир хлопает винтом. Он вам все и расскажет.

Панибратец вошел вздохмаченный,

ЧТОБЫ ДОСТАВИТЬ НА МЕСТО ОПОРУ ДЛЯ ЛЭП ВЕСОМ ТРИ С ПОЛОВИНОЙ ТОННЫ, НУЖЕН БОЛЬШОЙ ОПЫТ.

В ГОРНЫХ УСЛОВИЯХ К НАДЕЖНОСТИ МАШИНЫ ОСОБЫЕ ТРЕБОВАНИЯ.

возбужденный и громкий: двое суток гнал вертолет с севера Тюмени, а теперь по инерции все еще перекрикивал шум винта,—с его голосом это было раз плюнуть. Произнес вступительную фразу и жадно закурил протянутую кем-то «Приму».

— В горах—тонкая работа. Вот несешь опору для ЛЭП. Три с половиной тонны под брюхом. Все принимаешь в расчет: склон, ветерок, метеоусловия. Подходишь к перевалу—тебя вверх поднимает, только перевалил—вниз бросило. Нужны опыт и голова, верно?

И собравшиеся в комнате вертолетчики подтвердили: так, верно!

— Слышали, как Сергиенко машину посадил?

Я кивнул: слышал.

— Вот он же на радиорелейку забрасывал трансформаторы. Груз легче, чем опоры для ЛЭП, но во много раз коварнее. Опора спокойно висит, ей

встречный поток трепыхаться не дает, а трансформатор чуть что враскачку пошел. Несешь его, как стакан с водой на голове. Сергиенко этой эквилибристики занимался над тремя тысячами метров. Вот считайте: на такой высоте допустимый полетный вес 9 тонн, машина — 7 тонн и трансформатор — 1800. Мощность — на пределе. А терраска — не пристроиться. Значит, как только груз коснулся земли — сброс. Точно, момент в момент. Самая филигранная работа.

Что еще про нас? Куда никто не залетает, мы оттуда только взлетаем. Три поселка в районе Саракамыша — с осени до лета на полном нашем обеспечении. Июнь, июль, август — возим на отгонные пастбища соль для овец. Отары кочуют — семьи вместе с юртами, продуктами, всем скарбом — на вертолетах. Заменяем выочный транспорт, точно.

Еще какой-то десяток лет назад отары шли на горные летние пастбища весной и возвращались обратно осенью в сопровождении караванов крепконогих киргизских лошадей. Юрты, утварь во выюках, младенцы и ослабевшие овцы — все это громоздилось на лошадиных спинах. Многие дни занимал переход.

чтобы точно вписаться в рельеф, — как домохозяйка, несущая тяжелую сумку.

Ко всему привычные геофизики спали, завтракали, читали.

Говорят, горные козлы способны прыгнуть (и при этом удержаться!) на клочок земли, где только-только помещаются четыре копыта. Не знаю, не видел горного козла в деле.

Наш винтокрылый «козлик» (полетный вес — 12 тонн) уверенно присел неподалеку от геофизической треноги. Бортмеханик отдрал дверцу... Застекленный нос МИ-8 висел над пустотой. С остальных трех сторон вертолет окружала местность, на мой взгляд, слишком пересеченная. Более или менее плоским был только пятачок под колесами.

Впрочем, напомнил командир, именно три точки всегда определяют плоскость. Данная плоскость, ко всему, была еще и несколько покатой.

— Мы работаем на МИ-4. Обслуживаем геологов, чабанов, гидрометеослужбу. Санрейсы тоже наши. Летаем не только в Киргизии, но и в Тюменской области, на Севере. В 1972 году вез буровиков в Сургут, попутно пришлось сесть по срочному санзаданию: взять

больную женщину, доездить до Сургута. Сел, взял. В Сургуте выключил двигатель, слышу — детский плач. Назвали парня Анатолием. — И Анатолий Николаевич Крутась, оставив телеграфно-деловой тон, добродушно улыбается.

Самая сложная работа, считает Крутась, съемочные полеты с геофизическими партиями. Приходится «нырять» в ущелья, садиться, вернее говоря, пристыться на крошечные площадки, прилипшие к склонам. К тому же надо знать, откуда ветер дует: как правило — утром — сверху, с гор, вечером — снизу, с долин. Это — по правилам, а конкретно — у каждой щели свои законы. Во время полета — точнейшим образом соблюдать высоту, скорость, угол крена.

Самостоятельную работу здесь доверяют пилотам не раньше, чем через три года, а к геофизическим съемкам экипажи готовятся несколько лет. Асы Владимир Константинович Шишкин и Евгений Андреевич Цырулин в горах Тянь-Шаня и Памира летают уже по два десятилетия. Им и достается самая сложная работа. Шишкин прошлой зимой вывозил с гор чабанов, когда их накрыла лавина, Цырулин поднимал грузы на трехтысячники — для МИ-4 это предел.

— Вы, наверно, каждый камень здесь знаете? — спросил я командира.

— Еще бы, за шестнадцать-то лет.

— Как-то здесь пусто, безжизненно.

— Только кажется, — утешил он.

Иногда не успеешь сесть — чабан подбегает на лошади, а то ребятишки набегут. Откуда и берутся, ведь летели — никого не видели.

Тут геофизики притащили свои тяжеленные ящики, и загудел, раскручиваясь, винт.

Вертолет не взлетел, — такое было ощущение, — а нырнул с площадочки, помедлил немного и понесся вдоль склона, почти прижимаясь к нему, пониже вершин, как раз вровень с границей снегов, обозначивших приход зимы.

— Девяносто процентов территории республики — высокогорье. В горных условиях пастбища бедны и восстанавливаются медленно. Ускорить этот процесс помогает подкормка минеральными удобрениями. Наиболее эффективно для подкормки пастбищ использование авиации. — В таком академическом, лекционном стиле начал свой рассказ Степан Григорьевич Щеголев, старший инженер отдела ПАНХ КРПО, что расшифровывается так: отдел применения

ОЛЕТ

**ПРИВЫЧНЫМ ТРАНСПОРТОМ
ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ
ВЫСОКОГОРНОЙ РЕСПУБЛИКИ
СТАЛИ СТРЕМИТЕЛЬНЫЕ ЯК-40.**

**НА ВЫСОТЕ СВЫШЕ ТРЕХ
ТЫСЯЧ МЕТРОВ РАБОТАЮТ
АВИАТОРЫ КИРГИЗИИ.**

**В САМЫЕ
ТРУДНОДОСТУПНЫЕ РАЙОНЫ
ДОСТАВЛЯЮТ ГРУЗЫ
ВЕРТОЛЕТЫ.**

Весне — зеленая завязь. Осени — желтая хрупкость. Растет во мне чувство зависти к Икарам в кожаных куртках. Весна моя, где ты, где ты? В глазах моих — осень, осень. Биплан зеленой ракетой взлетел в небесную просинь.

Опять посадка на какой-то немилый пятачок, и командир со вторым пилотом занялись сложными подсчетами.

Романтикой не пахло. Пахло бухгалтерией и керосином.

авиации в народном хозяйстве Киргизского республиканского производственного объединения гражданской авиации. В этой работе, в общем-то, привычной и будничной в иных краях нашей страны, для авиаторов высокогорья свои трудности и «сюрпризы».

Повсеместно АН-2 летают не выше чем в двух километрах над уровнем моря. Здесь на такой высоте и даже на пятьсот, на тысячу метров выше расположены взлетные площадки. В этих условиях длина разбега биплана увеличивается в полтора-два раза. Это, во-первых. Во-вторых, значительно снижается грузоподъемность самолета, он принимает на борт меньше удобрений. А нормы рассева выше, чем в равнинных условиях. Вот и получается, что обработка высокогорного гектара требует больше времени. Взлетать и садиться приходится значительно чаще.

Многие участки пастбищ недоступны для наземного транспорта, летчики знакомятся с ними только по карте и при облете, с борта самолета. Сигнальщика выставить не везде возможно. По всем этим причинам от летчика требуется повышенное внимание. Утомляющее действие на него и частая смена световых ощущений: резко меняются углы наклона поверхности, углы отражения света, и это приводит к потере ощущения истинной высоты полета.

Ко всему прочему каверзы погоды. Солнце может спрятаться за тучи, а тучи пролиться дождем, переходящим в мокрый снег, и все это за считанные минуты, пока самолет разбегаются для взлета.

Если же исключить такие мало-

Теперь чабан прощается с семьей на пороге дома в поселке и налегке гонит отару на джайляу. А когда приходит туда, его встречает на пороге юрты семья...

В пилотских креслах крепкие ребята работают тяжелую работу. Когда б Икара взяли на зарплату, он получил бы звание пилота. И жалко, что дедаловскому сыну в полете не хватило дисциплины.

Три надежные спины, за которыми чувствуешь себя уверенно: командир, второй пилот, бортмеханик.

Смотреть на эти спины много спокойнее, чем в иллюминатор. Там взгляд упирается в стремительно проносящуюся морщинистую скалу. Мы летим вдоль ущелья на высоте 3200 метров, и вершины уходят куда-то вверх, и вертолет деловито кренится,

приятные особенности, авиаторы Киргизии выполняют те же сельхозработы, что и остальные летчики страны. Правда, на многих участках после АН-2 берутся за дело вертолеты: «дорабатывают» углы, которые недоступны бипланам. На пастбищах, расположенных выше трех тысяч метров, трудятся МИ-8.

— А вообще-то,— говорит Щеголев,— в горах пора заменить АН-2 турбовинтовыми вертолетами МИ-8. Только потребуются более производительная химическая аппаратура.

Я не спорю со Степаном Григорьевичем. Как ни симпатичны мне стрекозокрылые бипланы, век их проходит.

Летим. Как в детском беззаботном сне, когда полеты — это признак роста. А для пилотов — что ж, работа просто! Но нет работы, что сравнится с ней. Конечно, «жизнь у каждого своя». И каждому даны свои полеты. И все ж с обидой понимаю я, что из меня не вышло бы пилота: набрать не удается высоту, привязан я к земле трусливой плотью. Уж если говорить начистоту, меня страшит болтанка в самолете. Нет, я гигиенический пакет у стюардессы не просил ни разу, но страшно думать, что опоры нет, что в воздухе висит обрывком фразы... Что ж, молодость назад не призывает. Но все же робко тянется рука упрямою колонку рулевую погладить по резиновым рогам.

На заправку мы прилетели в аэропорт Кызыл-Кия и там сели по-самолетному, долго катились по ВПП: на верное, командиру доставляло удовольствие осезать под колесами гладкую асфальтированную поверхность. Вкатились на площадку перед аэровокзалом и щегольски развернулись вокруг своей оси, встав рядом с готовым к отправлению ЯК-40.

Изящный самолет вырвался на освобожденную нами полосу, разбегался...

Я впервые заметил, что, взлетая, он не втягивает шасси, как другие машины, а по-утиному поджимает их под себя.

Вообще в этот день я многое заметил впервые.

— Мы — химики,— заявил Геннадий Михайлович Ровенский.— Год назад наше авиационное подразделение было специализировано: объединили все экипажи, занятые на сельхозработках. Это самый разумный выход: накапливается и передается опыт, тренировки проводим с учетом специфики. И, главное, каждый знает, что он на это же пастбище через год вернется. Отсюда — и отношение к работе. Вот мы несколько лет обрабатываем урочище Сусамыр и видим, как из года в год трава все выше, ярче. Там стада пасутся — не сосчитать, а если не подкармливать землю, голый камень будет. Сейчас же по три укоса делают. Выходит, не зря мы крутимся...

Геннадий Михайлович командует всеми экипажами АН-2, занятыми на сельхозработках. Но (он так считает) тут главное не командовать, а учить. Если у вертолетчиков люди задерживаются на много лет, то на АН-2 ежегодно приходит молодежь после летных училищ, а те, кто налетал нужное количество часов, зачастую уходят переучиваться на большие самолеты. И потому особенно велика роль ветеранов, таких, как Владимир Федорович Рыкунов, Александр Павлович Колпанов, Виктор Прохорович Пинтус... Они-то и воспитывают новых и новых командиров. Летать рядом с ветеранами — школа.

Ну, а что задерживает этих-то летчиков на АН-2? Сами они на этот вопрос отвечают неохотно, отшучиваются. Лишь один сказал, и то с глазу на глаз:

— Большая машина — это, конечно, прекрасно. Но только на АН-2 я испытываю чувство полета. Не машина летит — я лечу. Не приборы ведут машину — я сам. И еще. Пожалуй, на Антошке, как нигде, нужно взаимопонимание двух пилотов. Как нигде!

Два крыла — один фюзеляж. Два пилота — один экипаж. И маршрут, которым летим,— на обоих один. И на целый полетный день на двоих единая тень. И за семь всевозможных бед — все едино, один ответ. И работа — одна у них, не деленная на двоих.

— Рейс легкий,— сказал командир.— Бывает, с геофизиками приходится делать посадки через каждые два километра, площадки выбирать на большой высоте. Двигатель выключать нельзя,— зависнем, высадим, взлетим, круг сделаем, снова зависнем, погрузимся — и дальше. А сегодня — что ж, и посадок немного, и не садился на площадках выше трех тысяч, и погода хорошая. Несложный рейс.

За этот день мы налетали около двух тысяч километров и сделали восемь посадок. Рассчитал экипаж все точно, мы уложились и в день полетный и в день световой: здесь после захода солнца малая авиация не летает.

Мы приземлились во Фрунзе за 20 минут до заката.

Круглые сутки работает Фрунзенский аэропорт. Впрочем, недолго ему осталось будоражить город шумом идущих на посадку и взлетающих самолетов. В тридцати километрах от города растет новый аэропорт. Пять лет назад здесь был кусок бросовой земли. Безжизненная песчаная пустыня. Через два года вырастет окруженный зеленью лесопосадок аэропорт Манас, один из крупнейших в стране.

— Класс первый «А», международный. По оснащенности да и по пропускной способности близок к московскому порту Шереметьево,— рассказывает Николай Трофимович Шкурин, главный инженер строительства. — Для строительства Манаса собрали всех специалистов, прокладывавших прежде ВПП в Нарыне, Чолпан-Ате, Оше и других городах Киргизии. Правда, такой полосы, как для Манаса, не то что не строили, пожалуй, и в глаза не видели: 4200 метров идеально ровного покрытия.

— Что вы,— смеется Шкурин,— опыта не было, ответственность большая, так мы эту полосу чуть не вручную прощупывали. Допуски миллиметровые.

В 1975 году на Манас впервые пришел ИЛ-62. Теперь он ежедневно прилетает сюда из Москвы. Полоса в действии. Построен временный аэровокзал, которому позавидуют иные давно действующие порты.

Раз в день Манас принимает и отправляет пассажиров, а строители продолжают работы на объектах первой очереди. Скоро все тяжелые транспортные самолеты, связывающие Фрунзе с городами страны, перебазированы сюда.

Но это будет, а пока очертания Манаса намечены пунктиром на изрытой земле вокруг доброжелательных огней взлетно-посадочной полосы. Так он увидел мне с воздуха, когда я улетал из Киргизии.

Лететь — и радостно и сладко. Жить можно, если жизнь — полет. Но вот заходит на посадку наш самолет и, пыльные вздымая полосы, бежит, рулями шевелит, как будто щупает колесами твердь возвращившейся земли. Дюралем желтым и зеленым отсвечивая небесам, земною пылью пропыленные, машины дремлют, утомленно присевши на три колеса.

— Принес я как-то жене здельвейс из рейса,— рассказывал вертолетчик.— Она посмотрела, плечами пожалала: что за травка невидная, блеклая, серенькая с голубеньким? Я говорю: здельвейс, понимаешь? Только в недоступных горах растет. За то ему особое уважение. Рос бы на равнине, кто бы на него посмотрел?!

...Они в этих горах летают. Над здельвейсами.

ПРОЗА

«В семь вечера у памятника»

Телеграмма такого содержания собирает трех взрослых людей у шадровского «Сезонника» у скамейки, на которую воробьями слетались они с разных концов Каланчевки,— так начинается рассказ «Воробьи», вошедший в новый сборник рассказов Виталия Малькова «Исполняется впервые» («Московский рабочий», 1979 г.). И эта телеграмма вызывает из памяти автора образы дорогих людей его детства и юности — жителей дома на Каланчевке.

Дом и двор. Казалось бы, маловатая площадь для создания емких картин жизни, для глубоких обобщений. Но, знакомясь с жителями дома, все больше и больше убеждаешься, что отсюда и начиналась для них Родина. Оттуда уходили на войну, уезжали на стройки пятилеток. Там происходили первые встречи с добром и первые стычки со злом.

Бывает, что человек, проживший большую часть жизни, вдруг ощущает необходимость вернуться к началу этого долгого и непростого пути, вновь испить из реки Память несколько капель детства, юности. И часто — чтобы заглушить боль, причиненную потерями и ошибками. Герои рассказов Малькова и сам автор отнюдь не делают из своего детства и юности некий фетиш — розовую, свободную от проблем пору жизни. Нет, их мальчишечье и девчоночье братство получало порой суровые, недетские уроки: ответственности, стойкости, человечности; еще более суровый урок преподала война. Обращаясь к этой поре, они как бы выставляют себе оценки за эти уроки. Оценки отличные и хорошие — потому, что не разменяли, не растеряли то, о чем говорили и мечтали в детском своем невзвешенном трудностей и сложностей жизни. И порой завидуешь автору: сколько прекрасных, чистых сюжетов — «маячков» подарил ему дом на Каланчевке.

Память. Ее ведь тревожит и хорошее и плохое тоже! Только вот свет маячков — это хорошее,

и свет их мощно подавит вопышки тлена, что порой мешает жить. У взрослых теперь детей дома на Каланчевке в жизни оказалось достаточно маячков, чтобы однозначно выработать позицию, отношение к людям, подобным «профессору» Максиму Хитяеву (рассказ «Пыль») и «врачу» Хитяеву (рассказ «Доктор»). Они могли ранить юных, эти мелкие людские, но дом подарил ребятам чудесные, чистые образы революционерки Нататонины, полного георгиевского кавалера и героя Великой Отечественной Пузина, доктора Красова — воплощение долга и порядочности. Подарил на всю остывшую жизнь. Их мерками, помноженными на собственный опыт, измеряли бывшие «воробьи» прочность характера в минуты горя, в минуты решений. Светом их доброты отогрела себя девушка Лена, потерявшая в войну любимого и дочь, чтобы взрослой женщиной донести лучики этого света до детдомовца Веснушки, ставшего ее приемным сыном (рассказ «Веснушка»).

Рассказы о жителях дома на Каланчевке сменяют «Разные истории». Сюжеты их настолько жизненны и притом незамысловаты, что кажется: вот идет молодая бабушка с внуком — это она охраняет пухленького Вовку от Карлсона и прочей, по ее мнению, чепухи (рассказ «Вовка», Карлсон и молодая бабушка»). Или вот идет Димка Евсеев, которого нет дома не потому, что он уехал, а из-за полного отсутствия его личности в решении острых бытовых вопросов (рассказ «Евсеев нет дома...»). Вообще в прозе Малькова мы найдем много, казалось бы, сугубо бытовых ситуаций. Но тем более значима человеческая и писательская позиция автора, что в этих ситуациях он резко очерчивает характеры героев, жестко подвергает испытаниям их нравственные идеалы.

В доме на Каланчевке начиналась Родина для юных героев рассказов Виталия Малькова. И ценность книги прежде всего в том, что автор рассказал нам искренне и без прикрас, как росло и крепло в его поколении на протяжении жизни чувство гражданственности — чувство сопричастности к ритму и времени, в которых живет родная страна.

Андрей КОМАРОВ

ФАНТАСТИКА ПРИКЛЮЧЕНИЯ

РАЗВОРОВАННОЕ ЧУДО

Преступление не окупается

Жанр научной фантастики, как и жанр детектива, могут, пожалуй, поспорить между собой в популярности среди миллионов читателей. Что же тогда и говорить о произведениях, где органично сплавлены оба эти жанра: детектив развешивает на захватывающем дух материале из мира науки и техники? Успех

таким произведениям обеспечен, если выполняются два условия: детектив действительно остро сюжетен, внимание читателя неотрывно следует за перипетиями героев, а научно-техническая база, на которой основывается действие, по-настоящему солидна, свидетельствует о глубокой эрудиции автора. Оба эти условия, думается, выполнены в книге Г. Пращкевича «Разворванное чудо» (Западно-Сибирское книжное издательство, 1978 г.). Кроме того, повести Пращкевича отличает еще одно немаловажное качество — злободневность. Не случайно действие большинства из них происходит в «горячих точках» нашей планеты, и в ткани повествования причудливо переплетаются проблемы охраны окружающей среды и терроризма, вопросы установления контактов с внеземными цивилизациями и расовая дискриминация, создание оружия неслышанного массового уничтожения и промышленный шпионаж, нейрофизиологические гипотезы и вербовка наемных убийц с нацистским прошлым...

Тема произведений Пращкевича — наука и нравственность. Недаром одной из своих повестей автор предпосылает эпиграфом определение понятия «совесть» из Большой Советской Энциклопедии: «...сознание и чувство моральной ответственности человека за свои действия перед обществом, народом, а также перед отдельными людьми...». Автор показывает, какая чудовищная опасность угрожает человечеству, если достижения научно-технического прогресса станут достоянием людей без чести и совести. Мир подвергается опасности, если возможно существование тайной «обсерватории», лидер которой — некто Бестлер — «на научной основе» цинично приговаривает «почти треть человечества к очищающему сожжению» смертоносным излучением, а случайно попавший в эту «обсерваторию» журналист Маркес, несмотря на отвращение, которое он испытывает к Бестлеру, в какой-то момент чувствует себя польщенным, когда ему предлагают сотрудничать с возглавляемой Бестлером бесчеловечной «фирмой». Мир подвергается опасности, если «информация, способная вызвать протест обществу», собранная промышленным шпионом Элом Миллером в засекреченном городе Итаке и разоблачающая преступные махинации комбинации «СГ», отравляющего своими отходами все живое в округе, будет не предаваться гласности, а выгодно продаваться конкурирующей фирме. Наконец, даже чудо, может быть, явившееся из глубин Вселенной или еще неизвестное науке, имеющее земное происхождение, будет уничтожено наемниками, которых вербуют «новоспеченные диктаторы» из бывших военных преступников.

Заканчивает книгу Пращкевича чисто фантастический рассказ о межзвездном путешествии XXI века. Но и здесь автор остается верен себе. Вот как должен вести себя человек при возможном контакте с внеземной цивилизацией: «Если сам Контакт по каким-либо причинам ставит в угрожающее положение как человека, так и неизвестную ранее форму жизни, человек должен отступить. Отступить, чтобы, проведя необходимые исследования, понять и сформулировать для себя природу и особенности неизвестной ранее формы жизни и в итоге найти приемлемую и гуманную возможность Kontakta».

Наталья КОЛОСОВА

Литературно-критическая мастерская «Смены»

ПРОЗА

Морские хроники

«На морских дорогах» — так называется новая книга К. С. Бадигина, бывшего капитана дальнего плавания (Политиздат, 1978 г.). Автор называет ее «своими записками», и это очень точно подчеркивает документальность. Состоит книга из трех глав — трех «тетрадей», в которых повествуется о героических морских дорогах советского торгового флота.

В тетради первой — «Ледовитый океан» — перед нами предстают ледокольный пароход «Георгий Седов», скованный со всех сторон льдами безбрежного океана, охваченный шквальными ветрами, и его бесстрашный экипаж, мужественно переносящий выпавшие на его долю испытания.

Константин Сергеевич Бадигин попал на «Седов» с самого начала плавания и был назначен капитаном корабля в те самые дни, которые потом войдут в историю советского флота. Вместе с экипажем, состоящим всего из 33 человек, на закованном во льдах корабле, у которого не действовало рулевое управление, капитану предстояло перенести все горести и радости самого продолжительного дрейфа. Рассказывая об этом, автор подчеркивает силу духа и дружескую взаимопомощь. Высокий моральный дух, упорство, сила воли людей — все это было движущей силой героического экипажа.

«Тяжела и опасна работа моряков в мирное время. Что же говорить тогда о суровых и беспощадных годах войны!» — пишет бывший капитан. В тетрадах «Белое море» и «Тихий океан» отражен героизм советских моряков Севера и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. Рассказывается в них и о людях, которые работали в портах и делали все возможное и невозможное, чтобы помочь Родине как можно быстрее разгрузить и отправить на фронт боевую технику, которую нам поставляли союзники.

В то время главной задачей всех военных моряков Северного морского флота была охрана торговых судов союзников от вражеских подводных лодок, кораблей и самолетов. Фашисты не считались ни с чем, лишь бы не дать пробыть торговым судам в наши северные порты. Не всегда союзное командование было полностью готово помочь Советскому Союзу в трудные годы войны. Так, на совести английских адмиралов лежит трагическая судьба конвоя РО-17, почти полностью потопленного фашистами. Когда уже

больше половины пути от Рейкьявика до Архангельска было пройдено, английское адмиралтейство приняло решение оставить транспортные суда без военного эскорта. Такое решение было и непонятным и необъяснимым, оно обрекло конвой РО-17 на верную гибель.

Приходилось плавать через Тихий океан к берегам США, и каждый такой поход можно было назвать героическим. Океан кишел японскими подводками и катерами, и пробиться в далекий Портленд всегда было сопряжено с риском для жизни. Но пробивались и возвращались, груженные военной техникой, паровозами... Возвращались даже тогда, когда уже не было никаких шансов вернуться. Потому что понимали: каждый такой рейс приближает день Победы.

Нет сомнения, что книга К. С. Бадигина будет интересна молодым читателям, как еще одна частичка истории нашей Родины, достойный пример для подражания, и читателям взрослым, как документально запечатленный их подвиг.

Игорь ДУБРОВИН,
школьник, участник
«Литературно-критической
мастерской «Смены»»

ИСТОРИЯ

Почерк истории

Книга, о которой пойдет речь, — это своеобразный путеводитель по одному из интереснейших, заповедных мест нашей страны и путеводитель по историческим датам и событиям, которые нашли свое отражение в памятниках истории. Написал эту книгу Борис Дмитриевич Михайлов и назвал «Каменная могила» («Промінь», Днепропетровск, 1979 г.).

«Каменная могила» — величественное природное образование из камня и известняка, возраст которого более десяти миллионов лет. Чем действительно ценно с точки зрения геологии и истории это единственное в мире, уникальное создание времени? Во-первых, тем, что строили памятники ледники, страшные ветры, землетрясения. Каменная могила содержит в себе повествование о палеолитической, неолитической эпохах, об эпохе меди и бронзы. Но самое любопытное, что огромные каменные глыбы — это целая галерея работ первобытных художников. Автор книги отмечает в наскальных рисунках первых мастеров талант, динамику движения, точность. Каждая народность, населяющая в свое время эти приазовские степи, стремилась оставить свой штрих, свой почерк на древнем камне. Раскинувшаяся на трех гектарах, высотой двенадцать метров, каменная могила издавна привлекала древних служителей культуры. Три тысячи плит памятника вмещают многие символы, связанные с проведением тех или

иных обрядов. Смена религий, борьба одной религии с другой — об этом красноречиво рассказывает современнику камень. Бережно и вдумчиво Б. Д. Михайлов раскрывает перед читателем загадочный почерк многотысячелетней истории, приводя для красочности повествования старинные легенды и предания, которыми предки наши пытались объяснить фантастическое по своим масштабам образование камней в одном из уголков степей Северного Приазовья (сейчас это Мелитопольский район).

Памятник истории интересен также, как книга, повествующая об изменении психологии древнего человека, о его изначальных понятиях о звездном небе и вселенной, о символическом соответствии действий людей и явлений природы. Михайлов пишет о жизни и занятиях людей, населявших данную местность, вместе с читателем проходит по глубоким и таинственным пещерам каменной гробницы, обращая внимание на изображения охоты древних людей, ритуалов, жертвоприношений священными животными. Позднее древние художники стали изображать животных, запряженных, работающих на человека-земледелец.

С интересом автор рассказывает о первых христианских погребениях, о чурингах — священных предметах, обладатели которых наделяли их сверхъестественными свойствами. Археологические раскопки в районе каменной могилы помогли установить уровень культуры, искусства и ремесел живших здесь людей. Словом, интереснейший рассказ об уникальном памятнике прошлого, несомненно, привлечет внимание читателей к книге Б. Михайлова.

Игорь ЖЕГЛОВ,
студент, участник
«Литературно-критической
мастерской «Смены»»

ДЕТЯМ И О НИХ

Чьи носы достойны веснушек?

В самом обыкновенном городе сырой ветреной ночью неожиданно начинаются чудеса. Они приходят к юным читателям со страниц повести-сказки Софьи Прокофьевой «Оставь окно открытым» («Советская Россия», 1978 г.). Сказочный человек по имени Веснушка появляется на Большой Почтовой улице в квартире рыжей девочки Кати и сразу же резко меняет всю ее жизнь и жизнь других ребят. Да и взрослых людей тоже. И даже животных! Со всеми начинают происходить удивительные истории. Все веселое и грустное, но неизменно мудрое и полезное, что свершается по воле Веснушки, исполнено искренности и доброты. Читатели учатся вместе с героями сказки отличать то, что хорошо, от того,

что плохо; справедливость и благородство — от корысти и фальши. Никто их не «учит», не преподает им назидательных уроков, а они там не менее учатся: такова мастерство Веснушки и писательницы С. Прокофьевой. Веселый волшебник делит всех людей на «рыжих» и «не рыжих». Рыжие — это, в его понимании, честные, смелые люди, готовые в любой момент прийти на выручку тем, кто нуждается в дружеской руке...

Откуда же взялся этот сказочный человечек? Дело в том, что давным-давно он был... солнечным лучом. Представьте себе: лучом! Но, чтобы прийти на помощь людям, спастись от казни отважного кузнеца, Веснушке пришлось (чего не свершим ради хорошего дела!) оторваться от Солнышка. Ему порой бывает страшно и одиноко среди «липкой, жадной Темноты-Темнотищи», но находчивость Веснушки, его непримиримость к мраку, ко всему, что олицетворяет неправду, и, разумеется, помощь друзей помогают солнечному человечку одерживать победы.

Нужно сказать, что в повести несправедливость и мрак носят не только некий отвлеченный характер — они имеют своего выразителя в образе злобного старца по прозвищу Взяти и обидели, который видит подвох и злонамеренности там, где их и в помине не бывало! Взяти и обидели ведет ожесточенную войну против Веснушки и ребят. В своем злом отчаянии он доходит до того, что пытается утопить собаку Пуделя, а собака — это, как всем известно, друг человека. И людям удается спасти своего друга! «Нас много — и все рыжие. А Темнотища; она бонится, когда сразу много рыжих...» — говорит Веснушка. Действительно, ничто на свете не страшно, когда хорошие люди стоят рядом, как бы плечом к плечу.

Счастливого появления Веснушки помогает всем ребятам сдружиться, на многое взглянуть по-новому и даже перевоспитывает бывшего «пособника» Взяти и обидели временно заблуждавшегося Кота Ангорского. Зло остается в одиночестве, оно наказано... Так и должно быть!

Повесть Софьи Прокофьевой органично сочетает в себе острый сказочный сюжет с решением проблем отнюдь не сказочных, а самых что ни на есть жизненных, реальных — проблем нравственного воспитания, которые так важны во всяком возрасте, а в юном особенно! Писательница языком конфликтов, событий объясняет ребятам, как это важно — не бояться трудностей, смело преодолевать их. Она доказывает, что с верными друзьями всегда надежнее и веселее. И призывает оставлять окно открытым для света и тепла солнечных лучей, для чудес и приключений.

На последних страницах повести ее юные герои получают награды за проявленные ими храбрость и находчивость. Какие награды? Ну, конечно же, необычные: ведь все происходит в сказке. Наградой стали... веснушки, которыми, оказывается, переполнены карманы их друга, некогда оторвавшегося от Солнышка, чтобы приблизиться к людям.

Решая, чьи носы достойны веснушек, герои книги тем самым определяют, кто из них заслужил называться настоящими друзьями и бескорыстными рыцарями.

Елена СЕТУНСКАЯ,
студентка,
участница «Литературно-критической
мастерской «Смены»»

СЖАТАЯ

Игорь БЛАГОДАРНЫЙ.
Фото Владимира
ВАСИЛЬЕВА.
 Специальные
 корреспонденты «Смены»

Мы не знаем, чувствуют ли растения боль, хотя некоторые опыты подтверждают это, но то, что они нас кормят, «фабрикуют» кислород, радуют наш глаз и сердце,— это известно каждому человеку. Поэтому и относимся мы ко всему растущему на земле с уважением и любовью. В нашей стране немало делается и для более пристального изучения природы растений.

В отделе радиационной генетики и радиобиологии Всесоюзного научно-исследовательского института растениеводства, которым заведует кандидат сельскохозяйственных наук Виталий Щербakov, «мучают» растения, используя для этого самые современные средства — жесткое альфа-излучение, которое возникает при взрыве атомной бомбы, и различные химические раздражители. Зачем же ученым понадобились такие варварские эксперименты? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, давайте побываем на подмосковном полигоне института растениеводства, на уникальном гамма-поле.

Дежурный оператор знакомит нас с небольшой инструкцией по технике без-

ники называют «атомным». Общий диаметр его — двести метров. Поле можно разделить на три вписанных окружности. В центре расположен мощный источник излучения — изотоп кобальта-60. Тридцатиметровая зона с наиболее активной радиацией огорожена земляным валом. Здесь в специальных сосудах находятся растения, подвергающиеся опыту. Когда люди работают в зоне радиации, источник излучения надежно изолируется в свинцовой «бочке» с «абажуром».

Все многообразие животных и растений, которые обитают и произрастают на Земле,— это в основном результат мутаций, другими словами, наследственных изменений организмов, которые возникают в результате или под действием различных факторов внешней среды. Холод и жара, повышенная влажность и засуха, химическое «окружение» и электромагнитные поля, нарушение обмена веществ и много других причин заставляют растения приспосабливаться к внешней среде, вкладывать в потомство новые качества, которые должны помочь им выжить.

Если внимательно осмотреть небольшой участок любого поля, занятый одним видом растения, то, вероятно, можно обнаружить этакого «уродца», у которого то окраска листьев неровная, то стебель больше или меньше обычного, то цветок не соответствует норме. Это и есть мутанты. Но вообще в природе мутации довольно редки.

К факторам, которые влияют на изменение наследственности, относятся и различные виды излучений, которые и

АТОМНОЕ ПОЛЕ.

СОТРУДНИКИ ЛАБОРАТОРИИ
 МЕЧТАЮТ СОЗДАТЬ
 «ИДЕАЛЬНОЕ РАСТЕНИЕ».

ДИКИЙ ТОМАТ
 И ЕГО БЛИЖАЙШИЕ ПОТОМКИ.

опасности и вручает миниатюрные дозиметры гамма-излучений. При выходе на полигон их показания проверяются. Включается электронный «контролер», который не позволит источнику радиации подняться из свинцового хранилища, если останется в опасной зоне хоть один человек. Словом, мы проходим обычную процедуру техники безопасности для предприятий и учреждений, работающих с различного вида излучениями.

И вот мы на поле, которое все сотруд-

положены в основу опытов на подмосковном гамма-поле. Как известно, на нашей планете существует постоянный радиационный фон. Растения и животные, а также и люди давно привыкли к этому естественному излучению, и оно играет свою роль в эволюции. А что произойдет, если живой организм «ударит» непривычно большой дозой гамма-лучей?

Самый простой и незатейливый участник процесса изменения наследственности — ген. Задачу генов можно срав-

нить с блоками памяти ЭВМ. Они должны хранить заложенную информацию и выдавать ее по первому требованию. Но нужно сказать, что гены справляются с этой нелегкой задачей куда лучше, чем все «умные» машины, вместе взятые.

Воздействуя на растение в разные моменты его жизни радиацией, ученые могут выбить те гены, которые именно в этот момент поступили из «хранилища» на «считку» наследственной информации. Выбить — следовательно, резко изменить ближайшего потомка этого вида

КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ

растения, то есть искусственно «сконструировать» мутант. Так вот, применение некоторых химических соединений и ионизирующих излучений позволило увеличить «выход» мутантов в десятки, сотни, а иногда и тысячи раз!

Большое количество мутантов, появившихся с помощью излучений, уже сейчас дало селекционерам небывалый исходный материал и значительно сократило сроки работ по созданию новых растений. Получено уже более ста двадцати сортов различных культур. В частности, и на колхозные поля «вышли» двадцать мутантов.

Но получаем мы мутанты пока случайно. Ведь все участники жизненного процесса, будь то ген, хромосома или отдельные клетки, связаны между собой значительно более гибкими и тонкими связями, чем мы можем себе представить. Поэтому, воздействуя на растение таким мощным раздражителем, каким является радиация, трудно попасть точно в цель, не затронуть хрупкие взаимосвязи, и пока нельзя сказать, на какой фазе развития растения, каким именно «раздражителем» и в какое время лучше произвести обработку растения, чтобы можно было выполнить заказ земледельцев.

Каким видит свою вековую мечту — «идеальное растение» — земледelec? Например, пшеницу он представляет такой: невысокий, но крепкий стебель, устойчивый к полеганию и болезням, умеющий противостоять и засухе и переувлажненности, имеющий хорошей формы полновесный колос, который должен быстро созревать... К этим свой-

ствам «идеальной» пшеницы можно было бы добавить еще не один десяток подобных характеристик, причем многие из них менялись бы в зависимости от климатических условий.

Вряд ли кто из земледельцев уверен, что такое растение вообще может появиться. Но тем не менее на гамма-поле создан мутант, удовлетворяющий многим из предъявляемых требований. Сейчас он проходит испытание на знаменитом опорном пункте Мироновского НИИ селекции и семеноводства пшеницы и одновременно передан современным мичуринцам на скрещивание.

Получить растение «по заказу», научиться управлять наследственными признаками — вот основная цель, которую ставят перед собой ученые. А достичь этой цели не просто. После длительных опытов было замечено, что под воздействием радиации больше меняются те участки хромосом, хранительницы генов, которые ведут работу по «прочтению» информации гена и вырабатывают дальнейшее руководство к действию. Поэтому закономерно возникла идея «ударить» радиацией именно в тот момент, когда работают гены, контролируемые тот или иной признак растения.

Казалось бы, просто: воздействуй на гены роста — стебель будет длиннее или короче, на гены формирования зерна — получишь красивой формы зерно с высоким процентом белка. По нашему желанию можно будет сделать «волосатый» или «лысый» колос. Но пока все это в будущем. Возможно, в недалеком будущем. Сейчас удалось определить,

что, например, при облучении растений в период выхода в трубку, — когда они вступают в пору половой зрелости, — мутации возникают в 70 раз чаще, чем при воздействии на молодые растения. Используя этот эффект, на гамма-поле был произведен опыт, который заставляет изумиться даже избалованного сенсационными научными сообщениями современного человека.

Учеными для опыта был взят «дикарь» томата. «Пращур» помидорного куста мало напоминает современного культурного сорородича. Большой, ветвистый, с мощными побегами и довольно крупными листьями, он плодоносит маленькими (не больше ягоды обыкновенной смородины) плодами. Правда, плоды эти буквально обсыпают весь куст. И достоинства у «дикаря» знатные. Он силен, редко болеет и устойчив к «врагу номер один» — фитофторозу. Кроме того, в его плодах больше сахара, витаминов, чем у культивируемых томатов... «Выбивая» радиацией из общей цепочки отдельные гены, удалось получить различные мутанты. Некоторые из них, унаследовав лучшие качества «родителя», принесли значительно более крупные плоды. С ними скрестили культурные крупноплодные сорта (которые, увы, часто изнежены и болезненны) и получили в результате вполне промышленные гибриды. Для выведения подобных сортов природе при самых благоприятных условиях потребовалось бы не одно тысячелетие. А скорее всего, данный сорт вообще бы не появился.

Этот сорт томатов отличается высокой урожайностью. С каждого куста сотрудники атомного поля собирают до 700 крупных плодов.

Обилие мутантов, как считают некоторые ученые, может в какой-то мере изменить и естественный ход эволюции. Ведь в одном потомстве зачастую появляются два разных и удачных мутанта, которые можно скрестить и свести в новую форму, то есть вывести новый вид растения. Случайная встреча подобных мутантов практически невозможна.

Только в одном опыте, поставленном на атомном поле, ученые наглядно продемонстрировали силу генетики и смогли повторить или, лучше сказать, «сжать» время естественной эволюции с тысячелетий до ничтожно малого времени в несколько лет.

Генетики проектируют будущее сельскохозяйственных культур, причем речь идет не только об усовершенствовании отдельных растений, но и о создании новых. В самом деле, почему бы не «вписать» с помощью генов в томаты информацию картофеля, в результате — сверху помидоры, снизу — картофель. Или запрограммировать растения на самообслуживание различными химическими компонентами, например, азотом, введя в их генетический строй гены азотных удобрений? Фантастика? Да, но фантастика реальная.

Объектом экспериментов, которые проводятся на атомном поле, стали самые различные культуры. На крохотных участках растут ячмень и пшеница. В небольшом садике — яблони, вишни, сливы. Рядом с грядкой картофеля — яркая цветочная клумба, кусты смородины, маленькие плантации клубники...

До создания четкой теории об изменении наследственности, до возможности «выстроить» растения с заранее заданными свойствами еще далеко. Пока у генетиков больше вопросов, чем ответов, но те ответы, которые получают ученые в результате исследований на гамма-поле, значительно приближают нас к намеченной цели — управлению наследственными признаками растений.

КОНКУРС ЭРУДИТОВ

Во многих письмах читатели просят продлить срок, в течение которого можно прислать вопросы на конкурс эрудитов.

Пользуемся случаем и еще раз сообщаем условия конкурса.

Круг вопросов конкурса неограничен, в замысле — провести пять туров, каждый из которых будет состоять из двадцати вопросов. Победители каждого тура определяются отдельно. Призы — книги.

Но вот вопросы — вопросы для пяти туров, то есть пять раз по двадцать, — мы предлагаем задать самим читателям. Это вовсе не значит, что от каждого требуется по двадцать вопросов. Пришлите хотя бы один. И не забудьте дать на него точный, исчерпывающий ответ со ссылкой на первоисточники. В качестве образца называем такой вопрос: «В нашей речи мы порою прибегаем к выражению «безбрежное море». А существует ли в действительности такое море, то есть море, не имеющее берегов?» Из лучших и интереснейших вопросов составятся пять туров. Имена авторов вопросов будут указаны в журнале.

Ждем ваших вопросов, дорогие читатели!

Конкурс эрудитов — ваш конкурс.

Вопросы задаете вы, отвечаете на них тоже вы.

Срок отправки вопросов для всех пяти туров — 31 декабря (по почтовому штемпелю).

МУТАНТЫ ЗЕРНОВЫХ.

ЛЕСТНИЦА ЭВОЛЮЦИИ.

УЧЕНЫЕ... ЗА СБОРОМ УРОЖАЯ.

Уважаемая «Смена»!

Я постоянный ваш читатель с 1973 года. Не так давно мне пришлось побывать в сложной жизненной ситуации, которая чуть было не закончилась для меня слишком печально. Я хотел бы рассказать об этом вам и вашим читателям. По профессии и образованию я «технар», и мне, к сожалению, не под силу передать с достаточной художественностью то, что я испытал. Но не рассказать о случившемся со мной все же не могу, слишком оно меня потрясло. Итак, вот моя исповедь.

Мои родители разошлись, когда мне было около двух лет. У мамы вскоре после развода полоса невезения в судьбе сменилась полосой удач, ей встретился хороший человек, она вышла замуж вторично. Отец тоже довольно быстро отыскал себе новую подругу жизни и уехал с ней в другой город. А меня отдали на воспитание бабушке, и пришлось мне стать «бабушкиным сыном» — так теперь, кажется, называют внуков, которых растят бабушки. Правда, мама и отчим не раз пытались забрать меня к себе, но им все время что-то мешало это сделать: то квартирные условия, то мамнина работа (она работала врачом в клинике, где часто приходилось выезжать на вызовы к больным), а когда они наконец получили благоустроенную квартиру и мама, поменяв место работы, перестала ездить в командировки, помехой нашему совместному проживанию оказался я сам. Дело было вот в чем.

Я подросток и учился уже в девятом классе. Близился момент получения паспорта, и живя я у бабушки, одновременно с ним я получил бы и постоянную прописку на ее жилплощади, а посему выходило, что мне не было никакого смысла переселиться к маме. И мы с мамой, которая считала, что мне вовсе не помешает в будущем иметь свою собственную квартиру, продолжали жить отдельно друг от друга и видеться от случая к случаю.

Только теперь, когда давно уже проставлен у меня в паспорте штамп, свидетельствующий о прописке по бабушкиному адресу, мы начали понимать, чего в конечном счете она нам стоит, так как лишь формально нас можно назвать сыном и матерью, на самом же деле наши отношения скорее напоминают отношения между доброжелательной теткой и учтивым племянником. Такова предыстория моей нынешней жизни.

Сейчас мне двадцать четыре года. Образование получил высшее техническое, отслужил в рядах Советской Армии. Работаю на заводе. Работа моя мне нравится. Не женат пока. Бабушка тоже жива и здорова. К маме и отчиму иногда захожу в гости, встречают радушно.

Одним словом, все у меня было бы не так плохо, если бы я вдруг не направил собственную судьбу по скользкой тропинке. Но прежде чем повести речь о том, как такое могло со мной произойти, объясню логику своего поведения накануне этого поступка.

С некоторых пор я стал замечать, что вокруг того или иного человека, умеющего добывать вещи, считающиеся дефицитом, скажем, зернистую икру, жвачку или очки в проволочной оправе «а-ля биллз», всегда вертится много молодежи, с ним ищут знакомства, добиваются его хорошего отношения. И я грешным делом думал, что хорошо бы и мне научиться доставать «дефицит» или, что еще лучше, занять машину «Жигули», которую я мог бы время от времени представлять в распоряжение своих друзей — тогда уж, несомненно, дружба у нас была бы «водой не разольешь». Мне невероятно захотелось разбогатеть. Любой ценой. То ли в «Спортлото» выиграть, то ли еще каким-нибудь путем, но как можно скорее, чтобы сразу же получить то, чего мне, как я считал, не доставало для счастья. Я начал присматриваться к людям, которые располагали собственным автомобилем.

Одним из объектов моих наблюдений был мой сосед — некто Вася. Работал он водителем в грузовом автопарке, а в нерабочее время занимался тем, что разъезжал на грузовике по радиотелемагазинам и выискивал «клиентов», то есть людей, которым нужно доставить телевизор из магазина домой. Не успеет еще какой-нибудь гражданин уплатить кассирше деньги, а Вася уже тут как тут, с самым любезным видом предлагает свои услуги: дескать, телевизорчик подвезти не надо ли? Гражданин, обрадованный такой предупредительностью, которая избавляет от ожидания транспорта магазина,

поспешно отвечает Васе: «Надо». Тем более что ему, покупателю-то, ведь безразлично, кому уплатить червонец за транспортировку телевизора — этому симпатичному паренюку Васе или рабочим магазина, которые, кстати говоря, взимают плату тоже далеко не по прейскуранту. Благодаря такой механике зарабатывания денег Вася в свои двадцать с небольшим стал обладателем «Жигулей». Я находил его славным парнем и думал, что хорошо бы и мне научиться зарабатывать деньги так же, как он, только вот каким образом, я еще тогда не знал.

Зато вскоре я познакомился с одним человеком. Звали его Витей. К моменту, когда мы с Витей впервые встретились, я, находясь под влиянием людей, подобных Васе, уже как бы повис над пропастью. Такое случается, когда человек утрачивает чувство элементарной порядочности и дает волю искаженной части своего сознания, которая и подталкивает его к преступлению.

Моему преступлению предшествовали примеры чужой бесчестности, которая всякий раз оставалась неизменно безнаказанной. У человека с сильной волей такие наблюдения вызвали бы возмущение и протест. Но для меня, слабовольного, они послужили тогда отравляющим дурманом. К началу знакомства с Витей мои представления о честности и порядочности были уже настолько искажены, что передо мной то и дело возникали навязчивые соблазны разбогатеть любым путем. Витей и помог тому, что этот, давно уже соблазнявший меня путь принял конкретные очертания.

По профессии Витей был парикмахером, обладал очень общительным характером, а посему имел широкий круг знакомых, кое с кем из которых он меня сразу же свел, чем избавил от одиночества.

С самим Витей мы стали друзьями буквально в несколько часов. И хотя ему было уже за сорок и у него имелся сын, почти мой ровесник, он позволил мне называть его просто по имени.

Витей часто приглашал меня к себе домой, и когда я однажды пожаловался ему на свою отдаленность от родителей и невезение в друзьях, он сказал: «Ты, Володька, горемыка, и мне от души тебя жаль. У такого славного парня жизнь могла бы сложиться и поудачнее. Ну да ничего, авось, нам как-нибудь удастся повернуть твои дела в лучшую сторону».

Спустя несколько дней после этого разговора Витей привел меня на морвокзал. Мы посидели в баре, затем пару раз прошлись взад-вперед по причалу. Вдруг Витей увидел двух прогуливавшихся так же, как и мы, иностранных моряков. Оставив меня на несколько минут, Витей приблизился к ним. Они о чем-то оживленно говорили, затем разошлись в разные стороны. Витей снова подошел ко мне.

«Ну, мальш, через пару часов у тебя будут джинсы», — торжественно проговорил он и произнес название фирмы, которое на приверженцев этого вида одежды производит околдовывающее впечатление, — ступай домой, захвати деньги и бегом ко мне, через два часа ребята принесут туда товар».

«А сколько взять денег?» — спросил я.

«Это уж сколько у тебя имеется в налички. Трое джинсов они продадут за сто восемьдесят рублей».

У меня радостно забило сердце — приобрести трое джинсов за сто восемьдесят, в то время как у нас в городе с рук продают одни за двести рублей...

«Три за сто восемьдесят — блеск!» — проговорил Витей, словно в ответ на мои мысли.

«Блеск», — повторил я, и хотя какое-то предчувствие темной природы этого блеска все же шевельнулось во мне, однако должен признаться, что ни во время моего с Витей разговора, ни потом, когда я ехал к нему домой за джинсами, у меня ни разу не возникло сомнений, правильно ли я поступаю, соглашаясь на предложенную мне сделку, ибо искушение завладело мной с такой силой, что заглушило голос совести и здравого смысла. Мысль о том, что я, собираясь приобрести незаконно привезенные джинсы, тем самым совершаю преступление, не приходила мне в голову.

Отправляясь за деньгами, я размышлял: три пары — сто восемьдесят рублей, тридцать пар — тысяча восемьсот. Значит, ежели я, купив тридцать пар, продам каждую из них по двести рублей, то получу больше четырех тысяч чистого дохода, чего мне будет вполне достаточно для покупки «Запорожца». Поглядывая на проезжавшие мимо «Жигули», «Москвичи», «Запорожцы», я с ликованием в

душе думал, что скоро и у меня появится своя машина, и я буду ездить в ней, наслаждаясь всеми радостями, которые дает человеку автомобиль.

Когда я наконец добрался до Вити, иностранные моряки были уже там, но его самого дома не оказалось. Витина мать, открывшая мне двери, сказала, что он, захватив часть вещей, принесенных иностранцами, пошел к какому-то знакомому, а меня просил подождать его возвращения.

«Тут самое время сказать, что жил Витя в собственном доме на окраине города вдвоем с матерью. Жена ушла от него, а единственный сын Сеня постоянно дома отсутствовал. На мои расспросы о нем Витя отвечал коротко: «Семен окончил мореходное училище и сейчас находится в долгосрочном рейсе».

Впустив меня в дом, Витина мама предложила мне пройти в комнату, где сидели иностранцы, а сама удалилась на кухню. Как только я вошел, мне сразу бросились в глаза разложенные на столе яркие целлофановые пакеты — их было штук семь, в каждом по джинсам.

Хотя я не знал языка иностранцев, а они, в свою очередь, не разговаривали по-русски, мы отлично поняли друг друга, когда я предложил сторговаться: дескать, я вам деньги, а вы мне взамен три таких пакетика; моряки охотно согласились продать мне часть товара. Я пересчитал имеющиеся у меня деньги и с досадой обнаружил, что до ста восьмидесяти мне недостает двух рублей. Решив попросить их взаймы у Витиной мамы, я пошел к ней на кухню.

«Эх, сынок, деньги-то я тебе дам, только мой тебе совет: не впутывайся ты во все эти дела. Сенечка-то наш уже второй год как сидит из-за этих самых джинсов».

«Как сидит? — обескураженно спросил я. — Ведь Витя говорил, что он плавает».

«Плавал», — горестно уточнила женщина и рассказала мне о том, как Сеня, действительно окончивший мореходное училище, во время одного из рейсов пытался провезти большое количество джинсов, которые у него обнаружили в порту таможенники, за что он и был осужден. Еще я узнал, что и сам Витя тоже имеет несколько судимостей за спекуляцию и из своих сорока с небольшим лет около десяти провел в исправительно-трудовых колониях.

Выслушав все это, я почувствовал, что стою на краю пропасти, но постарался внушить себе, что ничего страшного не происходит, так как мною все еще владело искушение разбогатеть.

Получив у старушки недостающие два рубля, я вернулся в комнату и, отдав морякам деньги, взял со стола три пакета. И тут случилось нечто ужасное.

В комнату вошла Витина мама и тревожно проговорила: «Возле нашей калитки стоит какой-то человек».

«Ну и что из этого следует?» — спросил я, стараясь ничего не выразить на лице, хотя от этого сообщения у меня по телу пробежали мурашки.

«Он, несомненно, из милиции. Наверное, Витю заметили с тряпками и решили проследить, не затевает ли он какую-нибудь махинацию», — ответила женщина.

До этой минуты я, несмотря на свой испуг, кое-как еще владел собой. Но слова «из милиции» потрясли меня. Я заходил взад-вперед по комнате, поглядывая на окно и вместе с тем боясь приблизиться к нему, так как тот человек мог увидеть меня. Мне казалось, что вот-вот подъедет машина, меня посадят в нее и повезут в тюрьму. До тех пор я только в кино видел, как задерживают совершивших преступление, да еще в телесериале «Следствие ведут знатоки». Наблюдая такие сцены, я и мысли не допускал, что мне когда-нибудь случится заработать судимость и провести какой-то отрезок времени в исправительно-трудовой колонии. И вот, вышло, заработал и проведу. Но главное, чего я в тот момент испугался, была все же не тюрьма — ведь годов у меня за плечами еще не так много, и, проведи я даже несколько лет в местах лишения свободы, все равно вышел бы оттуда молодым, — я испугался того, что после освобождения из колонии мне придется начинать жизнь сначала и снова завоевывать все то, чем я обладал и чем пользовался до сегодняшнего дня: незамаранной биографией, честным именем, доброжелательным отношением окружающих людей, их доверием. При этом я имею

и виду, конечно, не Васю-шабашника и ему подобных, а прежде всего тех, с кем я работаю, то есть добросовестных тружеников.

Мне стало больно от сознания, что я исковеркал собственную жизнь так глупо и так уродливо. Охваченный страхом, потеряв всякую почву под ногами, я мысленно готовился к аресту.

Внезапно Витина мама, которая все это время стояла у окна и, прячась за шторой, наблюдала за подозрительным человеком, воскликнула: «Он уходит!» Я, не совсем доверчиво отнесясь к тому, что услышал, осторожно приблизился к окну и убедился: человек действительно удалялся от нашего дома и рядом с ним шла женщина — по всей видимости, он просто ожидал ее эти несколько минут, чисто случайно выбрав место ожидания около Витиной калитки.

Когда они наконец скрылись из виду, я не сел, а буквально упал на стоявший рядом с окном диван. Моряки с веселым любопытством смотрели на меня.

Придя в себя, я возвратил им джинсы и потребовал обратно свои деньги. В ответ они изобразили на лицах крайнее удивление, однако не подчиниться моему требованию не посмели. Я отдал Витиной маме ее два рубля и, коротко попрощавшись с ней, ушел.

Витю я увидел спустя несколько дней — мы случайно встретились на улице.

— Ну, малыш, не ожидал от тебя такого идиотизма, — сказал он.

— Я передумал брать джинсы, — ответил я.

— Почему?

— Я боялся.

— Чего боялся? Ты что, украл что-то?

В этих насмешливо произнесенных словах, как я позже понял, заключалась логика его жизни. Смысл их сводился вот к чему: «Да, я спекулянт. Меня называют преступником, но за что? Я ведь ни у кого ничего не краду. Не хотите — не покупайте то, что я продаю, я не заставляю, ну, а если уж хотите, то будьте добры дать мне ту цену, какую я с вас спрошу».

Совсем недавно Витю судили в очередной раз. Рядом с ним на скамье подсудимых сидели люди, которые помогали ему скупать и реализовывать «товар». Глядя на их удрученные лица и подавленный вид, я воспроизвел в памяти тот день, когда, находясь у Вити в доме, мучительно ожидал своего ареста, и то не выразимое никакими словами облегчение, которое я испытал, удостоверюсь, что принял за инспектора уголовного розыска случайного прохожего. И не мог не признаться самому себе, что не сижу рядом с Витей и его друзьями только благодаря тому хорошему, что, оказалось, заложили во мне в свое время армия, комсомол, завод и чего в критические минуты моей жизни оказалось достаточно, чтобы вернуть утраченную ясность сознания и спасти себя от беды.

Сейчас джинсы у нас в городе по-прежнему наиболее популярный вид одежды. Почти все их носят — от воспитанников детских садов до людей самого почтенного возраста. А я их почему-то видеть не могу.

С уважением, Владимир П., г. Одесса.

ОТ РЕДАКЦИИ. Вы прочитали не очерк, не статью, вы прочитали исповедь. Хочется не столько воздать должное авторской искренности и осознанию им собственной вины, сколько задать вопрос: почему, при каких условиях нормальный человек утрачивает чувство элементарной порядочности? Вероятно, начинается все с мелочей, с тех маленьких и неприметных поступков и событий, которые случаются с человеком еще в детстве. Разве сделка между совестью и желанием матери во что бы то ни стало видеть сына в будущем владельцем «бабушкиной» квартиры не есть первый урок элементарной непорядочности? Да и отношения «отец-мать-бабушка-внук» всегда ли являются порядочными, нравственными, человечески добрыми? Неудивительно, что, бессознательно впитав в себя еще в детстве примеры житейской непорядочности старших, наш автор из хорошего, скромного инженера чуть не превратился в дельца, спекулянта, преступника. Некоторые его знакомые жили нечестно, паразитически, «богатели» за счет спекуляции, и это не отталкивало его, а вызывало зависть, — вот свидетельство того, что понятия «порядочность-непорядочность» были уже совершенно смещены в этом человеке, когда он вырос, стал взрослым. И только страх перед наказанием остановил его, не дал возможности совершить преступление. Страх, но не совесть. Это и есть самое горькое, что открывается в этой истории. Нам кажется, стоит понять, разобраться, почему в жизни иногда получается так, что там, где человек должен прежде всего опираться на свою мораль, совесть, порядочность, он пасует и совершает нравственное преступление перед самим собой. И мы хотели бы услышать мнение читателей по этому вопросу. Приглашаем всех желающих для серьезного, откровенного разговора.

Виктор ШИРОКОВ

Сон дочери

Сейчас ты спишь и видишь сон:
на толстых шоколадных лапах
шагает добродушный слон
в серебряных конфетных лапах.

При каждом шаге шелестит
его волшебная одежда,
и под луной металл блестит
неподражаемо и нежно.

Он входит в маленький подъезд,
с трудом по лестнице проходит...
Неужто вправду кто-то съест
вот эти ноги, этот хобот?

Неужто же, прекрасный слон,
обманется твоё доверье
и ты, исчезнув словно сон,
вновь не появишься у двери?

Но головой мотает слон:
«Мой друг, печалиться не надо!
Я только сон, я только сон,
я даже не из шоколада!»

А ты все та же,
ты все та же
в движеньях,
в речи,
словом, в том,
что замечает сердце,

даже
затронутое холодком
взаимного непонимания,
что видит отчужденный глаз
и это —
как напоминаешь
тревоги, связывавшей нас.

За мерным шумом водосброса
не слышен посторонний звук,
но ощущение вопроса
сейчас во мне возникло вдруг.

Как будто отодрывают разом,
смотрю на самого себя,
и погружен пылливый разум
в ночные тайны бытия.

Неужто здесь же, век отбросив,
стоял в раздумье человек,
следил за тем же водосбросом —
и, как вода, промчался век?

И все его простые думы
о солнце, ливнях и траве,
то безмятежны, то угрюмы,
в моей очнулись голове?

Вода не перестанет литься.
Вновь промелькнет, как щепка, век,
и остановит чьи-то лица
ее неугомонный бег.

И мерным шумом водосброса
ошеломлен другой, как я,
задастся призрачным вопросом
о тайнах первобытия.

И над бессонною струею
от дел житейских в стороне
он молча шевельнет рукою
и, может, вспомнит обо мне.

Независим и зависим
от высоких облаков,
верхом брызнул, дунул низом
дождь разок и был таков.

Словно девушки затылок
промелькнул в полдневный жар,
выронив десяток шпилек
на зеркальный тротуар.

Поиски весны

1

Право, стоит ли тратить в споре,
так порою измучат слова!
Жить бы тихо на вольном просторе,
как деревья, кустарник, трава.
Где глазам нестерпимо от блеска
изначальной живой чистоты
неба ясного, темного леса;
где кругом проступают черты
доброты человеческой...

В обличье
тучи, дерева, сойки, цветка
промелькнет на секунду величье,
о котором не знают века...

2

Не грешу я любовью к пейзажу,
каюсь — книгам почаще был рад;
а бывает же так — не вылажу
из лесных и болотных пенат.
Дом мой, пригород, зельем, наверно,
приворотным меня опоил —
жгучей зеленью мвы и ворбы;
синей мглой недалеких могил
окатил — не туманом холодным
утром в чуткую душу плеснул...
Как приеду — и стану свободным —
долг день, ночью крепче уснул.
Впечатленья пылливое детства
оживают со всей новизной:
там застроен пустырь, а на месте
пивларька — магазин городской.
Славный пригород — ты не деревня.
Смотришь, рядом театр и музей,
а захочешь — обступят деревья
и наклечат пернатых друзей;
а захочешь — обступят, как в сказке,
люди, крыши, столбы — полчаса
ходу — глянют аютины глазки,
не крадется ли следом коса...

3

Эту память бы рифмой обрмить,
это, мысли мои вороша,
раздувая словесное пламя,
свет свет северянка-душа.
За сумбурностью, скороговоркой
не хотелось бы мне проглядеть
даль уральскую, лес на пригорке,
родничок, не уставший звенеть...
Вроде все это — обыкновенность:
дым, шалашик, телок на лугу,
а на деле — сыновья верность
краю, родине, очагу.

Так пускай со страничек помятых
светят лампочки ягод лесных,
чтоб зимой становилось понятно,
где угоды далекой весны;
и дыхание теплой погоды
означает в медвеьем углу
не крушение планов природы,
а причастность к людскому теплу...

4

Тяга к слову — с охотничьей страстью
несравнима, но сутью нова.
И замечу: как звери, к несчастью,
почему-то редчают слова...
Остается сравнение, образ,
ритма дрожь, ощущение тоски,
но чтоб кровное билось о ребра,
чтоб взволнованно ныли виски —
не почувствуешь... Детскую робость
не отыщешь на донце стиха,
так — канава, а надо бы — пропасть,
а на вид — неплоха, неплоха...

5

Я не помню, чего мне хотелось:
птичьих песен, студеной воды?
Но однажды втемяшилась смелость:
выйдя в путь — не бояться беды...
Жить, сверяя по детству, по звездам,
по колючим и чистым мечтам
слово, выдох, поступок и возглас,
и бессонницей звать по ночам
настроенье упорной работы,
сопряженье бумаги и слов,
во главе атакующей роты
занимая плацдармы стихов...
Пусть кивнут — снова крут и задирист...
Нет покоя на этой земле!
Я дружу с тишиною радиста,
продираясь в эфире проблем...

Сергей ГЕРАСИМОВ,
Герой Социалистического Труда,
народный артист СССР

Советскому кино 60 лет.
27 августа 1919 года правительство молодой Страны Советов выпустило декрет «О переходе фотографической и кинематографической торговли и промышленности в ведение Народного Комиссариата просвещения». Декрет подписал Владимир Ильич Ленин. Так была вписана первая строка в историю поистине народного кинематографа, рожденного Октябрем.
Талантливые, гражданственные, страстные произведения киноискусства социалистического реализма — «Броненосец «Потемкин», «Октябрь», «Мать», «Конец Санкт-Петербурга», «Двадцать шесть комиссаров» — принесли принципиально новой социалистической кинокультуре мировую славу.
Советский кинематограф был рядом со своими героями и зрителями в сражениях и трудовых буднях, его история — повествование о пережитом и пройденном народом во имя светлой мечты, волнующая летопись социалистического строительства.
В рубрике «Автобиографии» мы публикуем рассказ «о времени и о себе» старейшины советского кино Сергея Аполлинарьевича Герасимова, чья творческая деятельность художника-гражданина неотделима от замечательной истории советского киноискусства.

В шестидесятом году мне привелось побывать у себя на родине, в селе Чебаркуль, неподалеку от которого, на заимке, прошло мое детство. Я не был на родине лет тридцать пять и вот ехал туда с двумя своими молодыми друзьями, а сам страшно боялся, что они меня высмеют. До этого я рассказывал им всякие чудеса про озеро Чебаркуль, про необычную красоту Уральские горы и местных казаков. А теперь опасался попасть в трагикомическое положение — приедем, а там все иное: и вода не та, и рыба перевелась, и неизвестно, что из друзей-казаков получилось за эти годы?

Картина изменившегося родного края потрясла меня. Я поражаюсь, а мои друзья-казаки говорили: «Ты что, с другой планеты свалился, что ли?» Ребята, с которыми я приехал, влюбилась в этот край, и я был удовлетворен. Я проделал какую-то работу художника, я обнажил перед ними свою личную страсть к этому краю и его людям, к своей родине. Для меня все здесь было родным и поражающе, потому что прошло через мою личную биографию, мою судьбу.

События моей жизни, начиная с раннего детства, очень четко сохранились в памяти. Возраст не заставляет забыть ни детство, ни юность. Наоборот, чем старше я становлюсь, тем отчетливее вижу дни моего детства. Вспоминаю игры в компании отчаянных деревенских мальчишек, удачные рыбалки на озере, веселые летние каникулы. Вспоминаю и тишину коротких зимних дней и длинных вечеров с обязательным чтением Пушкина у керосиновой лампы.

Мой отец был сослан в Сибирь за организацию социал-демократических кружков на Путиловском заводе, политссылной была и моя мать. Из Сибири они перебрались на Урал, где я и родился. Мне было три года, когда отец, инженер на Миасском заводе, трагически погиб. Матери пришлось самой растить пятерых детей, она много работала, и я видел ее редко. Но материальные трудности не помешали моему счастливому детству, семья наша была необыкновенно дружной.

Помню, однажды вся семья собралась в гости, а меня, семилетнего, оставили дома. Я просто выел от обиды, а через несколько минут мой старший брат, любимый мной бесконечно, вернулся и подарил мне походную чернильницу, на которую я давно имел виды. Тут уж я завыл от признательности за любовь и внимание. Я иногда привожу этот поступок брата своим студентам как пример того, что возвышенное и светлое начало может иметь место в самой обыкновенной ситуации.

Удивительно доброжелательным человеком моего детства была няня. Она имела гимназическое образование, хотя вообще-то была женщиной простой и скромной. Она отличалась доброотой и человечностью, безукоризненным вкусом, знала и понимала природу, не переносила лжи. Влияние няни на меня было огромно, я же был впечатлительным, остро воспринимал и переживал окружающий мир. Она привила мне любовь к рисованию, и не потому ли в 17 лет я отправился в Петроград изучать живопись?

Меня, семнадцатилетнего, Петроград заворожил своей красотой, средоточием в этом городе великого множества шедевров искусства. Но еще привлекательнее было множество театральных школ, которые нередко так же быстро исчезали, как и появлялись.

Театр занимал меня с детства, еще в семь лет я играл в «театр». А в восемь меня отвезли учиться в школу в Екатеринбург, и я впервые попал в настоящий театр. Это была опера «Евгений Онегин», и музыка Чайковского зачаровала меня с первых звуков. А после «Разбойников» Шиллера я потерял сон и аппетит, повторяя наизусть яростные шиллеровские тексты. На мое увлечение искусством повлияли и братья — оперный певец и архитектор. Однако детство сменилось отрочеством. И в четырнадцать лет мне пришлось на какое-то время стать единственным кормильцем семьи и идти работать в столярный цех Красноярского стрелочного завода.

И вот — Петроград, этот город открывал для человека, увлеченного театром, множество путей. Я занимался живописью, а вечером выходил на сцену Экспериментального театра. Но как далек был он с его этнографическими «живыми картинками» от театра моей мечты! Однако именно в нем я сыграл свою первую роль — бессловесного гостя на свадьбе. Скоро я заскучал в этом театре и оставил его.

Я учился на втором курсе Художественного училища, когда сидевший за соседним мольбертом приятель сказал: «Хочешь, пойдём покувыркаемся?» Так я, застенчивый провинциал, попал в ФЭКС — Фабрику эксцентрического актёра.

Когда я впервые переступил порог ФЭКСа, молодые люди выстраивались в высокую пирамиду, а Леонид Трауберг, в кожаной куртке, с зеленым шарфом на шее и футбольным свистком во рту, управлял ими. Потом все со смехом свалилось на ковер. Затем Григорий Козинцев приступил к обучению чечетке. ФЭКС имел свою программу, на обложке которой крупными буквами было написано: «АБ! ПАРАД ЭКСЦЕНТРИКИ!» И помельче — девиз мастер-

МОЯ ЖИЗНЬ

ской: «Лучше быть молодым щенком, чем старой райской птицей. Марк Твен».

Все здесь было необычным. Ведь я был воспитан в уважении перед великими, а мастерская ниспровергла и всячески уни-гожала все ранее существующие формы театрального искусства. Одним из методов борьбы стали шумные скандалы в академических театрах, которые фэксовцы устраивали на спектаклях с помощью трещоток и свистков. Зато мюзик-холл, цирк, американские комические детективы вызывали восхищение. Мы знали наизусть ранние короткометражки Чарли Чаплина и имитировали его трюки.

Привлекали меня в ФЭКСе новизна, необычность, молодость близких мне по возрасту участников и мэтров. При первом же знакомстве Козинцев, бегло осмотрев меня, сказал, что я подойду на роль Гамлета. И тут же изложил мне фэксовскую концепцию Гамлета, нещадно модернизированного. Но этому спектаклю не суждено было осуществиться.

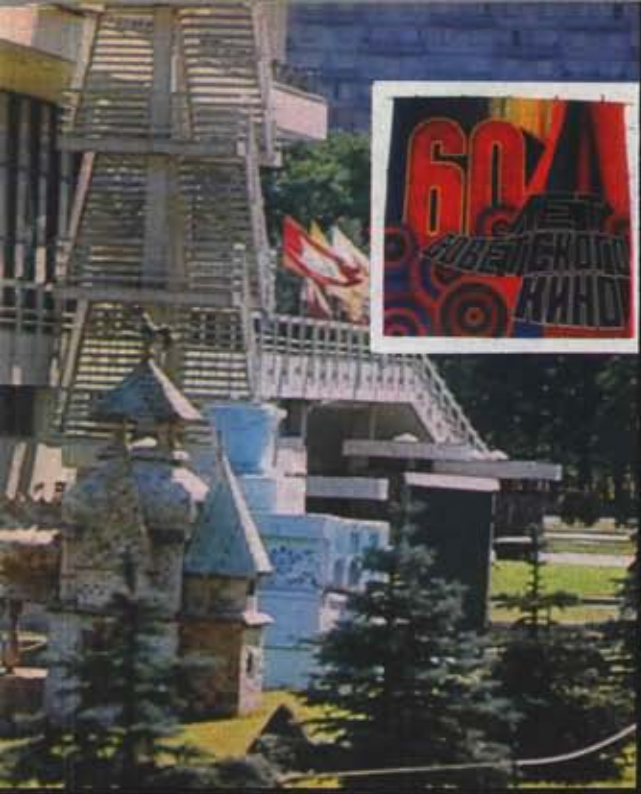
Я вступил в мастерскую в переломный момент ее существования. Никогда не забуду вечера, когда Козинцев, приехавший из Москвы, собрал нас и как-то сосредоточенно сказал: «Мы с Траубергом ездил в

«ЛЕНИН В 1918 ГОДУ».
«БРОНЕНОСЕЦ «ПОТЕМКИН».

КАЖДАЯ РЕСПУБЛИКА СТРАНЫ, КАЖДАЯ СТУДИЯ РАЗВЕРНУЛИ В ВЫСТАВОЧНОМ ПАВИЛЬОНЕ НА ВДНХ СВОЮ ЭКСПОЗИЦИЮ, ПОСВЯЩЕННУЮ 60-ЛЕТИЮ СОВЕТСКОГО КИНО. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ НАШЕГО КИНЕМАТОГРАФА МНОГООБРАЗНО ОТРАЖЕНЫ НА ВЫСТАВКЕ. ПОСЕТИТЕЛИ МОГУТ УВИДЕТЬ ЗДЕСЬ И ЗНАМЕНИТЫЕ ФИЛЬМЫ, И ИНТЕРЕСНЫЕ ДОКУМЕНТЫ, И ДЕКОРАЦИИ, И ДАЖЕ КОСТЮМЫ ПОЛЮБИВШИХСЯ ГЕРОЕВ.

ИЗНА- ИЛЬМЫ

ки». Сыграл злодея и в гоголевской «Шинели». Злодей был создан исключительно фантазией мэтров и сценариста Ю. Тынянова и не оставил во мне никаких впечатлений, кроме отвращения к своему облику.

В те годы заявил о себе на весь мир революционный кинематограф. Самобытностью таланта, политическим темпераментом поражали фильмы С. Эйзенштейна и В. Пудовкина. Мы росли и взрослели вместе со своей эпохой, со своим новым социалистическим искусством, которое именно в эти годы, пока еще инстинктивно, намечало пути своего развития.

Фэковцы в те годы еще не были готовы к картинам большой социальной значимости. Но в фильме «СВД» мы подошли вплотную к истории революционного движения в России. Сценарий Ю. Тынянова рассказывал о восстании Черниговского полка в 1825 году и коварном предательстве авантюриста и провокатора Романа Медокса, роль которого исполнял я. Следуя традиции «фэков» избегать грима, я оттрастил иглообразные баки и в них щеголял по Ленинграду, пугая знакомых и незнакомых.

Студия опубликовала объявление: «Требуются крысы в любом количестве». Медоксу предстояло погибнуть в затопленном монастырском подземелье от нашествия крыс. Съемки происходили зимой. В декорации бассейна хлынула ледяная нежская вода, а помощники режиссера ловили разбежавшихся крыс, которые никак не хотели меня уничтожать, и швыряли их обратно в воду. Тогда, озлившись, крысы действительно кинулись на меня. Это была расплата за элегантную роль с лосинами, треуголкой, фраком с кружевными манжетами и лорнетом на серебряной цепочке.

Потом я основательно окунулся в историю Парижской коммуны — предстояло сыграть журналиста Лутро в «Новом Вавилоне». Этот фильм — веха в жизни ФЭКСа, когда, наконец, мир общественных страстей стал для нас основным предметом исследования. Но именно в этом фильме я почувствовал всю зыбкость актерской профессии. Кинематограф переживал в то время расцвет монтажных поисков, и актер на некоторое время как бы перестал интересовать режиссуру, став одним из компонентов многосложной режиссерской партитуры. И хотя, снявшись в пяти картинах, я приобрел известность и даже стал популярен как актер немого кино, именно после этого фильма меня решительно потянуло в режиссуру. С помощью Козинцева и Трауберга я получил свой режиссерский дебют на «Ленфильме» совместно с С. Бартевым. Мы взяли за постановку сценария с загадочным названием «Двадцать Маратов», который вскоре был разжалован в «Пять Маратов». Прочитав сценарий, замечательный деятель литературы, театра и кино А. Пиотровский сказал: «Здесь и для пяти Маратов не найдется дела, куда уж там двадцать!» Мы вовлекли в эту постановку всех соратников и друзей по ФЭКСу, но все равно картина получилась на редкость безлика.

Еще в процессе работы над фильмом «Пять Маратов» Козинцев предложил мне поработать старшим ассистентом и одновременно исполнить роль председателя в картине «Одна». Я охотно откликнулся на предложение учителя, так как относился к себе самокритично и понимал, что с наличием запаса режиссерских знаний и представлений дело не пойдет. Это был, пожалуй, один из самых интереснейших периодов моей кинематографической биографии.

Шел тридцатый год, проводилась коллективизация, а мы в течение года снимали картину на Алтае, в районах, где веками устанавливался дремучий кержацкий быт. Работа над фильмом затянулась из-за событий, непосредственно связанных с коллективизацией. Многократные переезды обогащали нас реальностью, глубинное знание которой так необходимо кинорежиссеру.

В Ленинграде мне казалось, что реальная жизнь

осталась на Урале, а в кинематографическом мире жизнь текла как бы химерическая. Отъезд на Алтай был для меня возвращением на Итаку, к той питательной среде, где я мог после большого перерыва почувствовать себя хозяином положения. Группа караваном переправлялась с места на место, открывая для себя необыкновенно суровую красоту неизвестных нам районов родной земли. И еще — это было возвращением к любимым картинам детства. И когда я играл председателя, то пользовался воспоминаниями об Урале, которые помогли мне позже поставить «Учителя». Но я пользовался и примерами окружающей жизни, ведь наша съемочная группа попала в самую гущу драматических событий революционной перестройки деревни. Тут нашла подтверждение простая истина: для того, чтобы начать новую дорогу в жизни, продвинуться к искусству в области кинорежиссуры, надо было прежде всего разобраться в себе и окружающем мире. В фильме Козинцева и Трауберга впервые зазвучала музыка Шостаковича, но актеры еще молчали. А я в «Одной» впервые почувствовал необходимость заговорить осмысленно, содержательно, по сути происходящих событий. Сама логика реалистического действия диктовала реалистическое поведение актера. И как я был поражен, когда этот маленький секрет решил, по сути, успех роли, замеченной именно по этому признаку, сделавшему ее более правдивой.

Были у нас и долгие вечера при маленькой керосиновой лампочке, а то и при свече, чтобы, как выражаются сибиряки, повечеровать. Эти разговоры тоже стали для меня школой режиссуры. Но еще важнее в этой поездке стало другое: я шел к пониманию, что единственная истинная мерка, которая есть в руках режиссера, — жизнь, и к ней надо обращаться постоянно и бесконечно.

По возвращении с Алтая Козинцев предложил мне разделить с ним педагогическую деятельность на киноотделении Института сценического искусства, которое годом раньше закончили все ученики ФЭКСа, слившегося с институтом. Так в 1931 году началась моя педагогическая деятельность, а через год мастерская перешла под мое непосредственное руководство. Именно со студентами этой мастерской я и выступил через три года со своей первой звуковой картиной «Семеро смелых». Правда, до этого я поставил еще два немых фильма: «Лес», непосредственно по алтайским впечатлениям, и комедию, которая вышла под очень странным названием «Люблю ли тебя?». Речь в ней шла о студенческой любви и студенческом браке, отношениях, хорошо мне известных. И что-то в этом фильме, по-видимому, удалось, потому что его хорошо приняла не только публика, но и критика. Мне эта картина дорога потому, что в ней, как и в жизни, много тем, а мне к тому времени надоело делать фильмы о кооперации или о трамваях и больше ни о чем.

И вот, наконец, произошла встреча с молодым писателем Юрием Германом и комсомольцем-полярником Костей Званцевым, бывшим в свое время тоже учеником ФЭКСа. Небольшая книжка с историей его зимовки послужила основой для сценария. Сценарий фильма «Семеро смелых» мы написали совместно с Германом. Для киноискусства эти годы стали особыми. Вышел фильм «Чапаев», который особенно повлиял на кинематографическую молодежь: всем хотелось создать своего «Чапаева». Сама жизнь Страны Советов, пульс эпохи давали художнику, сопричастному этой жизни, колоссальный материал героического, которое становилось частью повседневного труда. Газеты были полны сообщениями о покорении советскими летчиками воздушных пространств и арктических широт. И фильм «Семеро смелых» мы снимали непосредственно в Заполярье, на Кольском полуострове, на острове Рыбачьем, на Кильдине. Жили дружной, веселой семьей, как истинные полярники. Самому молодому из моих студентов, Петру

Москву. Видели «Стачку» Эйзенштейна. И стало ясно, что все, что мы с вами здесь делаем, — детские затеи. Есть кое-что посерьезней...»

Мысль ставила перед нами барьеры сомнений, но инерция еще двигала по старому пути. Так родился комический фильм «Мишка против Юденича», с которого я и был классифицирован мастерской на амплуа злодеев. В роли шпиона я в зимние холода снимался в черном котелке, полосатой футболке и черных узких штанах с подтяжками. Подчиняясь железной дисциплине мастерской, слепо и безраздельно влюбленные в своих шефов, мы шли на самые нелепые трюки. И только в силу молодости и железного здоровья выдюжили до следующей постановки — романтической мелодрамы «Чертовое колесо», где я был главарем бандитской «хазы», загадочным и многоопытным проходивцем под именем «Человек — Вопрос». И тут я испытал горчайшее разочарование, когда увидел, как бестолково гримасничаю на крупных планах. Мера эксцентрических усиления и обострений, составлявших предмет поиска на площадке, оказалась чрезмерной на пленке...

Видимо, мне на роду было написано играть злодеев. По инерции я сыграл такового и в фильме «Братиш-

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ».

«У ОЗЕРА».

«КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ».

Алейникову, было шестнадцать. И все для нас в те годы было просто. Когда нам не хватало для съемок зимы в Заполярье, наша отчаянная команда выобразилась на «Приют одиннадцати» на Эльбурсе. Никто из нас не был альпинистом, и совершили мы это восхождение без всякой подготовки, буквально харкая кровью, сумев отнять все, что было нужно, за три дня. Нельзя забывать, что мы делали почти биографическую картину. Ведь среди нас не было никого старше 30 лет. Мы трактовали молодость наших героев с позиций собственной молодости.

Я никогда не думал о себе как о режиссере молодежной темы, но, будучи в то время человеком молодым, вновь и вновь возвращался к жизни сверстников.

Для написания сценария фильма «Комсомольск» я со сценаристами З. Маркиной, М. Витухновским и своим ассистентом Н. Кладом отправился на место действия. Меня, естественно, влекло на Дальний Восток, который в те времена стал центром индустриального наступления. О Комсомольске много писали, он привлекал к себе внимание всей страны. С Дальним Востоком была тесно связана жизнь и деятельность человека, дорогого мне и в личном и в творческом плане,—Александра Фадеева. С Дальним Востоком были связаны рассказы Фадеева, которого я к тому времени воспринимал как своего первейшего и главного друга, учившего меня понимать жизнь, революцию, партию и свой человеческий и художественный долг. Вместе с другим близким мне художником—А. Довженко—они побывали в Комсомольске двумя годами раньше, и я от них много слышал об этом городе. Но надо было своими глазами увидеть обширность пейзажа, огромность реки и простодушное геройство первых поселенцев, чтобы понять размеры темы, ее поэтическое существо. Никогда не уйдет из памяти знакомство с Блюхером и Крутовым, которые решали битву за Дальний Восток.

Помню, перед поездкой в Комсомольск-на-Амуре для натуральных съемок пришлось выдержать борьбу. Нам предлагали снимать любую новостройку под Ленинградом. Мы яростно отбивались, потому что побывали уже в Комсомольске и видели, что там все не так, все по-иному и даже сам воздух не тот. Работая над фильмом о Комсомольске, где суровая жизнь на новых, еще не освоенных местах вскрывала человека до самой сердцевины, мы и героиню комсомольского труда стали понимать серьезней и глубже. Как никогда, почувствовал я в работе над этим фильмом удивительную силу кинематографа, способного фиксировать реальную жизнь с такой убедительностью, которой, быть может, еще владеет только всемогущая литература.

В разгар съемок «Комсомольска» у меня возник замысел другой картины—«Учитель», сценарий которой я и написал, вернувшись в Ленинград. Написал быстро и решил ставить, не переделывая, как сложился. Я описал и героя фильма и окружающих его людей, в значительной мере исходя из своих личных наблюдений. В этом фильме я хотел рассказать о людях, мне более всего знакомых и близких, откликнуться на тему, которая более всего меня волновала. В фильме я использовал дорогие мне воспоминания уральского детства. Половину своей жизни я говорил с характерным уральским акцентом. И своих героев я наделил оттенками такой речи: мне казалось, что их мысли могут быть выражены только этими словами и этой интонацией. Я люблю этот фильм, пожалуй, больше других своих работ. В нем все для меня слитно с началом самостоятельной жизни, когда мир вокруг меня по молодости лет казался необыкновенно ясным, добрым, всем своим светом и теплом повернутым ко мне. Я сам рисовал художнику интерьеры и планировку, вспоминал те дома, где я жил или гостил в деревнях Сарафановой и Малковой, в Кундравах и Чебаркуле. И вместе с уральским диалектом, с его забавными смягчениями и еле заметным оканьем в фильм пришло и убранство дома, и частушки, и кадрили, которую в наших местах почему-то обязательно танцевали в глубоких калошах. Прототипом образа председателя колхоза Ивана Лаутина стал реальный человек, которого я знал. Весь строй характера, способ мышления, все особенности поведения, отношения к труду, к семье, особенно темперамента, строя речи стремился сохранить нетронутыми. «Изобрести» характер Лаутина я бы не сумел, если бы не знал его своеобразия, всей сложной логики его поведения в действительной жизни. Но самым интересным в этом характере была для меня главная его черта: святая убежденность в правде и мощи революции, несокрушимая вера в советский строй, в победу коммунизма.

Сейчас, вспоминая фильмы 30-х годов, мы часто спрашиваем при этом: что составляет их неуявляемую свежесть и силу? Ответ простой: прежде всего их глубокая идейность. Разумеется, мы многое приобрели с тех пор, но тогда кинематографисты моего поколения опережали время с энергией молодости, раскрывая для себя самые глубинные секреты новой общественной жизни.

Однако при всей нашей упоенности и увлеченности работой судьба картины была не простой. Наибольший успех сопутствовал фильмам, посвященным революционной истории страны. Правда, воплощение современности наталкивалось на трудности в поисках выразительной формы изображения жизни людей тридцатых годов. Я выстроил свой фильм как незавершенное повествование с обыденной и банальной драматической коллизией, историей семейных отношений и постепенного вызревания натур, что для кинематографа явилось дерзкой попыткой.

Для режиссера самой трудной и даже мучительной минутой бывает неизбежный грозный просмотр, когда, собрав картину, заросший многодневной бородой, режиссер спускается из монтажной в просмотровый зал, где, притаившись по углам, сидит весь коллектив. Именно после такого просмотра «Учителя» Г. Козинцев, какой-то загадочный и задумчивый, вышел со мной в коридор, молча постоял, потом повернул меня к себе и сказал: «Послушай, Сереженка, это же прекрасно». Эта фраза определила окончательно наши отношения с Козинцевым—режиссером, учителем, другом. Определила потому, что он, человек высокой культуры, понял в моей далеко не совершенной работе ее истинное содержание, которое было мне дороже всего. Он уловил в ней признаки жизни и тем бесконечно приблизил меня к себе, открывшись мне новой своей стороной, начисто свободной от городского снобизма и эстетической предвзятости.

В этот момент для меня открылся важнейший принцип и жизни и искусства: научиться понимать и ценить несвойственное тебе, то, чего ты сам не умеешь да и не хочешь делать.

В 1940 году мне предстояло поставить свою первую экранизацию—фильм «Маскарад». Величайшую драму Лермонтова на сцене Александринского театра в знаменитой постановке Мейерхольда—с Ю. Юрьевым в роли Арбенина—я видел неоднократно. Но я представлял себе Арбенина иным. И на его роль пригласил Мордвинова. За короткий срок съемок сблизился и столкнуться нам помогли непосредственно стихи Лермонтова. Работая с Мордвиновым, я испытывал жгучую ревность, так как где-то в подсознании сам мечтал о роли Арбенина. И совершенно случайно сыграл другую роль—Неизвестного, которая предназначалась моему старому другу по ФЭКСу О. Жакову. Мы уже сняли несколько молчаливых сцен, и наступила пора чтения стихов. Массовка собралась, а Жаков все ходит, как бы собираясь с мыслями.

— Ну, брат,—сказал я, теряя остатки терпения,—может быть, уж начнем.

— Да, да,—сказал Жаков.—Да, да... Минутку погоди.—И быстро вышел из павильона.

Я отпустил массовку, а через полчаса опять все собралось. Жаков решительным шагом подошел ко мне близко, вплотную, и сказал с виноватой и горестной улыбкой:

— Не могу, брат. Не выходят у меня стихи. Никогда я их, проклятых, не любил! И вот сейчас читаю—и сам не верю.

Зная его немислимую скромность, я сопровивлялся как мог этому неожиданному решению, но на этот раз он был совершенно неумолим.

— Слушай, сыграй сам,—сказал он, решительно снимая с себя домино.—Ну, ей-богу, у тебя выйдет!

Отступить было некуда, и я решил послушаться Жакова. В гримерной наспах тупой бритвой мне сняли усы, наспах сделали грим, я надел костюм Жакова и вышел играть.

Теперь мне предстояло в жалком бритом виде предстать перед Макаровой. На счастье, она была в Москве, но когда-нибудь это должно было произойти. И когда Тамара приехала, я не пошел ее встречать, а отправился на студию, где гример наклейл мне временные усы—наподобие моих натуральных. Так я и проходил в них целый день, подготавливая Тамару.

А за обедом усы снял. Впечатление было ужасное.

Мы закончили «Маскарад» в субботу 21 июня 1941 года. На следующий день, в воскресенье, была назначена официальная сдача фильма лермонтовской юбилейной комиссии. Вдруг в просмотровый зал вбежал кто-то из ленфильмовцев: «Товарищи, выходите во двор. Сейчас будет передано по радио правительственное сообщение».

Как и у всех людей нашей страны, в эти первые минуты душевное потрясение было необыкновенным. Ломались все соизмерения и масштабы событий, интерес—начинался иной счет времени, иной счет оценкам и обязанностям.

В первый день войны мы забыли о фильме «Маскарад». Но потом нас пригласили в Москву сдать фильм Комитету по делам кинематографии. Мы сидели с М. Роммом, который был тогда начальником Главного управления по производству художественных фильмов, в просмотровом зале, и обом нам было странно смотреть на экран, где протекала жизнь словно бы в каком-то совсем другом измерении.

В тот же день вечером мы с Роммом отправились в Ленинград, чтобы как-то определить дальнейшую

судьбу «Ленфильма». На пути в Ленинград, в Бологом, попали под первую бомбежку. Не доезжая до Любани, поезд снова остановился. Здесь вокруг упавшего полусожженного «юнкера» со свастиками на крыльях собралась толпа. Три мертвых летчика лежали тут же. Это было мое первое и потому, думаю, наиболее сильное впечатление от войны, причем не на фронте, а в тылу.

Ленинград встретил нас окнами, заклеенными крест-накрест, поразительной тишиной. К середине июля в городе возникла какая-то странная тишина заколоченных дач. Многие предприятия эвакуировались, и город освободился от производственного шума. В те дни Михаил Калатозов, Тамара Макарова и я шли по ленинградским улицам, ощущая оскорбительность, парадоксальность этой тишины в резком столкновении с тем, что мы думали и ощущали. Перед этим мы с Тамарой встретились с давнишним нашим другом Калатозовым, чтобы решить нашу судьбу. Тамара сказала: «Я никуда не поеду из Ленинграда. Я здесь родилась, прожила всю жизнь и никуда не поеду». Мы шли в Смольный, чтобы сказать об этом решении. Нас оставили в Политуправлении фронта и тут же дали задание—написать воззвание к ленинградцам.

13 августа сорок первого года мы с Тамарой вступили в партию. Наряду с работой в Политуправлении фронта по рекомендации Жданова мы принялись за постановку фильма о военном Ленинграде. Но еще раньше мы стали снимать короткометражные агитационные киноплакаты: «Встреча с Максимом», «Победа за нами», «Чапаев с нами», «Старая гвардия».

Сценарий для полнометражного художественного фильма писали втроем—Калатозов, Блейман и я. Тамара, пока писался сценарий, пошла работать в военный госпиталь медсестрой.

Мы снимали фильм «Ленинградцы» как неприкрашенную правду о жизни и быте города-героя в грозную осень сорок первого. Отдельные игровые сцены снимали на местах подлинных событий, в натуральных съемках участвовали жители города. Жизнь в Ленинграде становилась все труднее: непрерывные бомбежки, позже—систематический артобстрел. С каждым новым блокадным днем трагически обострялся голод. Наступала блокадная зима.

7 ноября мы решили сходить к себе на квартиру. На дверях кинотеатра «Молния» на Петроградской стороне увидели написанную от руки афишку: «Сегодня новый художественный фильм «Маскарад»».

Мы пошли, сели среди усталых, сумрачных людей. Дважды сеанс прерывался сиреной воздушной тревоги, и механик спрашивал у публики:

— Пойдете в убежище или крутить дальше?

— Крути дальше!—отвечали ему из зала.

Отсняв в Ленинграде натурные сцены, мы отправились в Среднюю Азию для завершения съемок и монтажа. В октябре 1942 года всем съёмочным коллективом вернулись в Ленинград, когда уже блокада стала «нормой» бытия для оставшейся в живых части ленинградцев.

Жили мы в «Астории» как приезжие люди, потому что за минувшую зиму наши квартиры стали абсолютно нежилыми.

Шла вторая блокадная зима. В номере температура не поднималась выше нуля, в ванной намерз лед. Голод и холод стали обыденностью. Но к этому времени Ленинград достиг тех высот стойкости, которые сделали его легендарным.

В конце 1942 года нас вызвали в Москву, где мы сдали «Ленинградцев», вышедших в прокат под названием «Непобедимые».

На «Мосфильме» я поставил свой следующий фильм—«Большая земля». И опять-таки картина рождалась не от праздного вымысла, не от кабинетных сочинений, а от реальной жизни эвакуированного на Урал Кировского завода. Непосредственно на «Уралмаше» мы снимали все сцены жизни эвакуированного Кировского завода. Этот фильм до сих пор дорог мне своей достоверностью, а работу в нем Тамары Макаровой я и сегодня считаю ее лучшей работой.

Я рассматриваю фильмы военных лет как важнейший период в моей человеческой судьбе, в моей творческой биографии. Война всколыхнула в нас потребность еще более глубокого взгляда в человека, и в его душе многое обнаружилось: раскрывшийся в годы тяжелых испытаний истинный героизм, беспредельная сила духа.

Весной 1944 года меня назначили директором Центральной киностудии документальных фильмов. Надо было изучать все сначала, так как до этого документальной кинематографией я не занимался. И ленинградский опыт, разумеется, в огромной степени помог мне найти свое место в этом сложном и своеобразном искусстве. Новая работа была связана с разъездами, интересными встречами, обилием впечатлений. В числе первых хроникеров я прибыл в освобожденные Будапешт, Вену, Прагу, в поверженный Берлин. Возглавлял съёмочные группы на Ялтин-

ДЕВОЧКА, ЗАЖИГАЮЩАЯ ЗВЕЗДЫ

Тамара
ПОНОМАРЕВА

*Розы палочкой волшебной зажигала,
И на дне морей искала янтари,
И тайком от ночи блики собирала
Красноперой и безудержной зари.*

*И спешит на свет веселый попугай,
Кошка дачная на цыпочках идет,
В красках лета даже челка золотая,
И под кисточкою ласточка поет.*

Яркий отсвет звезды и алый цвет розы... Небесная высота и земная красота... А под кисточкой у маленькой художницы возникает сказочное видение, которое так близко творчеству поэтов! Девушка с волшебной палочкой на лугу перед призрачным замком прикасается к бутонам роз, и они превращаются в лучистые звезды. Гармоничен цвет и естественна задумка. Она идет от внешних ассоциаций, преломленных по-своему в сознании творца. Не в этом ли проявление настоящего таланта?.. А может быть, в первом удивлении, первой встрече с чудом, казалось бы, в обыкновенной человеческой ситуации?..

Вспомните Илью Репина — сына чугувского поселенца — и его первое знакомство с народным художником Тронькой, нарисовавшим на глазах изумленного мальчика разрезанный арбуз. Илья, увидев воочию, как наливается ярким алым соком мякоть и как проступают на ней маленькие черные семечки, потрясенно прошепчет:

— Чудо! Чудо!

Вспоминаю одну из елок, которые в доме маленькой художницы покупались задолго до Нового года.

Елку ставили в большую банку. От дерева пахло хвоей, ядреным морозом и смолой. Но, главное, елка была зеленой и вихрастой, словно дерзкая подружка-сверстница. Девочка все время ждала от нее какой-нибудь каверзы.

— Чудо! — восторженно закричала однажды девочка, сияя глазами. — Папа, чудо!

Отец, недоумевая, пошел за дочкой в ванную. Девочка приговаривала:

— Чудо! Какое же это чудо!

Оказывается, елка пустила зеленые

СОРЕБНОВАНИЕ.

НАТЮРМОРТ С КУВШИНОМ.

по детскому рисунку сказал: «Эта кошка — собеседница».

В картонных коробках девочка хранила «драгоценности»: перстенок, сделанный из проволоки, браслет из старых бус, ожерелье из золотистого бисера и алых пуговиц, две сережки — одна магазинная, вторая — сделана руками художницы.

И, как «отражение отраженного», рисунок девочки, где красавица в алом плаще примеряет драгоценности, а за спиной — другая девушка несет новый набор бижутерии.

И так всегда: одно дополняет другое, одно проистекает из другого. В своем творчестве девочка многогранна и неутомима. «Драгоценности» нужны для рисунка, рисунок же дополняет то, чего художница не смогла досказать в стихах, и наоборот.

В шесть лет художница получает первую премию на конкурсе «Рисунок на асфальте». Она нарисовала любимого героя — Буратино, зарывающего деньги под березой, за которой пряталась лукавая лиса Алиса. Береза была ветвистая, с белым стволом и очень большая. Именно ее необычная величина и покорила жюри.

Девочке было семь лет, когда появился рисунок «Зима», и восемь, когда его опубликовали в газете «Пионерская правда».

Зимой 1975 года девочка познакомилась на выставке картин с известным художником Вячеславом Сергеевичем Кондратьевым. Художница сосредоточенно вбирала цвета, замирала перед понравившимися полотнами, удивлялась и, как струна, звенела после каждого соприкосновения с искусством. Этим обратила на себя внимание Кондратьева.

Захотела посетить выставку Вячеслава Сергеевича вторично и принесла по его просьбе свои рисунки. Один из наших старейших художников пригласил девочку к себе в гости.

Отец, присутствовавший при этом, был поражен тем контактом и взаимопониманием, которые возникли сразу между старым мастером и ребенком.

На прощание Кондратьев подарил маленькой художнице карманный этюдный набор акварельных красок «Малютка». Но девочка ими не пользовалась, берегла как драгоценную реликвию. Счастливая случайность — встреча с мастером — жила в душе маленького человека постоянным праздником.

побеги и ветви ее наросли, словно высунули из косматой шубы маленькие ручки, похожие на кисточки ушей белки. Это открытие принадлежало шестилетнему ребенку.

У нее было много увлечений — лепка из пластилина, аппликация, вышивки, коллаж, рисование. И еще она любила писать стихи, часто шуточные:

Путаница

*Лает кошка у окошка.
Очень много знает кошка,
А в курятнике живет
Чудо-юдо бегемот.*

*Мыши книжку так читают,
Что страницы вылетают.*

Мастерство ребенка — это реальное проявление его силы и гибкости ума, воображения, умения воплотить свой замысел в материал. И все-таки главное — эмоции, мир, в котором живет маленький творец. Вот ее рисунок «Дачная кошка». На подмосковной даче жила дикая кошка, с которой очень дружила девочка. Она ее трогательно подкармливала молоком, колбасой и другими вкусными вещами. Однажды кошка появилась с выводком котят. Решила, видимо, представить их своей маленькой подружке...

Девочка начала делать наброски портрета кошки на даче, а закончила его по памяти в Москве.

Зеленоглазая кошка, полуоткрыв рот, словно что-то продолжает рассказывать девочке. Один из специалистов

ДЕВОЧКА, ЗАЖИГАЮЩАЯ РОЗЫ.

Продолжение на IV обложке.

Геннадий МАШКИН

ПЕРВОТРОП

В таком исторически завынном городе, как Иркутск, начинающим писателям немудрено было сбиться в артель. Но артель эта, или Стенка, как называли себя мы после знаменательного Читинского семинара с легкой руки Александра Валентиновича Вампилова, образовалась немеханическим путем. Мы собрались в Стенку по душевной потребности, стараясь помочь друг другу в пути. И первые произведения создавались на глазах друг друга. Порой на общих веселых сходках обсуждался замысел, читались готовые куски, а то и все написанное.

Вспоминается, как мы сходились в Рабочем предместье на квартире у Глеба Пакулова. Глеб, широкий, костистый, монголистый техник-геофизик, готовился к очередному полевому сезону. Мебели у хозяина не было. На полу были разостланы спальные мешки, а посредине стояла пишущая машинка «Ундервуд», спасенная из металлолома.

Мы ставили возле машинки несколько бутылок пива, баночку ельцовой икры и буханку хлеба.

— Сегодня сочиняем рассказ в честь уходящего в поле геофизика!—объявлял напористый журналист Юлий Файбышенко и обводил весь круг лучающимися стеклами очков.—Саша, начинай!

И Александр Вампилов, заводила в таких случаях, раскручивал импровизацию на тему таежной жизни. Хозяин постукивал на машинке, прихлебывая пиво из походного котелка. Остальные, похотывая, подавали реплики.

«Федька Хряк вылез из палатки, почесал волосатую грудь, и тайга застонала, будто живая.

— Ого-го!—загремел Федька, приставив лапищи ко рту.—Не забуду мать родную-ю-ю!

Гольцы, тайга и хмурая падь отозвались печальным эхом:

— Нет счастья в жизни!

Федька удивленно вскинул голову и увидел клин журавлей, курлычущих под облаками».

— Стоп, ребята, стоп!—прервал сочинение энергичный Вячеслав Шугаев.—Слабо получается. Не слышно хруста, хрипа и скрипа!

И мы дружно задышали, приканчивая таежную историю, где в финале вершился суд скорый и правый над браконьером:

«Федька вбил свой кулак в нористый рот Чефириста, и оттуда полетели ржавые зубы, как зерна из кукурузного початка. А сам Чефирист свалился в улово, где его поджидал бревно-таймень, и только круги разошлись по воде».

— Вот это по-нашему, по-таежному, почти по-шишковски!—торжествовали мы, гулко хлопая друг друга по плечам.—В «молодежке» должны понять и принять...

— Полагаю, пробьем,—соглашался Вампилов с лукавой блеснинкой в зауженных своих глазах.—Нас же много, а редактор один.

Однако пробытия и более серьезных вещей длились порой годами. Так было, к примеру, с пьесой «Утиная охота», которая своеобразно начиналась и сложно писалась.

Как-то Александр услышал от геологов рассказ о шутильной проделке в одной из партий Бодайбинской экспедиции, камеральничавшей в Иркутске. Геологи-полевники вообще отличались веселым нравом, многие знали наизусть «Двенадцать стульев» и «Золотого тельца», и шутки друг над другом были в большом ходу.

А тут двое из камеральщиков купили в ответ на очередной розыгрыш товарища похоронный веночек и написали на ленте: «Дорогому Юрию Александровичу, сторежнему на работе». Веночек был отправлен в камералку живехонькому Юрию Александровичу.

Но ожидаемого дружного смеха не последовало. Все в камералке съезжались, будто в теплое помещение ворвался ледяной ветер, а сам Юрий Александрович сказал в злобней тишине:

— Ну, дошутились, друзья-товарищи... Так недолго дойти до полной прострации, парни...

Александра Вампилова, вообще близко воспринимавшего дела геологов через брата минералога Михаила, необычайно задела история с венком. Несколько дней Александр испрашивал подробности, ходил в камералку на улицу Чайковского, искал встреч с участниками проделки.

Тогда мы не понимали, как можно повернуть эту неудачную шутку, чтобы раскрылась значительность происшедшего. А начинающий драматург увидел в неудачности драматургический момент. И Александр со свойственной ему напористостью и последовательностью стал разрабатывать жилу по этому случайному и вроде бы нетипичному случаю, раскрывая его во фланги и на глубину.

В результате написалась «Утиная охота», в которой есть самобытное сочетание правды и остроты современного жизненного расклада. Стенка встретила пьесу с полным пониманием.

Худсовет собрался в каком-то подсобном отсеке прекрасного здания драмтеатра, выстроенного, как любил говорить Александр, сообразно вкусам сибирского негоцианта. Нас поразило первым делом обилие старичков и старушек среди членов совета театра. Многих мы и не видели в спектаклях, но на теперешнем заседании они явно задавали тон. Даже главный режиссер театра заискивал перед заслуженными старичками. А молодежь вообще теснилась по углам, не смея прерывать старших.

— Что за писатель такой?

— Какой-то Вампиров.

— Ну, что ж, послушаем...

Александр был уверен, что написал стоящую вещь. Главное, пьеса максимально сближена с нуждами, тревожениями сегодняшнего человека. Разве это может оставить равнодушным художественно чутких людей, пусть что-то еще и не удалось по мастерству вывести на уровень старой драматургии?!

И Александр начал читать мягким своим, выразительным, расстановочным голосом. Мы заслушались в какой уже раз... И вспомнили, что мы не в Рабочем предместье только тогда, когда Александр глуховато объявил: «Занавес».

И тут начали прокашливаться члены худсовета, поглядывая ревностно друг на друга: не выскочил бы вперед кто поменьше. Но поднялся самый знатный старичок с седыми бакенбардами, багровым носом и галстуком-бабочкой.

— Нет, не Шекспир перед нами, далеко не Шекспир!—произнес он роковые слова.

За первым оратором слово взяла сухонькая старушка в капроновой шляпке, с раскрытой книжкой в руке и огромным значком лауреата областного смотра культуры на лацкане пиджака. Подняв глаза к потолку, передовица затянула:

— Не знаю, как кто, но я целиком против... Где-то я уже видела гроб, который вносят на сцену... В зарубежном спектакле...

— Маяков нет!—забасил известный актер, который всегда играл исключительно героев положительного плана.—Где маяки, хочется спросить молодого автора?

— Так моя вещь не о море,—с наигранной растерянностью ответил Александр.—Это же про утиную охоту...

— Вот и охотитесь в другом месте на здоровье, молодой человек!

Не могли переломить настроение «знатоков» сочувствующие нам, литературной поросли, завлит театра Раиса Васильевна Курбатова и ее муж, незаурядный актер и режиссер Александр Николаевич Терентьев. Не смогла поддержать их и сочувствующая молодежь.

Когда мы уходили, молодежь возбужденно зашептала по углам, но в открытую продемонстрировать свою солидарность с автором тогда не посмела.

На лестнице нас догнал мужчина фронтového возраста, о чем свидетельствовали и орденские планки на мятом пиджаке.

— Паренек, ты не верь им!—заговорил мужчина, заметно заикаясь.—Написано крепко! Раздел в том числе и нас. Оттого залютовали. Но так держи! Еще будут ставить, читать, обсуждать!

Тогда это торопливое признание художника придало сил Александру. Это произошло и потому, что мы в своих литературных началах тесно примыкали к фронтовикам, которые осваивали перо иногда с большими трудами, чем их молодые собратья. Ближе всех к нам стоял уважаемый Дмитрий Гаврилович Сергеев, фронтовик, геолог-поисковик и писатель. Он вышел на геологическую тропу сразу после войны, а на десять лет позже. Но печататься в областных газетах и журналах мы начали почти одновременно. Только в рассказах Сергеева сильнее ощущался жизненный опыт. А это в художественном творчестве ничем не подменишь. Насыщенный пласт жизни—фундамент любого произведения. Пережитое придает повествованию неповторимый запах, крепость, точность и расцветку.

Сочинить крепкие строчки нетрудно тому, чье детство прошло в тридцатые годы. У Дмитрия Сергеева это детство оборвалось с началом войны. Из девятого класса он ушел добровольцем на фронт.

«...И вот прижал нас немецкий пулеметчик в болото, кинжалным огнем порубил камыши вокруг... Слышу стоны—бойцы моего взвода под камышами... А пули—фью-ю-ть, фи-и-и... Головы поднять не дают—отлично немец пристрелялся по нас: огонек весело скачет в щелке-амбразуре... «Что делать, товарищ лейтенант?—сзади спрашивает боец.—Отступать или до конца идти?» «Сейчас,—отвечаю,—мы это гнездо разворотим и вперед!» Сам руку к ремню, где граната. Хорошо метал я камни в детстве, а в училище на счету был по меткости... Ну, и замакнулся на амбразуру гранатой. И тут в руку ткнулось что-то, ожгло... Пулеметчик упредил и по руке—очередью... Так и снится до сих пор тот огонек в черной щели и будто я все поднимаю гранату, да никак не могу отвести руку на полный взмах».

Это устный рассказ Дмитрия, он найдет потом свое место в повествованиях о войне. Мы слушали эту историю и рассуждали о том, что фронтовой опыт—это незабываемое. Недаром Эрнест Хемингуэй сказал, что писателя рождает детство, а писать по-настоящему заставляет война. Но Хемингуэй не знал, что такое геологический сезон в Сибири. А это весомое добавление к военному опыту, по-моему. «Эх, дороги, пыль да туман, холода, тревоги да степной бурьян»,—это поют геологи как свою родную песню.

В тайге и туманы зябче, и холода лютее, и тревоги—на каждом шагу. Дорог же вообще нет. А всего геологических сезонов у Дмитрия теперь за плечами двадцать. Как пришел после демобилизации домой, так и «не снимал рюкзака», отправился на поиски нужных в нашем хозяйстве руд и металлов. Геологическое образование дохватывал на ходу и так поднаторел, что известный составитель обзорной геологической карты Восточной Сибири Салоп не преминул воспользоваться одной крупной структурной расшифровкой участкового геолога Сергеева, правда, не упомянув его имени в числе составителей карты. «Антиклиналь перерисована в точности с моего планшета,—с добродушной улыбкой вспоминает об этом случае Дмитрий до сих пор,—а имени в авторском списке нет... Вот я и решил за перо взяться, чтобы оставить свою фамилию хоть в области сочинительства...»

честь великого ученого. Преклоняюсь перед ним. Тут прочерки—названия городов, сами проставите—те, в которых бывали, чтобы не запутаться.

Астахов потер себе грудь. Ему нечем было дышать.

— Вы умный человек, Астахов. Поэтому не буду играть в прятки. Временному правительству повстанцев позарез нужен разоблаченный советский агент, чтобы показать миру, как его обманывает Москва. Вы самая удобная кандидатура. Поймите, вас можно было бы объявить резидентом и без вашего участия: просто арестовать, сообщить об этом всему миру, расстрелять. Вариант с вашим собственным признанием придумал я, чтобы спасти вас. Кто знает, может быть, за это русские когда-нибудь по-доброму отнесутся и ко мне,—вздыхнул Калишер и добавил деловито:—После пресс-конференции вы получите крупную сумму денег, сможете поселиться в любом месте земного шара по выбору. Транспортировка—наш. Будете жить в тишине, адали от политики, воспитывать честного сына. Денег хватит до конца жизни. Конечно, при разумной трате. Ну так как же, товарищ полковник?—Калишер взглянул на часы:—Время, время...

Астахов не отвечал.

В саду снова раздался тревожный и нетерпеливый крик ящерицы: э-у, э-у, э-у...

Снова, уже в азарте, часовой считал: принесет ли она ему счастье? Нет, снова не принесла. Ровно шесть раз, проклятая ящерица! Напарник засмеялся.

Оторвавшийся мокрый край брезента дважды тяжело хлопнул под ветром.

Раздосадованный часовой в сердцах пальнул в ту сторону из автомата.

Его напарник засмеялся еще громче...

— Что это?—спросил Кларк.—Стреляют?

— Нет,—ответил Игорь.—Брезент опять оторвало.

— Только осторожно!—сказал Кларк, вручая Игорю бумагу в целлофановом конверте.

— Все будет в порядке,—ответил Игорь и через черный ход на кухне вышел в сад.

Он снова двигался вдоль каменной стены, увитой плющом, касался мокрых камней ладонями. В эту темную ночь сквозь пелену дождя его не могли видеть часовые.

Он дошел до угла стены, сделал еще несколько шагов и нащупал знакомый выступ. Подземный ход, который когда-то в детстве они вырыли вместе с Абу, здесь.

Игорь опустился на корточки, увидел Абу, улыбнулся.

— Так и лежишь с закрытыми глазами. Я же говорил тебе—переберись под брезент. Все в порядке. Вот...

Он полез во внутренний карман куртки за драгоценной бумагой, но вдруг увидел, что Абу не открывает глаз.

— Да ты что? Уснул?

Он дотронулся до мокрых волос Абу. Потом схватил голову друга обеими руками. Склонившись над ней, ясно различил над ухом поближе ко лбу маленькую аккуратную дырочку. Крови не было видно, ее смыло дождем...

Калишер почти сочувственно посмотрел на собеседника:

— Ну, хорошо, еще один аргумент. Ваш сын.

— Что вы хотите от Игоря?!

— Я?—поднял плечи Калишер.—Ничего. Это вы хотите. Воспитать честного, благородного человека. На каком примере, позволите вас спросить? Управляющего паршивым отелем? Человека без родины? Неудавшегося кларнетиста? Богатый выбор! Если же вы делаете то, что предлагаю я, вы подарите ему отца-героя, разведчика.

— Я стану для него предателем.

— Да никоим образом! Вы получили задание из Москвы—раскрыть себя. Для того, скажем, чтобы спасти настоящего резидента. Ну или что-то в подобном духе. Отработаем потом.—Калишер помолчал немного, отхлебнул кофе и добавил:—Имейте в виду: это предпоследний.

— Что предпоследний?—не понял Астахов.

— Аргумент.

— У вас есть еще один?

— Есть, Астахов, есть. Я не хотел доводить до него. Он вульгарен, не мной придуман. Но приходится. Итак, последний аргумент...

В номере у Кларка собрались, кроме него, Максвелл, Морр, Катлен и Стэннард. Перед ними стоял Игорь.

— Я уверен, что это случайный выстрел. Пальнул часовой, и все...—говорил он.

— Но вы же не знаете, куда идти, даже если

выберетесь из города живым,—сказал Кларк.

— Знаю,—прямо говорил Игорь.—Найду.

— Если знаете, почему не пошли сразу, зачем вернулись?—подозрительно спросил Морр.

— Я хотел идти сразу... Оттащил тело, накрыл брезентом... Но потом подумал: ведь я не имею права... Не предупредить вас, что Абу погиб... Ведь теперь все иначе...

— А что иначе?—все более раздражался Морр.—Что иначе-то?

— Кроме того, я должен сказать отцу... Хотя бы проститься с ним... Я не могу так просто уйти отсюда.

— Сопли!—сказал Морр.

— Ну как?—спросил Кларк, обращаясь ко всем.—Мое мнение: пусть он решает сам, если готов идти—пусть идет.

— Согласен,—сказал Максвелл.

Морр несколько секунд колебался.

— Бесплезная затея. Его прикончат, а потом прикончат нас... Но раз вы... я с вами...

Катлен улыбнулась.

— В таких случаях решают мужчины.

Настала очередь Стэннарда:

— Снимите мою подпись,—пробормотал он.—Я не могу... Снимите... Прошу вас...

— Итак, последний аргумент,—сказал Калишер.—Если до семи утра вы не сделаете заявления перед журналистами, в семь часов пятнадцать минут ваш сын погибнет. Заметьте: не вы, а ваш сын. По классическим канонам. Если хоть одно слово из нашего с вами разговора станет известным Игорю или кому бы то ни было, ваш сын погибнет. И последнее: если вы или тем более Игорь сделаете малейшую попытку бежать, он погибнет немедленно. Все, больше у меня аргументов нет.

Он проглотил таблетку, посмотрел выжидающе на собеседника. Тот, подавленный, молчал.

— Можете идти.

Астахов направился к двери.

— Да,—вспомнил Калишер.—Инструкцию уничтожить сразу, как только выучите легенду... Желаю успеха!

Игорь искал отца. Заглянул на кухню, подошел к двери в комнату Мэри, постучал.

— Да.—Мэри стояла перед зеркалом.

— К вам не заходил отец?—спросил Игорь обеспокоенно.

Мэри покачала головой.

— Вы не знаете, где он?

Мэри снова покачала головой. По лицу ее текли черные слезы.

— День рождения,—тихо говорила она своему изображению в зеркале.—Старая дура... Старая некрасивая дура...

Морр сидел в своем номере и что-то писал. В дверь заглянул Хольц.

— У тебя еще льду в холодильнике не найдется?—спросил фотограф.—Хочу еще одну пленку проверить.

— Сейчас.—Морр встал и пошел к холодильнику.

Хольц подошел к столику, за которым только что сидел Морр, с интересом взглянул на листок бумаги. Он был весь испещрен подписями—Морр, Морр, Морр, Морр...

— Тренируешься,—усмехнулся Хольц,—отрабатываешь завиточки поэффективней.

— Нет, я просто думал: какой-то никчемный росчерк... Четыре буквы... А цена!.. Никогда не думал, что за четыре мои каракули гонораром может быть жизнь...

Рисунок Вениамина КОСТИЦЫНА

— Тут какая-то суета... Что-то от меня скрывают... А, Эдвард?

— Да нет... какая суета!..

— Стэннард сам не свой...

— А он вообще неизвестно чей...

— Слушай, что происходит?—прямо спросил Хольц.

— Да что ты меня допрашиваешь?—возмутился Морр.—Я ничего не знаю, как и ты...

— Ну, ну...—Хольц подошел к окну.

— Тебе никогда не приходилось видеть, как киты кончают жизнь самоубийством?—вдруг спросил Морр.

— Нет.

— Они выбрасываются на берег. Огромные, могучие... Жуткая картина. И никто не знает, почему. Мы сейчас похожи на этих китов.—Он усмехнулся.—Киты журналистики...

— Смотри—Астахов! Куда это его водили!—воскликнул Хольц, увидев, как по улице под дождем, сопровождаемый двумя солдатами, шел к отелю управляющий...

Астахов через черный ход вошел на кухню.

— Где ты был?—бросился к нему Игорь.—Почему ничего не сказал? Тебе же нельзя тяжелое... с твоим сердцем!..

— Ничего, ничего,—бормотал Астахов, ставя на пол две корзины. Взглянул за сердце, с трудом выпрямился.—Мне помогли...

— Тебе надо лечь. Я пойду приготовлю тебе постель...

— Иди...

Астахов остался один на кухне. Вынул из кармана листок, полученный от Калишера. Принялся читать, поглядывая время от времени на дверь. Прочел. Начал читать снова.

Рисунки Владимира КАЗАНЕВСКОГО

Рисунок Андрея БИЛЬЖО

Рисунок Евгения МИЛУТКИ

Бильжо

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

ОДИННАДЦАТЫЙ ТУР

(Продолжение. Начало см. в №№ 11—14, 16—18, 20—22 журнала.)

Ход черных. Каково будет ваше присуждение этой позиции? (3 очка).
 Просьба на лицевой адресной стороне каждой открытки, посылаемой в нашу редакцию с решением конкурсного задания, слева вверху ставить пометку «Конкурс «Смена-79», тур одиннадцатый». Запомните, пожалуйста, что письма на этот тур нужно направлять нам с 5 до 25 января 1980 года.

НА МЕЖЗОНАЛЬНЫХ ПОЕДИНКАХ

Исключительное напряжение спортивной борьбы на состоявшихся нынешней осенью в Риге и Рио-де-Жанейро межзональных турнирах личного первенства мира отнюдь не помешало участникам этих соревнований продемонстрировать высокие творческие достижения. Вниманию читателей «Смены» предлагаются два запоминающихся фрагмента из партий «межзональничков».

К такому положению пришел после 23-го хода черных поединок турнира в крупнейшем городе Бразилии Рио-де-Жанейро между нашим Юрием Балашовым (у него были белые фигуры) и гроссмейстером из Венгрии Дьюлой Саксом. Неожиданный и далеко рассчитанный маневр белых вызвал размен ферзей, что форсированно

привело к выгодному для советского шахматиста эндшпилю.
 24. Фd2—d6! Фe7:d6.
 Уклониться от предложенного размена ферзей черные не могут, так как в случае 24. ... Фe8 25. Фc7 Лa8 26. Лd2! судьбу сражения решает сдвоение белых ладей по центральной вертикали. Сейчас же черные по меньшей мере теряют пешку.
 25. Лd1:d6 Кd7—c5.
 Пешку на поле «f7» защитить не удастся, потому что на 25. ... Кpg8 пренеприятна для черных реплика 26. Лeд1, и материальных утрат им не миновать.
 26. Лd6:d8 Лa8:d8 27. Сb3:f7 Кc5—a4 28. Кg4:e5 g6—g5 29. Сf7—b3! Ка4:b2 30. Ke5—f7 Лd8—d7 31. e4—e5 Лd7—e7 32. Кf3—d4 Кb2—c4 33. Сb3:c4 b5:c4 34. Кf7—d8!
 Искусно маневрируя своей кавалерией, Ю. Балашов переводит игру в русло выигрышного окончания с двумя лишними «пехотинцами».
 34. ... Сb7—a8 35. Кd8:c6 36. Кd4:c6 Лe7—e6 37. Кc6:a7 Сg7:e5 38. g2—g3 Кph7—g6 39. Лe1—e4 Кpg6—f6 40. Лe4:c4 Лe6—a6 41. Ка7—с6!, и черные капитулировали.
 На этой диаграмме отображена позиция, возникшая после 19-го хода белых в гроссмейстерской дуэли рижского турнира между нашим Олегом Романишиным и

знаменитым датчанином Бентом Ларсеном.
 О. Романишин, игравший черными, энергично вскрыл важную диагональ для своего белопольного слона, завладел инициативой и искусно ее развил.
 19. ... f7—f5! 20. Фf3—g3? Сb7:e4 21. Се2:a6 Лd8—d6 22. Са6—d3 Се4—a8! 23. Фg3—f2 Лd6—g6 24. Лf1—g1 Се7—d6 25. Ла1—f1 Фc7:a5 26. f4:e5 Cd6:e5 27. Cd3:f5 Лg6—f6 28. Cf5—e6+ Кpg8—h8 29. Фf2—e2 Фа5—b6 30. Лf1:f6 Се5:f6 31. Се6—b3.
 Теперь черные выигрывают пешку и вскоре добиваются подавляющего превосходства.
 31. ... Сf6:b2 32. Лg1—f1 Сb2—f6 33. Фе2—f2 Лf8—c8 34. Лf1—e1 Фb6—d8 35. Фf2—e2 Фd8—e7 36. Фе2—c4 Лc8—e8 37. Сb3—a4 Фе7—b7! 38. Фc4—g4 Лe8—e4 39. Фg4—f3 h7—h6 40. Ле1—d1? Ле4:e3, и белые сложили «оружие».

Каким образом белые могут быстрее всего дать мат черному королю? (3 очка).

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.10.79. Подписано к печати 02.11.79. А 03642. Формат 70×108 1/4. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1142000 экз. Изд. № 2795. Заказ № 1446. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Музыка Юрия САУЛЬСКОГО

Музыка Юрия САУЛЬСКОГО

Музыка Юрия САУЛЬСКОГО

Музыка Юрия САУЛЬСКОГО

Музыка Юрия САУЛЬСКОГО

ОБЫЧНАЯ ИСТОРИЯ

Ах, как хотелось быть,
ах, как хотелось быть
Нам взрослыми,
С вихрями не ходить,
с вихрями не ходить
И с косами.
И вот уже зовут,
и вот уже зовут
По отчеству,
А в детство заглянуть,
а в детство заглянуть
Так хочется.
Обычная совсем,
обычная совсем
История, история.
Немного грусто всем,
немного грустно всем—
Не более, не более.
Пусть изредка вздохнем,
пусть изредка вздохнем
По прошлому, по прошлому,—
Есть в возрасте любом,
есть в возрасте любом
Хорошее, хорошее всегда.

Припев:
И нам еще любовь дана,
Чтоб целый мир собой
заполнила она,
Чтоб никогда не исчерпать ее
до дна,
Тебе и мне любовь дана.

Стихи Игоря ШАФЕРАНА

Мы ей подарим два крыла,
Чтобы она всегда высокою
была,
Чтоб за собой в просторы
звездные звала, звала!

Нам жизнь открыла мир,
нам жизнь открыла мир,
Спасибо ей,
За то, что видим мы,
за то, что видим мы
Красивое.
И даже снег простой
и даже снег простой,
Что падает,
Пленит нас красотой,
пленит нас красотой
И радует.

И, может, потому
и, может, потому
Мы счастливы, мы счастливы,
Что в жизни ко всему,
что в жизни ко всему
Причастны мы, причастны мы.
Пусть изредка вздохнем,
пусть изредка вздохнем
По прошлому, по прошлому,
Есть в возрасте любом,
есть в возрасте любом
Хорошее, хорошее всегда!

Припев.

Музыка Юрия САУЛЬСКОГО

Музыка Юрия САУЛЬСКОГО

КРОССВОРД

Составил Ф. ШЕЛЕСТОВ,
Москва

По горизонтали:

7. Река, впадающая в Байкал.
8. Рабочий-металлург.
10. Один из героев романа Ф. Рабле.
11. Скульптор, автор памятника Минину и Пожарскому.
14. Небольшое драматическое произведение.
16. Город в Донецкой области.
17. Поэма А. Жарова.
18. Современное зимнее двоборье.
20. Приток Колымы.
22. Духовой инструмент, распространенный в Узбекистане.
24. Город в Индии.
28. Звуконепроницаемая кабина для подготовки космонавтов.
29. Русский писатель XIX века.
30. Типовой образец, эталон.

По вертикали:

1. Единица электрической емкости.
2. Герой кинофильма «Коммунист».
3. Вид соцветия, гроздь.
4. Приток Лены.
5. Помещение для выращивания растений.
6. График, живописец, народный художник СССР.
9. Советский космонавт.
12. Аппарат для размножения документов, рукописей.
13. Романс А. Алябьева.
14. Спортивное состязание по разным видам борьбы.
15. Один из героев романа М. Горького «Мать».
19. Букварь.
20. Хирург, академик, Герой Социалистического Труда.
21. Герой древнегрузинского народного эпоса.
23. Самая яркая звезда в созвездии Волопаса.
25. Рельефное изображение буквы, применяемой в типографском наборе.
26. Персонаж романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история».
27. Исчисление предстоящих расходов и доходов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали:

4. Конституция.
9. Зерно.
10. Осина.
11. «Пожар».
13. Самбо.
15. Парта.
18. Боевик.
19. Сектор.
20. Стейниц.
22. Фазан.
24. Раунд.
26. Сталь.
27. Лайка.
28. Превос.
29. «Жизнь».
30. Коток.
32. Минск.
34. Набир.
35. Асама.
36. Квадрат.
37. Пистон.
39. Арагон.
41. Абзац.
44. Амбар.
48. Антей.
49. Аргон.
50. Арена.
51. Ковалевская.

По вертикали:

1. Борона.
2. Филин.
3. Диспут.
5. Столб.
6. Удача.
7. Перов.
8. «Казак».
12. Конференция.
13. Скунс.
14. Олень.
15. Пенал.
16. Астра.
17. Конденсатор.
20. «Спартак».
21. Цейтнот.
23. Завод.
25. Улита.
30. Крона.
31. Кварц.
32. Марна.
33. Катар.
38. Турне.
40. Анонс.
42. Буйвол.
43. Анапа.
45. «Манас».
46. Ананас.
47. Ареев.

ДЕВОЧКА, ЗАЖИГАЮЩАЯ ЗВЕЗДЫ

Начало на 24-й стр.

...Маленькая художница любила читать. На полках в детской комнате можно увидеть книги Есенина, Бажова, Андерсена... На особом положении сборник молдавских сказок. Девочка нашла для себя интересный образ Иланы Косынзяны. Это имя повторено на излюбленном мольберте, носящем на себе, как промокашка, множество пятен от красок...

В тетрадке для работ по внеклассному чтению есть рисунок «Созвездие Большой Медведицы» и текст от руки: «Планеты—это холодные небесные тела». Девочка еще не раз вернется к теме Космоса. При этом поражает широта ее взглядов и беспокойство души за мир, окружающий ее детство, и тот, что существует, по ее предположениям, на других планетах.

Позже появится стихотворение «Далекая земля»:

*Может быть, есть на свете
Далекая земля.*

В баночку из-под гуаши целыми днями собирала в морском песке золотистые янтаринки. И творила, творила—как дышала... Рисунки «Паланга», «Янтарный дворец», «Русалка на дне», «Нашла янтарь», «Купание в Немане»... Солнечные, нежно-алые и оранжевые тона заполняют ее полотна этой поры. Они ликующе повествуют о новых впечатлениях художницы.

Нельзя сказать, что раньше рисунки девочки были написаны равнодушной рукой. Нет, но в это время в художнице жило светлое, жизнерадостное и легкое чувство новизны—именно оно-то и покоряет.

В Паланге происходит знакомство девочки с художницей Э. С. Гурвич.

У девочки никак не получались плакучие ивы, текучесть и плавность не давались детской кисти.

И вот в один из выходов на природу в парк, к близлежащему озеру, отец и маленькая девочка заметили женщину, склонившуюся над мольбертом. Она рисовала... ивы!

ОСЕНЬ.

**НАТЮРМОРТ
С ШАХМАТНОЙ ДОСКОЙ.**

*Может, там учатся дети
Тожже в 4 «А».
Может, там летом жарко
И холодно зимой.
Может, из зоопарка
Там дети идут домой.*

И продолжение этой темы в другом стихотворении:

*Вращается планета,
Сменяется ночь днем,
И очень рады дети,
Что мы вблизи живем.*

В отношении с друзьями—та же солнечность и отзывчивость... Подружка-спортсменка, сильная девочка раздражила мальчишек, а в критический момент струсила, спряталась за спину хрупкой художницы, которая защитила ее, несмотря на физическую слабость. И смогла великодушно простить подружке измену. В минуту же тревожного откровения горько сказала отцу:

— Разве можно в дружбе предавать?
...Лето 1976 года было знаменательным для девочки тем, что провела она его в Прибалтике.

— Иди,—сказал отец,—и попроси совета.

Но женщина раздраженно захлопнула перед носом девочки мольберт и недовольно сказала:

— Не мешай мне работать.

У девочки и у самой были такие вдохновенные минуты, когда не хотелось, чтобы кто-либо вторгнулся в ее состояние, но к отцу она вернулась обескураженной...

Девочка сосредоточенно склонилась над бумагой, а отец стражем расположился рядышком. И, как ни странно, ивы в тот же день у художницы получились. Она сбегала к озеру помыть кисти, а к отцу, складывающему краски, подошла та самая женщина и замерла над мольбертом:

— Какой чудесный рисунок! Вы нарисовали?

Отец молча показал в сторону девочки, тщательнее мывшей в воде кисти, но женщина не унималась:

— Вы, конечно, шутите?

Выяснилось, не шутит. И тогда женщина извинилась перед девочкой за свое недавнее поведение, а вечером пришла в гости, чтобы познакомиться

ДАЧНАЯ КОШКА.

СОБАКА ЛАСКА.

с ее другими рисунками. Это и была художница Э. С. Гурвич.

Она настоятельно рекомендует родителям отдать девочку в детскую художественную школу. Юная художница прозанималась там всего два месяца, но и за этот, казалось бы, малый срок две ее работы—«Город будущего» и «Натюрморт»—попадают в «золотой» фонд школы.

Прошло время, и имя девочки стало известно не только в Москве и Советском Союзе, но и за рубежом. Многие люди разных стран были благодарны маленькой художнице за красоту, которую она щедро дарила окружающему миру. Произведения ее демонстрировались на советской выставке детского рисунка на Кубе, в США, Франции, Германии, Бразилии, Индии. На них изображены пейзажи родной земли, сказочные персонажи, зимние и летние игры детей, их радости, горе, фантазии, надежды, солнечная страна счастливого детства.

От работы к работе совершенствуется мастерство девочки. Она пробует силы в постижении окружающей ее жизни, ее проблем, ее образной символики: так появляются рисунки «Голубь мира» и «Старая Москва», карандашный портрет отца и автопортрет.

Трудолюбие—это прежде всего сфера эмоциональной жизни детей. Ребенок все делает, если труд приносит ему радость. Переживая эту радость, юная художница познавала красоту.

И последний год своей маленькой, но яркой жизни девочка встретила мужественно—творчеством. В этом ей могут позавидовать и взрослые.

У художницы появилось единственное грустное стихотворение о декабре-

ской метели, бушевавшей за окном. Природа словно не соглашалась с неслыханной несправедливостью:

*Все деревья в снегу,
Даже больно глазам
От такой белизны.
Снег шумит по полям.
Я совсем не могу,
Не могу я смотреть,
Мне теперь очень жаль—
Не могу песни петь.
От такой белизны
Даже больно глазам.
Ну, а снег все шумит,
Все шумит по полям.*

И просила закрыть окно, за которым страдала природа. И делала спешно карандашный набросок будущего рисунка, который наполовину успела даже раскрасить. Два прямых дерева, упирающихся в небо, и одно между ними с искривленным стволом, вот-вот упадет. Деревья напоминают вензель буквы «И», с которой начинается имя девочки.

*Тоску и грусть, страданья самый ад,
Все в красоту она преобразила.*

Эти слова из «Гамлета» Шекспира пришли на память невольню, когда отец художницы рассказал один эпизод из ее жизни.

Рисуя «Зиму», девочка вдруг начала подсвечивать снег розовой краской.

— Разве бывает такой снег, дочка?—спросил отец.

— А ты разве не видел? А на заре—не видел?

Да, нетрудно, и даже ребенку, заметить, что на восходе солнца вся природа розовеет. Но чтобы так было и на рисунке—это мироощущение. И если мне скажут, нет таких волшебниц, превращающих багряно-алые розы в яркие звезды, я отвечу:

— Есть! Я с ней была знакома. Запомните и вы ее имя—Инна Степанцева. Прожила она всего десять лет.